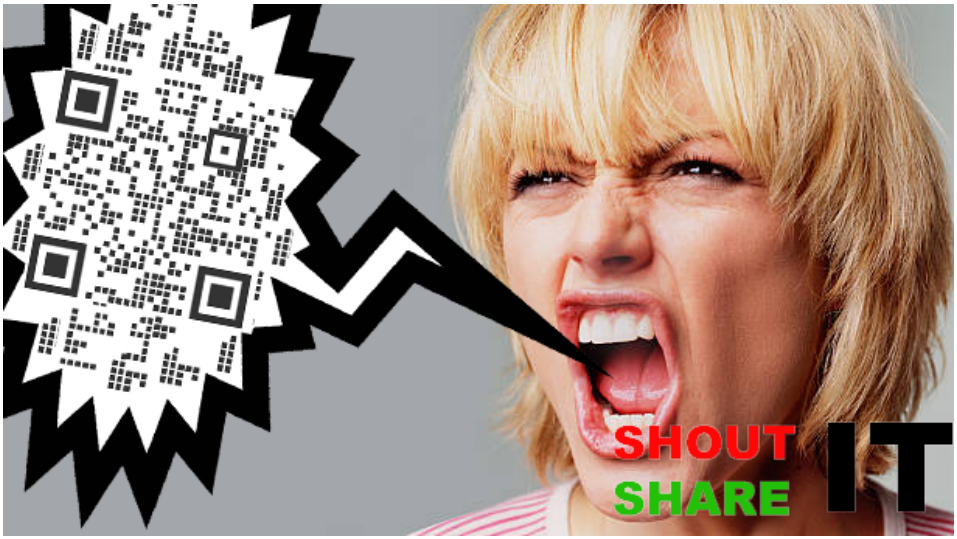
Ангел, приносящий удачу

роман

ОЛЬГИ АНТОНОВОЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В свои тридцать с небольшим Вика Кравченко считает себя несчастной. Она много работает, мало отдыхает; у нее нет богатого жениха, и ей постоянно не хватает средств на достойный образ жизни. Вика и не подозревает, что в Небесной канцелярии объявлен эксперимент по борьбе с Унынием. Вике и ее новому ангелу-хранителю дается всего лишь год на то, чтобы исправить ситуацию.

- Декабрь–январь
- Февраль
- Март
- Апрель
- Май
- Июнь
- Июль
- Август
- Сентябрь
- Октябрь
- Ноябрь
- Декабрь

Декабрь–январь

Наступило утро тридцать первого декабря. В семь часов, когда у Вики зазвонил будильник, за окном шел снег. Смуглолицые дворники уже вовсю махали лопатами, но снег валил со вчерашнего вечера, и шансов на победу у дворников было не больше, чем на то, чтобы найти хорошо оплачиваемую работу у себя на родине.

– Какая сказочная погода, – промурлыкала Вика, подойдя к окну. – Настоящая новогодняя.

Примерно в это же время соседскую собаку Моню, вторые сутки страдавшую от несварения желудка, стошнило на Викин коврик. Но Вика об этом еще не знала. Как, впрочем, и о том, что сегодня на собрании ангелов будет решаться ее судьба.

Душ, чашка кофе с ма-а-аленьким бутербродом (Вика худела), быстрые сборы на работу, сумка на плечо, плеер в карман, наушники в уши. Вика открыла входную дверь и чуть не наступила в мерзкую лужу из слизи и остатков непереваренного Моней завтрака.

“В подвале наблевали”, – звучала в Викином плеере песня группы “Ундервуд”. Очень кстати. “Нет, вам не удастся испортить мне сегодня настроение, – дала себе внутреннюю установку Вика. – Сегодня Новый год, мой любимый праздник. Сегодня я иду в ресторан. Королькова обещала посадить меня за хороший столик. Все у меня получится. А коврик этот я выброшу, когда приду с работы. В новом году будет новый коврик, и я надеюсь, не только коврик”.

Королькова была Викиной сокурсницей, она работала заместителем директора крутого московского ресторана и не просто устроила Вике приглашение на новогодний ужин с огромной скидкой, а клятвенно пообещала подобрать ей хороший столик. Хороший – значит в компании с перспективным кавалером. С перспективным – значит с богатым, нежадным и неженатым. Вика еще просила, чтобы посимпатичнее, но тут Королькова ей ничего обещать не стала.

– Ты много хочешь, мать. Давай расставим приоритеты. Тебе что важнее: смазливая моська или “мани-мани”?

–“Мани-мани”… – вздохнула Вика.

– Вот такого и будем искать. А с остальными пожеланиями уж как получится. У меня тоже, сама понимаешь, ограниченный выбор.

Королькова не лукавила. В их ресторан ходило много богатых мужчин, но свободными из них были единицы. Своего Пузика,

тем не менее, она нашла на рабочем месте. Из постоянных клиентов. Внешне Вике он совсем не нравился: маленький, толстый, лысый, с бульдожьей мордочкой. Зато жить с ним Королькова стала как у Христа за пазухой – безбедно и красиво. Сегодня они будут встречать Новый год вчетвером: Королькова с Пузиком, Вика и потенциальная жертва. Быстрей бы вечер!

Вика работала директором по персоналу в телекоммуникационной компании “Оптима”. Платили ей неплохо, но все равно с московскими ценами не очень-то разгуляешься. А разгуляться ой как хотелось!

Настроение у сотрудников сегодня былонерабочим. Все слонялись по кабинетам, торчали в курилке, поздравляли друг друга с наступающим и беззлобно ругали Дедушку, не желающего сделать выходным последний рабочий день уходящего года. Ситуация усугублялась тем, что в этом году тридцать первое выпало на субботу, а последняя суббота каждого месяца была в “Оптиме” рабочей. Зато по пятницам все сотрудники уходили домой на два часа раньше, но сейчас об этом никто вспоминать не хотел.

Дедушкой сотрудники называли генерального директора компании “Оптима”. Петр Лукич Симулин был начальником старой закалки. Он считал, что есть КЗОТ, есть Правила, есть Приказы. Все остальное от лукавого. Тридцать первое декабря всю его сорокалетнюю трудовую жизнь был рабочим днем, и он не видел никаких веских причин для того, чтобы менять установившуюся традицию. Правда, он согласился сделать предпраздничный день покороче, поскольку КЗОТ это разрешал. Но на деле покороче не получалось, потому что в последний день года Петр Лукич всегда проводил собрание персонала. Предновогоднее собрание было Дедушкиным ноу-хау. Он считал, что собрание – хорошая возможность подвести итоги года, отметить лучших сотрудников, выпить шампанского по случаю праздника и подарить подарки от компании. Это как точка в конце предложения, и ее важно поставить вовремя, потому как, проведи собрание накануне, как, например, предлагала Вика, и все расслабятся, работать не будут.

Вика играла, пожалуй, самую важную роль в подготовке собрания. Она запрашивала сведения из отделов о лучших сотрудниках, составляла списки на премирование по итогам года, обобщала данные квартальных отчетов, собирала цифры, факты, показатели и готовила на их основании речь для Дедушки. Она же совместно с офис-менеджером отвечала за новогодние подарки и фуршетный стол. Дел хватало, и часто в последнюю

декабрьскую неделю Вика засиживалась в офисе допоздна.

Сегодня Вика проверила, как идут последние приготовления к фуршету, на месте ли подарки, убран ли конференц-зал и поставлены ли охлаждаться бутылки с шампанским. В зале Вика подошла к окну поправить отклеившуюся от стекла бумажную снежинку. За окном по-прежнему шел снег. Вика облокотилась на подоконник и погрузилась в мечтания. Королькова в последние дни наводила туману, не говорила, кто же все-таки будет четвертым за их столиком, а ведь уже неделю как знала.

– Тебе понравится, не волнуйся. Я думаю, он даже во многом превзойдет твои ожидания… – Королькова делала многозначительную паузу. – В общем, сосредоточься лучше на своем внешнем виде. Отоспись, принарядись. И туфли чтобы обязательно на шпильке. Поняла меня? Обязательно!

“Наверное, высокий, раз на шпильке, – думала Вика. – Господи, ну сделай так, чтобы мне наконец повезло. А то к нашему берегу что ни приплывет – все дерьмо. Может, хоть сегодня…”

В три часа дня началось долгожданное собрание. Как обычно, с официальной речи Дедушки. – И я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что в этом году мы утроили количествонаших интернет-подписчиков. Кого мы должны поблагодарить в первую очередь? Отдел по продажам и его руководителя – Сергея Леонидовича Митенкова. Вот так, йопт. – Последние тридцать лет в Дедушкиной речи неотлучно жили два слова-паразита – “йопт” и “туды-сюды”. Сотрудники к этому давно привыкли и не обращали внимания. – А сейчас Вика Кравченко огласит список сотрудников этого отдела, представленных к премированию. Давай, Вика, туды-сюды, – кивнул Симулин Вике.

В это самое время в Небесной канцелярии проходило собрание ангелов. Подводились итоги года. С трех до пяти собрали ангелов-хранителей с именами от “А” до “З”.Для простоты ангелов называли именами тех людей, которых они хранили. При смене подопечного имя ангела тоже менялось. Ангел Федор немного нервничал. Он не понимал, почему его пригласили в это время, на собрание первой группы алфавита. Последние сорок девять лет он всегда присутствовал на последнем собрании от “У” до “Я”, а сегодня – на тебе, пришла повестка с приглашением явиться в первую группу. Пока у него было два возможных объяснения. Его могли вызвать по какому-то происшествию, так или иначе связанному с людьми из группы “А–З”, но ангел Федор ничего такого припомнить не мог. Второй вариант: в секретариате просто ошиблись. Такое нечасто, но

бывало. Проявлять инициативу и задавать вопросы здесь было не принято, и ангел Федор ждал.

– И я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что в этом году нас больше всего тревожат показатели по первому смертному греху. Число грешников в этой сфере растет, и растет рекордными темпами. Вы скажете: “Это не наша работа”. Ошибаетесь, друзья мои. Кто, как не вы, способны наставить своих подопечных на путь истинный? – вещал с трибуны Старший ангел.

Ангел Федор вздохнул с облегчением. Первым смертным грехом считалось Уныние. Уж кто-кто, а его подопечный этим никогда не страдал. Выпить он любил, это да, но пьянство не есть смертный грех. А Уныние – это не по его части. Федор не унывал, даже когда не вовремя заканчивалось спиртное. “В секретариате напутали”, – решил ангел Федор и смежил веки, продолжая вполуха слушать речь Старшего ангела.

– …Поэтому нами было принято решение о проведении в новом году эксперимента. Мы выбрали в каждой группе трех человек с наихудшими показателями по Унынию. Тех, у кого недовольство жизнью просто, с позволения сказать, зашкаливает и переходит все мыслимые и немыслимые границы. Их ангелы-хранители на время отстраняются от работы и переводятся в ранг производственников. – В зале послышался встревоженный гул. Ангел-производственник стоял на более низкой по сравнению с ангелом-хранителем ступени. Старший ангел меж тем, не обращая никакого внимания на ропот недовольных, продолжил: – Их место занимают ангелы-хранители с лучшими показателями по Унынию. Срок эксперимента – год. Цена вопроса – жизнь хранимого. Ровно через год по результатам эксперимента нами будут подведены итоги и скорректированы жизненные планы участвовавших в эксперименте людей. Тот, кто не сможет изменить свое отношение к жизни, будет таковой лишен. Сие есть ВоляГосподня. – Старший ангел почтительно склонил голову.

В зале установилась тишина. Присутствующие ангелы прикидывали свои шансы на попадание в вышеупомянутую тройку.

– Итак, позвольте мне зачитать имена хранимых и их новых хранителей. Малютин Дмитрий Генрихович поступает под защиту ангела Елены Лебедь. Калашникова Зоя Васильевна поступает под защиту ангела Анны Смирновой. И наконец, – Старший ангел зашуршал страницами, отыскивая нужное имя, – Кравченко Виктория поступает под защиту ангела Федора Иванюшкина.

После окончания речи большинство присутствующих в зале с облегчением вздохнули. Ангел Федор не верил своим ушам. Ему

меняют хранимого. Вот так, в одночасье. Без всякого предупреждения и без видимых причин. Не в силах больше сдерживаться, ангел Федор поднял правую руку. Нарушая правила, поскольку задавать вопросы здесь было не принято.

– Да, – полувопросительно сказал Старший ангел, заметив жест ангела Федора.

– А как же мой Федор?

– Твой алкоголик поживет пока на автопилоте. Ничего с ним не сделается, – строго ответил Старший ангел. Некоторые из присутствующих засмеялись.

Ангелу Федору очень не понравилось, что Федора назвали алкоголиком. Он не любил это слово за его ярко выраженную отрицательную окраску. Да, Федор пил. Или, как говорила его бывшая теща, злоупотреблял. И надо признать, что употреблял зло он часто и помногу. Но это еще не дает право посторонним, будь они даже Старшими ангелами, наклеивать на человека такой уничижительный ярлык. Ангел Федор предпочитал, чтобы Федора называли алконавтом: и с юмором, и на космонавта похоже. Но в данный момент обидное слово было не самой большой проблемой.

Автопилот – вот что звучало как приговор. Ангел Федор не доверял технике и, будучи добросовестным хранителем, редко оставлял подопечного без своего незримого присутствия. И хотя у всех ангелов-хранителей было право использовать в определенных случаях автопилот, ангел Федор старался этого не делать. Люди говорят, что пьяницам везет, но ангел Федор был убежден, что везет только тем пьяницам, которых лично охраняет ангел. В жизни у этой теории было немало наглядных подтверждений.

– Еще вопросы? – прервал Старший ангел размышления ангела Федора.

– Когда происходит смена хранимого?

– В ноль часов ноль-ноль минут первого января.

Ангел Федор взглянул на часы. Времени оставалось совсем немного.

Когда Вика вернулась домой, вонючего коврика у двери не оказалось. “Интересно, кому понадобилось такое богатство?” Вика вошла в квартиру и сразу опустилась в стоящее в прихожей кресло. Часы показывали полседьмого. Хотелось есть и спать. Усталость и недосып последней недели давали о себе знать. Как всегда, не вовремя. Усилием воли Вика поднялась с кресла, разделась и поплелась на кухню. В холодильнике на средней полке одиноко маячила баночка с йогуртом. Две банки консервов

“Сайра в собственном соку” пугливо забились в правый дальний угол верхней полки. Нижняя была абсолютно пустой. “Ну и ладно, останется больше места для новогоднего ужина. К тому же не будем забывать о диете”.

Выйти из дома Вика планировала пол-одиннадцатого. На сборы оставалось четыре часа. Любая женщина знает, что это дьявольски мало для того, чтобы достойно подготовиться к знакомству с перспективным неженатым мужчиной.

Полдесятого, когда Викины приготовления находились в самом разгаре, в дверь позвонили. В глазок Вика увидела соседку Полину с радостной улыбкой на лице и большим свертком в пухлых лапках. “Только тебя мне сейчас и не хватало”, – с тоской подумала Вика, медля повернуть собачку замка.

– Давай, Викуля, открывай. Это свои, – радостно басила Полина, как будто почувствовавшая Викино замешательство.

Полина, или, как называла ее за глаза Вика, тетушка Поли, жила со своим многочисленным семейством в соседней квартире. Тетушка Поли была совсем еще не тетушкой, а дамой вполне бальзаковского возраста. Будучи женщиной крупных форм и большой любвеобильности, Поли долго страдала от нехватки объектов, на которые можно было бы эту любвеобильность излить. Наконец лет пять назад ей удалось женить на себе какого-то чудика. Сразу после свадьбы молодая семья начала активно размножаться. Сейчас в их активе были две дочки, собака Моня, хомячок Узбек, получивший такое имя за хитрый взгляд с узким прищуром, и планы по рождению сына. С появлением детей Поли окончательно махнула на себя рукой и занялась воспитанием дочек. Акцент делался на интеллектуальном развитии крошек. Поли постоянно что-то читала на эту тему, ночами бродила по соответствующим форумам в Интернете и слету могла объяснить, чем, например, отличается теория воспитания Сесиль де Люпан от методик Глена Домана. Детским садам и нянькам Поли не доверяла и проводила с детьми все свое время. Ни одна минутка при этом не проходила даром. Если девочки неслушали классическую музыку, то занимались пальчиковой гимнастикой. Если не занимались пальчиковой гимнастикой, то рассматривали энциклопедию художников-передвижников. Если не рассматривали энциклопедию художников-передвижников, то учили названия цветов по специальным карточкам. И так весь день. Говорить о чем-то, кроме как о детях, Поли окончательно разучилась, и поэтому Вике было с ней скучно. Полинины девочки, по мнению Вики, получились некрасивыми, и она не понимала, зачем Поли так усердствует в развитии их умственных способностей. Некрасивые и умные – это прямая дорога в старые

девы. Похоже, что ослепленная материнской любовью Поли этого не понимала.

– Привет, Вика! – радостно закричала Поли, когда дверь перед ней наконец распахнулась. – Что так долго не открывала?

– Привет, Полина. Я вот на ужин в ресторан собираюсь. Заходи.

– В ресторан? А мальчики там будут? – захихикала тетушка Поли. – Не бойся, я тебя надолго не отвлеку. – Полина зашла в прихожую, прикрываясь прямоугольным свертком, как щитом. – Закрой глаза! – скомандовала она Вике.

– Полина, ну не валяй дурака.

– Ну что тебе трудно сделать маме Поле приятное?! Закрой глаза.

Вика повиновалась. Тетушка Поли зашуршала бумагой, ее тапочки зашаркали по полу, послышалась какая-то возня.

“Надеюсь, что она не спрятала под бумагой какое-нибудь домашнее животное. Не дай бог. А то у нее хватит ума подарить мне потомство Узбека, что я потом с ним буду делать”, – думала тем временем Вика.

– Алле-оп! Открывай глаза. – Полина держала в руках новый коврик. На коврике три больших черных кота поднимали кверху лапки, указывая на надпись “Welcome!”. Вика вздохнула с облегчением. Нарисованные животные, в отличие от настоящих, ее полностью устраивали.

– Спасибо, Полина. Такой милый коврик! Так это ты сегодня убрала мой старый? Представляешь, какие-то твари мне его за ночь изгадили. Слушай, спасибо тебе большое.

– Не за что. – Полина решила не вдаваться в подробности и не выдавать бедную Моню. – У меня есть еще один сюрприз!

– Какой?

– Раз, два, три! Елочка гори! – Тетушка Поли жестом фокусника достала из-за кресла бутылку шампанского.

“Так вот почему она так долго возилась: бутылку прятала. Тоже мне факир-самоучка”, – пронеслось в голове у Вики.

– Пошли на кухню. Где у тебя фужеры? – командовала меж тем тетушка Поли.

– Полина, а тебе не кажется, что мы рано отмечать начинаем? И потом, ты же вроде не пьешь?

– Ничего не рано. В самый раз. Ты же через час уже в свой ресторан умотаешь, так когда мы с тобой сможем выпить за Новый год? А про “не пьешь” ты права. Это первый Новый год из последних четырех, когда я могу позволить себе выпить бокал шампанского! То я была беременная, то кормила, то опять беременная, то снова кормила. Представляешь?

– Не представляю. Полин, давай завтра, а? Я сегодня ничего не ела, меня же с шампанского развезет в два счета.

– И не проси! “А не то как зарычу, говорит, налечу и проглочу, говорит”. Вика, ну никто же не собирается напиваться. Давай, уважь маму Полю. – Полина уже достала из кухонного шкафчика бокалы и принялась с энтузиазмом сдирать с пластмассовой бутылочной пробки золотую фольгу.

Вика поняла, что сопротивляться бешеному напору тетушки Поли не в ее сегодняшних силах.

– Учти, что закусывать у меня нечем.

– Извини, я не сообразила что-нибудь из дома прихватить. Теперь возвращаться нельзя, дети и так еле-еле меня отпустили. Ненадолго.

“Слава богу, что ненадолго”, – подумала Вика, а вслух сказала:

– За Новый год! – и подняла бокал.

– Нет, подожди! Первый тост – за знакомство! Я так рада, что в этом году ты стала моей соседкой.

Вика подумала, что действительно вот так незаметно и прошел почти год с тех пор, как хозяин ее предыдущей квартиры поругался с женой и дочкой и попросил Вику освободить помещение.

“Побыстрее, пожалуйста, – просил он, – сил моих больше нет жить в этом серпентарии”.

Побыстрее не получалось. Она посмотрела десяток квартир, прежде чем остановиласьна этой. Первой была двушка в одном из спальных районов столицы. Довольно приличная, но сильный запах кошачьей мочи в подъезде и сушившаяся на соседнем балконе пара семейных трусов не вселяли надежду на светлое будущее. Поймав взгляд Вики на соседский балкон, хозяйка гордо сказала: “А там у нас Петр Игнатьич живет, инспектор ДПС”. В голосе ее звучали нотки гордости – вот, мол, какие соседи у нас, можно сказать VIP-окружение. Но мысль о том, что семейные трусы в горошек принадлежат инспектору ДПС, Вику никак не согрела. Потом была квартира, в которой месяц назад умер дедушка. О том, что предыдущий жилец отправился в мир иной, рассказали висящая на стене фотография в траурной рамке, отрывной календарь, остановивший отсчет времени на дне 27декабря, и не успевший выветриться из помещения запах старости и смерти. Дедушкина дочка так торопилась сдать квартиру, что решила не тратить время на уборку. Потом было еще несколько убогих вариантов. И наконец, Вика нашла эту квартиру. Конечно, арендованная в новом микрорайоне Бутино

однушка хоть и именовалась гордо “квартира-студия”, но все же была далека от идеала. Самым неприятным был окружающий ландшафт. На въезде в микрорайон плечом к плечу стояли новостройки, напоминавшие роту солдат-новобранцев. Их одинаковая этажность и серопанельный вид подавляли психику даже устойчивых к стрессам москвичей. Это былоникакое не “welcome”, а чистой воды “no pasaran”. Но выбора у Вики не было.

Идеалом для Вики, как и для большинства провинциалов, был, конечно, центр Москвы. Желательно, чтобы с каким-нибудь звучным названием улицы. Например, Старый Арбат или Патриаршие пруды или, на худой конец, Малый Кисельный переулок. Так, чтобы больше ничего не надо было объяснять. Брякнуть небрежно при встрече: “Я живу на Арбате”, и все дела. Это даже жители ее родного Кувшиново смогли бы оценить. Хотя не все, конечно. Но за квартиры в центре ломили такую арендную плату, на которую можно было снять в Кувшиново Дом культуры, причем не на месяц, а года на три. С питанием и уборкой. Так что с этой мечтой пришлось пока расстаться. Вика очень надеялась, что пока.

Следующий тост был за Новый год. Потом за женское счастье. Затем за Полининых крошек. Не выпить было нельзя. Наконец бутылка опустела, тетушка Поли отвалила домой, а Вика обнаружила, что в тостах и разговорах незаметно прошел почти час. “Так, одеваемся, красимся. Не забыть взять с собой туфли, мобильный, деньги на такси… Что еще?” В голове шумело проклятое шампанское. Вика присела на диван. “Три минуты посижу, потом стартую. Засекаем время”. Вика закрыла глаза.

После собрания ангел Федор в расстроенных чувствах вернулся на свой пост. “Эх, Федя, Федя, бедненький ты мой. Ни за что мы с тобой пострадали. Как нам было с тобой хорошо! А теперь твою жизнь доверяют бездушной машине, а меня отправляют к какой-то капризной девице”.

Считается, что ангелам, как существам бесполым, все равно, с кем иметь дело – с мужчиной или с женщиной. Но ангел Федор предпочитал мужчин, как более предсказуемых и управляемых подопечных.

“Ты уж продержись этот год. Я буду тебя навещать”, – думал ангел Федор, с умилением глядя на Федю Иванюшкина, выворачивающего карманы верхней одежды в поисках завалявшихся денежных купюр. Наличности на достойную встречу Нового года Федору пока не хватало.

– Вот, блин, куда все деньги подевались? Нам же тринадцатую неделю назад выплатили. Не мог же я ее всю

пропить? Не мог. Надо искать. Думай, Федя, думай…

Ангел Федор очень хотел сделать Феде новогодний подарок. В другой раз он, может быть, и подкинул бы ему деньги, но сейчас, с учетом предстоящей разлуки, ангел решил сделать Федору куда более изысканный сюрприз. Для этого надо было выманить Федю на улицу.

– Давай, выйди на улицу. Ничего, что на бутылку не хватает. Там разберемся, – шептал ангел, кружа над Фединой головой.

– Э-эх, вот так всегда, по закону подлости. Когда праздник и нужны деньги, их всегда нет, – бормотал Федя, одновременно отодвигая от стены тумбочку и с надеждой заглядывая в образовавшийся зазор: может, там? – Ладно, придется что-нибудь продать. Нельзя же Новый год не отметить. Нельзя. Что бы такое продать, чтобы наверняка купили? – Федя задумчиво обвел глазами комнату. Ничего дельного в поле зрения не попало. – Так, так. Сегодня праздник. Нужен какой-то сувенир, чтобы в тему. О! У меня же на антресолях должна быть елка. Мне она уже ни к чему. Что я, ребенок, что ли? А продаться должна. Мало ли вот так кто-то не успел поставить елку, а по магазинам бегать уже некогда. Молодец, Федя! – И Федор полез на антресоли в поисках елки.

Через пять минут из глубин антресолей был извлечен полиэтиленовый пакет с искусственной елкой. Елочка была небольшая, сантиметров сорок высотой. Китайские производители не очень старались придать ей сходство с натуральной и, видимо, в качестве компенсации густо покрасили ее ветки красно-золотой краской. После нескольких лет лежания на одном боку елка скособочилась, позолота местами осыпалась, и сейчас она походила на дерево-мутант неизвестной породы. Лапки вроде похожи на хвойные, а цвет как у осенних кленовых листьев: багряно-золотой с редкими зелеными вкраплениями. Федора, однако, это жалкое зрелище нисколько не огорчило. Он наспех протер еловые ветки половой тряпкой, подумав, сунул елку в тот же пакет и, одевшись, вышел на улицу.

На улице шел приятный снежок. На пятачке рядом с круглосуточным продуктовым магазинчиком, где обычно бабки продавали шерстяные варежки и носки, а мужики собирались в компании по алкогольным интересам, сейчас было пусто. Федор встал поближе к магазинной двери и достал из пакета елку. Двери магазина не успевали закрываться: москвичи с очумелыми лицами сметали с полок остатки продуктов и спиртного. К новогоднему столу.

На Федора никто не обращал внимания. Сначала он стоял молча, потом попробовал свой товар рекламировать:

– А вот кому нужна елка? Отличная елочка. И недорого.

Эффект был нулевым. Прохожие, бросив быстрый взгляд на предлагаемый Федей товар, продолжали свой маршрут, даже не замедлив шага. Минут через двадцать, когда начавший замерзать Федя стал подумывать о том, что, возможно, стоило прийти сюда не с елкой, а с чем-нибудь другим, например с радиоприемником “Волна”, из магазина вышел невысокий мужчина в хорошей дубленке и добротной меховой шапке. В руках его был портфель.

– Почем елка? – спросил он, приблизившись к Федору почти вплотную.

– Да сколько дадите. Мне хотя бы пол-литра на праздник купить, а то зарплату задержали, сволочи.

– М-м-м, – неопределенно промычал незнакомец, – бывает. Слушай, друг, а давай выпьем? Понимаешь, жена с детьми к теще в деревню укатила, а я не смог с работы сорваться. Теперь вот одному Новый год встречать. Грустно как-то. Горючее у меня с собой есть, – он многозначительно посмотрел на свой портфель. – Мужик ты, я вижу, хороший. Может, составишь мне компанию?

– Конечно, друг, – у Феди от радости бешено заколотилось сердце. – Давай, пошли ко мне, я тут рядом живу.

– Неудобно как-то. Что твои домашние скажут? – засомневался незнакомец.

– Да один я, один. Пошли, не стесняйся.

Когда дома у Федора незнакомец снял шапку, оказалось, что он совершенно лысый.

“Какой милый дядька, – подумал Федор. – Кого-то он мне напоминает. Актера какого-то, что ли?”

Милый дядька достал из портфеля бутылку хорошей водки, батон хлеба, литровую баночку маринованных огурцов и несколько консервных банок с закуской.

После первой рюмки выяснилось, что случайного знакомого тоже зовут Федей. Это еще больше расположило Федора к лысому. “Вот ведь как мне повезло, послал Бог и выпить, и закусить, и в хорошей компании”.

За разговором выяснилось, что у новых друзей много общего. Оба с ностальгией вспоминали советские времена, оба любили актрису Клару Лучко (А как она играла в “Будулае”, помнишь?!), оба, захмелев, не сговариваясь, затянули “Ой, мороз, мороз…”. Только с профессией лысого Феди вышли непонятки, как-то он темнил на эту тему, говорил, что людям помогает, а в подробности не вдавался. Ну а Федя Иванюшкин не стал пытать, может, человек в МЧС или в других каких органах работает, может, он государственную тайну соблюдать должен. “Видимо,

поэтому у него такой клин на теме здоровья", – догадался Федя. Что ни тост, то "за здоровье и благополучие". Небось на работе-то насмотрелся на несчастья и болезни всякие, вот мужика и торкнуло. А так новый знакомый был всем хорош, а уж когда он достал из своего портфеля четвертую бутылку (и как там только все это умещалось?), Федя Иванюшкин не выдержал и всхлипнул от умиления:

– Федя, да ты просто ангел. Мне тебя Бог послал. Давай за тебя!

– Будь здоров, Федя, – произнес в ответ лысый. – С наступающим! Пусть этот год будет у тебя хорошим.

Что было дальше, Федя не помнил. У него и раньше после пьянок случались провалы в памяти, но тут как-то странно. Вроде сидели, выпивали, разговаривали, а потом – раз, и пустота. Как ушел лысый, во сколько, до полуночи или уже после? Федя проснулся утром в своей кровати. Голова с похмелья, как ни странно, не болела, и он даже на какой-то миг подумал, что ему это все приснилось. Но нет, это был не сон. На столе в кухне стояли две рюмки и початая бутылка водки, в банке плавали три маринованных огурца, а в прихожей из потертого пакета выглядывала так и не проданная китайская елка.

Ангел Федя появился в квартире Вики за двадцать минут до наступления Нового года. Вика спала. Она так и заснула: откинувшись на спинку дивана в праздничном платье и с вечерним макияжем. Лежащий на другом краю дивана мобильный телефон начал вибрировать, на экране высветилась надпись: "Королькова".

"Давай-ка мы тебя пока отключим. Не мешай нам знакомиться", – решил ангел Федя.

Он смотрел на Вику и думал: "Вот ведь, молодая, симпатичная, здоровая. Живет в большом городе, в нормальной квартире, работа есть, зарплата хорошая. Чего ей не хватает? Почему Уныние?" Он лично не имел дела с девушками последние лет сто пятьдесят и поэтому заранее проконсультировался с коллегами: мол, какие могут быть проблемы, чего ждать? Ему, конечно, много чего порассказали, но для краткости весь комплекс нынешних девичьих забот можно было свести к двум пунктам. Пункт первый: бренды. Пункт второй: выйти замуж за Абрамовича. Конечно, эти симптомы проявлялись не у всех и не всегда. Но Викина характеристика: живет в Москве, одинока, менеджер среднего звена, подвержена приступам депрессии – была практически типичным описанием такого рода хранимых.

Бренды, как понял ангел Федя, это что-то типа модных вещей.

Фетишей из мира тряпок. Причем ценился не фасон, цвет, внешний вид или ручная работа. Ценилось имя. Ангел Федя долго не мог понять, как это. Спасибо, коллеги объяснили. Они включили телевизор, пощелкали пультом, нашли передачу с модной ведущей. На голове у ведущей был повязан ярко-оранжевый платок. На платке была надпись: “Hermes”. Прямо на лбу. Как клеймо. Ангелу Феде так не нравилось. Однако выяснилось, что именно так и есть круто. Будь у нее просто оранжевый платок, в этом не было бы ничего интересного, будь у нее платок с именем, не входящим в список желаемых брендов, это вообще было бы плохо, а так все видят, что за платок, и понимают, сколько за него было уплачено. Ведущая довольна, остальные завидуют. Стоила эта тряпочка примерно три зарплаты Феди Иванюшкина, и ангел Федя был в шоке.

Второй момент – выйти замуж за Абрамовича – расшифровывался так: каждая девушка мечтает выйти замуж за олигарха, но не просто за олигарха, а за самого богатого олигарха, то есть за Абрамовича. Сам Абрамович, как известно, был женат, его ближайшие соседи по списку “Форбса”, как правило, тоже. Но девушек это не смущало. Они все читали в детстве сказку про Золушку и смотрели в юности фильм “Красотка” с Джулией Робертс и Ричардом Гиром в главных ролях. Они верили, что им повезет. Если долго не везло и постоянно не хватало средств на покупку брендов, впадали в уныние.

“Что же мне с тобой делать, милая? – думал ангел Федя, глядя на Вику. – Как тебя перевоспитывать? Жалко будет, если ты умрешь во цвете лет по глупости”.

Стрелки часов совпали на цифре двенадцать. С улицы послышался нестройный хор: “Ур-ра!” – и звук разрывающихся фейерверков. Ангел Федя стал ангелом Викой. А Вика еще спала.

“Ну что, так и проспишь весь праздник? Пора тебя будить”. – Ангел Вика включил мобильный телефон. Почти сразу же раздался настойчивый звонок.

– Але. Да? А, это ты… – сонным голосом ответила Вика. – И тебя, Павлик. А я, представляешь, уснула. А сколько времени? Как пять минут первого?! Ты что, шутишь?

Вика выронила телефон из рук. Из трубки доносился юношеский голос: “Але, але, Вика, я тебя не слышу. Але-е-е”.

– Вот всегда со мной так. Всю жизнь мне не везет. – По лицу Вики катились слезы, оставляя мокрые дорожки на слое золотистой пудры. – В кои-то веки представился шанс познакомиться с богатым мужиком (“Так, мечта о встрече с

Абрамовичем”, – отметил ангел Вика), и я его так бездарно профукала. Как, ну как я могла заснуть? Это все Поли виновата. Приперлась со своим дешевым шампанским, тоже мне подружку нашла! А я, ну зачем я с ней пила? Так мне и надо, вот и буду теперь всю жизнь с такими как Поли общаться, вкалывать на работе, как лошадь ломовая, и откладывать деньги на покупку какой-то несчастной пары туфель от Jimmy Choo (“Ага, вот и бренды пошли”, – догадался ангел). Хотя зачем они мне, если у меня такие поклонники, как этот придурок Павлик? Ему что Jimmy Choo, что китайские кеды – никакой разницы. Ну разве это жизнь? Разве на это я рассчитывала, когда приехала в Москву? Почему, ну почему мне так не везет?

У ангела Вики от этого воя с непривычки разболелась голова.

“Чего она так убивается? С кем она собиралась познакомиться?”

– Куда ты должна была пойти, деточка? – обратился он к Вике.

– Королькова сейчас, наверное, думает: ну и дура ты, Вика. Такой вариант упустила. – Вика взяла в руки мобильник. – Точно, она мне звонила два раза, а я даже звонков не слышала.

Ангел Вика тряхнул указательным пальцем и вывел на видимый только ему дисплей картинку с Корольковой.

Королькова с Пузиком танцевали медленный танец, за их столиком сидел несостоявшийся Викин кавалер. Кавалер вальяжно обводил глазами дам, присутствующих в зале, лицо его было не лишено привлекательности, но тяжелый хищный взгляд наводил на нехорошие мысли.

Ангел Вика ткнул пальцем в соответствующий раздел картотеки: “Так, что мы имеем? Васютин Дмитрий Григорьевич. Сорок семь лет. Владелец банка „Мономах“, совладелец и соучредитель сети магазинов… Так, это неинтересно. – Ангел Вика перелистнул страничку. – Ага, вот, так я и думал. Грехи: Алчность, Похоть – высокая степень вовлеченности, Гнев, Гордыня и даже смертоубийство… Да-а… Ну-ка посмотрим жизненный план… Длинный. Тебя бы, дурочка, помучить успел. Жаль, что я не могу тебе это показать”.

– Иди умойся и ложись спать, нам обоим пора отдохнуть, – шепнул он Вике на ушко.

Вика неожиданно почувствовала себя совершенно ослабевшей. Не было сил даже продолжать плакать. Она пошла в ванную, приняла душ и, надев любимую пижаму от Patrizia Pepe, легла спать.

Февраль

За полтора месяца в новой роли ангел Вика смертельно устал. Эта девица временами была просто невыносима. Ее ничто не радовало, у нее все время что-нибудь да болело, и, что самое ужасное, она абсолютно не прислушивалась к советам своего ангела-хранителя. Это только кажется, что ангелам легко работать, что они живут припеваючи, летают по пятам за хранимым, а чуть того не туда повело, они раз – и сделали чудо. Нет, на деле все обстоит совершенно не так. Конечно, ангел способен сотворить чудо, но прибегать к волшебству он может только в самом крайнем случае. Все-таки на земле должна сохраняться правда жизни, причинно-следственные связи и тому подобное. Поэтому работа ангела на девяносто процентов состоит из рутины: ежеутренний просмотр сводки планируемых аварий и происшествий, прокладывание соответствующих маршрутов вдали от опасностей, мониторинг местности, чтобы, не дай Бог, в какой открытый люк не навернулся или за оголенный провод не схватился, и постоянная профилактическая работа с хранимым: нашептывание, наставления на путь истинный.

Бывает так, что недобросовестные ангелы манкируют некоторыми своими обязанностями, и тогда получаются или те самые чудеса, или резкое сокращение жизненного плана клиента. За такое, конечно, наказывали, но ангел Вика сам по себе был добросовестным и делал все, чтобы не только сохранить свою новую подопечную целой и невредимой, но и выполнить задачи поставленного эксперимента. Он решил начать с разъяснительной работы, хотел показать Вике другие стороны бытия и другие взгляды на жизнь. Пока получалось плохо. Он шептал, она не слушала, он давал картинку, она истолковывала все превратно, он пытался объяснить истинную суть явлений, она отмахивалась от его слов, как от назойливой мухи.

Сейчас они ехали в метро на работу.

– Уважаемые пассажиры метрополитена! – неслось из громкоговорителя. – Просьба сообщать по телефону или по линии экстренной связи “пассажир–машинист” о лицах в пачкающей одежде, курящих и занимающихся попрошайничеством.

“А о вонючих и блохастых куда сообщать?” – думала Вика, глядя на сладко посапывающего бомжика, сидящего по центру скамейки. Справа и слева от него были пустые места, на них так и не нашлось желающих присесть, несмотря на то что вагон был переполнен.

– Да, дорогая, посмотри, посмотри на него. Я специально

завел тебя в этот вагон. Видишь, насколько ему хуже, чем тебе? У него нет родителей, жилья, горячего обеда, теплой ванны и средств к существованию. И тем не менее он не ноет и не жалуется на жизнь, как некоторые. Он радуется тому, что есть, – шептал ей в правое ухо ангел Вика.

“Это просто безобразие какое-то. Как таких в метро пускают? Хорошо еще, что сейчас не лето. Да и остальные немногим лучше, черт-те как одеты, половина прет немыслимых размеров котомки. Нет, надо с этим завязывать. Надо покупать машину. Невозможно уже каждый день с этим быдлом тусоваться. Вот стоит мужик. Зачем он снял шапку, если у него не мыта голова уже неделю? Или эта тетка слева. Если от нее в феврале так пахнет пoтом, то что же будет в июле? Неужели трудно купить себе дезодорант? Надо срочно записаться на курсы вождения. Сил больше нет выносить этот общественный транспорт”, – думала Вика.

– Таким как ты, дорогуша, везде плохо. Машина тебя вряд ли спасет. Ты еще небось и ездить хочешь не меньше чем на “мерседесе”.

“Да-а. Курсы, допустим, я окончу. Права придется покупать, самой сдавать, говорят, дохлый номер. А вот на машину где деньги взять? Не на „жигулях“ же ездить, а на что-то хоть мало-мальски приличное надо откладывать и во всем себе отказывать. Может, кредит у Симулина попросить? Ладно, это все равно ближе к лету надо будет думать”.

На работе Викины подчиненные с оживлением обсуждали, в каком из супермаркетов лучше делать покупки.

– А я тебе говорю, что там все продукты на порядок дешевле, – горячилась инспектор по кадрам Лена Фролова.

– Это только так кажется. А ты считала, сколько ты тратишь бензина, пока пол-МКАДа до него и столько же обратно проезжаешь? – возражала руководитель учебного центра Наташа Капустина.

Как только Вика вошла в комнату, они притихли и уткнулись в лежащие на столах бумажки.

– Вика, тебе Симулин минут десять назад звонил, просил зайти, – сообщила Фролова. – А чего ты такая грустная?

– Голова болит.

– Дать таблетку?

– Не надо. Не поможет. Вы отчет по тренингам подготовили?

– Заканчиваем, – бодро ответила Наташа Капустина.

– Вы уже вторую неделю его заканчиваете. Чтобы сегодня к концу рабочего дня отчет был у меня. – Вика взяла со стола ежедневник, ручку и вышла из комнаты.

– Зла-а-я, – протянула Капустина. – Че она бесится, не знаешь?

– Мужика ей надо, – предположила Фролова.

– Ага, тогда на нем будет зло срывать, а не на нас. Так почем, ты говоришь, там тростниковый сахар покупала?

– Пятьдесят шесть рублей.

– За полкило?

– Да.

– Какой фирмы?

–“Ням-ням”.

– Не ври!

– Я тебе говорю! Хочешь, чек в следующий раз покажу?

– Нет, ну я верю. Это действительно дешево. Надо будет своему сказать, чтоб туда съездил. Но он разве захочет так далеко от дома пилить? Ленивый, скотина… – Капустина вздохнула и придвинула к себе папку с незавершенным отчетом.

Дедушка был занят. Вика прождала полчаса в приемной, прежде чем двери симулинского кабинета распахнулись и оттуда, вжимая голову в плечи, выскользнул директор по продажам.

– Заходи, – кивнул Симулин Вике.

Вика вошла в кабинет.

– Ты что же опаздываешь, Виктория? Ятебе пять минут десятого звонил, тебя еще не было на месте.

– Транспорт, Петр Лукич. Автобус долго сегодня ждала. На десять минут опоздала.

– Я понимаю, транспорт, туды-сюды. Но ты же кадровик, более того, директор по кадрам. Персонал с тебя берет пример. Тебе опаздывать нельзя.

– Нельзя, Петр Лукич, – покладисто сказала Вика, и только ангел сумел прочесть последовавшие за этим непроизнесенные фразы: “Скажи спасибо, что вообще пришла. Давай выкладывай, что тебе нужно. Какую еще ерунду ты придумал?”

– Я вот о чем хотел с тобой поговорить, Вика. Что у нас происходит в отделе продаж? Почему ты никак не подберешь им ведущего менеджера?

– Кризис на рынке профессиональных кадров, Петр Лукич.

– Какой еще кризис, йопт? Ты мне это дело, Виктория, бросай. Так и скажи, что этим не занимаешься. А то – кризис, туды-сюды.

– Я занимаюсь. Я лично каждый день отсматриваю по два-три кандидата. Пока не было ни одного приличного.

– Так не бывает, чтобы уж все плохие. Значит, не там ищешь.

– Такие позиции, Петр Лукич, обычно закрываются с

помощью профессиональныхрекрутинговых агентств. У них есть свои базы.

– Ну так в чем же дело, Вика? Обратись в агентство.

– У меня нет на это бюджета.

– Виктория, ты это… давай не зли меня, йопт. Нет у нее бюджета. Так напиши заявку в бухгалтерию. Я подпишу. Ты, ей-богу, как будто первый раз замужем, туды-сюды.

“Да, я напишу заявку в бухгалтерию, потом ты неделю будешь ее подписывать, потом они – две недели ее рассматривать, потом потребуют объяснений и уточнений, потом скажут, что выдадут деньги в следующем месяце, так как за этот уже закрыли баланс. Сказка про белого бычка”, – думала Вика, а вслух сказала:

– Хорошо, Петр Лукич, я так и сделаю.

– Добро. И кстати, где отчет по тренингам?

– Сегодня будет, Петр Лукич.

– А когда обещала сделать? Неорганизованная ты все-таки, Виктория. А ведь ты должна быть примером для персонала.

– Я исправлюсь.

– Ладно, иди.

Из кабинета генерального директора Вика спустилась в кафе на первом этаже. Взяла чашечку кофе, маленькую шоколадку и погрузилась в свои невеселые размышления.

“Разве это жизнь? В семь утра встаешь, полтора часа пилишь в толчее и давке на эту работу. Здесь весь день проходит в понукании ленивых подчиненных, собеседованиях с разными ищущими работу придурками и написании кучи бессмысленных отчетов, должностных инструкций и учебных программ. Всегда в цейтноте. Зарплаты ни на что не хватает, кроме удовлетворения самых элементарных жизненных потребностей. Начальство не ценит, а только ищет, к чему бы придраться. При этом еще требует, чтобы я была идеальной – веселой и всегда в тонусе. Этакой женщиной-роботом с улыбкой жизнерадостного дебила. Вечером уже или не успеваешь, или просто нет сил идти в спортклуб, за посещение которого заплачены немаленькие деньги. Выходные уходят на уборку и походы в продуктовые магазины. Из поклонников только Павлик. Так и состарюсь в этой вонючей Москве, на съемной квартире, приобретя за трудовую жизнь только букет всевозможных хронических болезней и коробку визиток соискателей в кандидаты на разные должности. И внуков у меня не будет, некому будет показывать их трясущимися руками и скрипучим голосом рассказывать: „Это, Танечка, люди, с которыми твоя бабушка проводила собеседования. Видишь, как их было много. Правда, я уже не

помню ни лиц, ни имен. Что поделаешь, деточка, склероз…“”.

– Юмористка ты у меня, – произнес сидящий рядом ангел Вика. – Черный юмор, правда. Но все равно лучше, чем никакой.

Вика, конечно же, его не услышала.

В три часа начиналась аттестация сотрудников службы по работе с абонентами. Вика раздумывала, пойти туда самой или отправить Фролову. Ангел Вика настойчиво советовал ей отправиться на аттестацию самой:

– Сходи, сходи. Там будут интересные люди. С позитивными жизненными установками. Тебе будет полезно взглянуть на мир их глазами.

В этот раз Вика прислушалась к внутреннему голосу и решила лично поприсутствовать на аттестации, хотя бы на какой-то ее части.

Вначале шли собеседования с операторами колл-центра. Это была довольно проблемная публика. Руководство “Оптимы”, включая Вику, полагало, что работникам колл-центра созданы прекрасные условия для работы, и не могло понять, почему в этой среде такая большая текучка кадров. Работали операторы по графику “два через два” или “сутки через трое”, зарплата у них была вполне себе конкурентоспособная, за переработки и перевыполнение плана их премировали, и тем не менее состав операторов постоянноменялся. Старые операторы увольнялись, приходили новые, новых надо было всему обучать, и к тому времени, когда они достигали хорошейквалификации, все начиналось сначала: опытные увольнялись, приходилось набирать новых.

Вика хотела понять причину и, в частности, поэтому пришла сегодня на аттестацию. Кроме нее, в состав комиссии входили руководитель абонентской службы и начальник колл-центра. Руководителем абонентской службы была милая дама лет сорока. Звезд с неба она не хватала, но обладала очень располагающей внешностью, мягким характером, исполнительностью и стрессоустойчивостью – вполне достаточным набором качеств для работы в системе отношений с клиентами. Звали ее Юля Копцева. Сегодня Юля несколько нервничала, но не от предстоящих собеседований, а от нестабильной ситуации в семье. Юлин муж последнее время вел себя как-то странно: подолгу задерживался вечерами, якобы на работе, не проявлял былой пылкости в исполнении супружеского долга и временами впадал в транс, задумчиво и даже как-то мечтательно смотря вдаль своими большими голубыми глазами. Этот потусторонний взгляд больше всего напрягал Юлю. Она чувствовала, что мечтает он не о ней, и

ей было обидно. Юлин муж никогда не был добытчиком, но он был молод и хорош собой. Три года назад Юля в буквальном смысле сняла его с козел, или как там называется эта штука, на которую встают рабочие, чтобы оштукатурить потолок. Козлы стояли в квартире подруги, а будущий муж, родом из Джанкоя, зарабатывал на них себе на жизнь. Юля привела его домой, отмыла, приодела и устроила на нормальную работу. Сейчас она, конечно же, не желала отдавать такой трофей какой-нибудь юной вертихвостке, а в том, что такая существует, она практически не сомневалась.

Начальником колл-центра был молоденький Леша, выбившийся на эту должность из операторов. Недостаток интеллекта и опыта он всячески старался компенсировать бурной активностью и проявляемой на каждом шагу инициативой. За последнее ему часто попадало от Юли, но он пока так и не смог уяснить простую житейскую истину: инициатива наказуема, снова и снова наступая на те же грабли.

Вика попросила начать собеседования с немногочисленной группы старейших операторов, тех, которые проработали в компании больше двух лет. Ей казалось, что если она поймет, люди какого типа задерживаются здесь надолго, то сможет использовать эти знания при отборе новичков.

Вызывали по одному. Первым был Сережа Минаев. Тридцать четыре года. Холост. Образование высшее. Стаж работы в компании четыре года. Юля обсудила с ним результаты профессиональных тестов, выполненных в процессе подготовки к аттестации, Леша задал несколько глупых вопросов, после чего Вика спросила:

– Сергей, вот вы работаете в компании уже четыре года. Скажите, а что вам больше всего нравится в вашей работе?

– Гибкий график.

– А если бы вам увеличили зарплату в два раза и перевели на режим офисной работы, вы бы согласились?

– Нет.

– Почему?

– Ну, это так неудобно. Вот надо мне, допустим, сделать загранпаспорт или в поликлинику сходить, а все эти учреждения работают в те же часы, когда и я работаю.

– Да, но у вас будет больше зарплата, появятся новые возможности.

– Мне хватает того, что есть. Семьи у меня нет, а на мои личные нужды мне хватает.

– Видишь, – шептал ангел Вике, – человек доволен тем, что

имеет. А ведь имеет он в материальном смысле намного меньше, чем ты. Задумайся над этим.

Непонятно было, вняла ли Вика советам ангела, но вид у нее действительно был несколько озадаченный.

К следующему интервьюируемому, Диме Грицко, проработавшему в компании “Оптима” два года, Вика решила подойти с другой стороны.

– Дмитрий, вы уже два года работаете на должности оператора. Как вы думаете, почему вас не повышают по службе?

Ответ ее поразил.

– Я не хочу быть начальником, – без тени смущения признался Дмитрий.

– То есть вы хотите всю жизнь проработать оператором?

– Ну, всю жизнь или не всю жизнь, трудно сказать. Но меня устраивает сегодняшнее положение вещей.

– Что больше всего вам нравится в работе?

– Она оставляет мне много свободного времени.

– ???

– Да, я понимаю, я должен был бы сказать: я очень люблю работать, я хочу зарабатывать много денег, сделайте меня начальником, и я буду землю рыть, доказывая свою нужность компании. – При этих словах Дима выразительно посмотрел на Лешу. – Но я не хочу врать. Я не трудоголик.

– И на что вы тратите свое свободное время?

– Я встречаюсь с друзьями, слушаю музыку, медитирую.

– И ведь не глупый парень, – обратиласьВика к Юле, когда за Димой закрылась дверь. – Как же так можно относиться к жизни? Он не трудоголик, видите ли. Он медитирует. Ему… сколько там? А, вот, двадцать девять лет, и он все медитирует. Хорошо хоть, жены и детей нет, а то бы тоже сидели медитировали с таким-то мужем.

– Да-да, – закивала Юля, уже второй час мысленно решавшая сложнейшую головоломку: где эта скотина муж мог познакомиться со своей вертихвосткой? Уж не на работе ли, на которую она самолично его устроила?

“Опять она ничего не поняла, – сердился ангел Вика, – всех одним мерилом меряет. Сама, между прочим, тоже не трудоголик, только и думает, как бы из Золушки в принцессу превратиться за чужой счет”.

Вика еще полчаса посидела на аттестации, задавала вопросы, выслушивала во многом похожие ответы, после чего объявила перерыв, отправила Лешу за бутербродами и снова обратилась к

Юле:

– Юль, ты видишь, что у нас получается?Теперь при наборе новых сотрудников в колл-центр мы должны задавать следующие вопросы: “Вы любите работать? Вы хотите прилично зарабатывать? Вы мечтаете сделать карьеру? Вы заботитесь о своей семье?” Тем, кто отвечает “да”, сразу говорим “до свидания”. Тем же, кто отвечает: “Нет. Я не трудоголик. У меня скромные запросы. Мне главное – в паспортный стол в часы работы попасть, а потом прийти домой и медитировать”, мы говорим: “Добро пожаловать в компанию „Оптима“”. “Корабль уродов, где твой штурвал и снасть?” Так, кажется, БГ поет? Нет, Юль, я не понимаю, как взрослые мужики могут так себя вести? Мужиков и так в стране не хватает, а те мало-мальски приличные, которые есть, или пьют, или медитируют.

– Точно, – подхватила Юля волновавшую ее тему, – мужики все сволочи. И как ты его ни прикармливай, он все равно в лес смотрит, – уточнила она значение своей первой фразы.

– Ладно, Юля, я пошла. Не аттестация получилась, а одно расстройство. Вы тут с Лешей сами закончите, ладно?

– Конечно. А бутерброды?

– А, – Вика махнула рукой, – есть что-то расхотелось.

– Нет уж, дорогая, сейчас ты спустишься в столовую и нормально пообедаешь. А то потом будешь всю дорогу домой ныть, что у тебя болит живот, а дома обожрешься шоколадом и будешь ныть, что нарушила диету. Я от твоего нытья просто заболеваю. Иди-иди в столовую, я не отстану, пока ты не поешь.

Вика вошла в лифт, нажала на кнопку третьего этажа и, к своему неописуемому удивлению, очутилась на первом. “Как так получилось? – думала она, машинально выходя из лифта. – Наверное, я от этих расстройств с персоналом не туда нажала”.

Из столовой неслись запахи горячей пищи. “Безобразие, – думала Вика, – сколько уже с Линьковым ругалась, чтобы отрегулировали систему вытяжки. Нельзя, чтобы в офисе так пахло едой, тем более на первом этаже, куда приходят клиенты и посетители”. Линьков отвечал за хозяйственную деятельность в компании, и Вика направилась в его кабинет, находившийся рядом со столовой. Кабинет был закрыт. Вика решила поискать Линькова в столовой. В столовой его не было, но стоящие на витрине салаты и закуски выглядели очень аппетитно, а витающий в воздухе запах борща вызывал спазмы голодногожелудка. И, что самое поразительное, не было очереди. Ни одного человека. Вика решила пообедать.

Вечером Вика и ангел Вика смотрели телевизор. Ангелу

решительно не нравились программы, которые выбирала его подопечная. Все эти оказывающие пагубное влияние истории о красивой жизни, гламуре и прочих глупостях – вот что Вика могла смотреть часами. В этот вечер на одном из каналов шел сюжет о женщинах за рулем. Авторы программы понабрали каких-то вульгарных баб на дорогих и очень дорогих иномарках. Каждая из них, эротично изогнувшись на фоне своего дорогого авто, рассказывала о том, как она обожает “мерседесы” (“БМВ”, “порше”, “ламборджини” и т п.), сколько их у нее в гараже и – главное – по какому поводу ее муж презентовал ей ту или иную модель. Вика смотрела на все это безобразие, затаив дыхание. Уставший за день ангел отключил звук ее мыслительного ряда, чтобы не слышать и не огорчаться.

Насмотревшись, Вика стала искать книгу модного московского писателя. Писатель рассказывал о буднях московской тусовки, гламурных вечеринках и прочей дольче вита успешных людей. Книга не находилась.

– Ты, я вижу, хочешь усилить впечатление от просмотра? – засмеялся ангел. – Начитаться на ночь всех этих дурацких сказочек? Не получится, дорогая. Книжку твою вредную я выбросил, нечего забивать себе голову всякой ерундой. Вот возьми-ка эту, прочти хоть первые пару страниц…

– Черт знает, что такое. Куда могла деться моя книга? Она же вот здесь, на диване, лежала. У меня уже приступы склероза начались, что ли? А это что такое? Библия? Боже правый, откуда у меня Библия? Может, Павлик подсунул в качестве розыгрыша? Или это тогда в метро бесплатно раздавали? Или в метро другое что-то раздавали? Не помню. Надо витамины купить для укрепления памяти. Где же все-таки книжка? Не могла же она вот так сама по себе взять и исчезнуть? – Вика продолжала поиски.

Ангел Вика с невинным видом следил за ее передвижениями по квартире.

Наступило 14 февраля. С утра все средства массовой информации начали жужжать про День святого Валентина, и настроение Вики медленно, но неуклонно портилось. Была суббота, и словоохотливые ведущие утреннего радиошоу советовали влюбленным непременно выйти в свет: сходить в ресторан, театр, кино или кафе. В радиоэфир звонили юноши и девушки, они признавались в любви своим вторым половинам, взахлеб рассказывая о тех подарках и сюрпризах, которые приготовили им на праздник.

“Придурки, – думала Вика, поглощая свой утренний кофе. – Чему они так радуются? А мне никто не позвонит. Если только

Павлик. И тот небось обиделся. С Нового года не звонил. Да и фиг с ним!”

С Павликом Вика познакомилась год назад на семинаре для HR-директоров крупных компаний. Павлу шел двадцать девятый год, он приехал в Москву из Омска и работал заместителем директора по кадрам в довольно известном рекламном агентстве. В тот раз его начальница заболела накануне семинара, деньги за участие в семинаре вернуть уже было невозможно, и туда в срочном порядке откомандировали Павлика. Чтобы слушал и записывал.

С точки зрения Вики, Павлик был абсолютно бесперспективным кавалером. Во-первых, фамилия его была Чебурашкин. Во-вторых, фамилия эта оказалась говорящей, так как уши у него были несуразно большие. В-третьих, зарабатывал он весьма средне. Ив-четвертых, несмотря на то что Павлик уже три года жил в Москве, выглядел он всегда так, будто только что сошел с поезда дальнего следования: заросший, лохматый и непонятно во что одетый. Вика поначалу удивлялась, как же ему удалось устроиться в это рекламное агентство, все-таки название было на слуху. Однажды Павлик зазвал ее к себе на работу, и, побывав там, она разгадала эту загадку: в агентстве все выглядели так же, как Павлик.

Оказалось, что половина работничков – из регионов, другая половина – так называемые креативщики, люди творческие, а потому и одевавшиеся несколько нестандартно. Хотя первые от вторых все же отличались, и Паша Чебурашкин по стилю был ближе к группе из регионов.

– У вас проходной двор, а не агентство, – сказала тогда Вика Павлику. – Где вы всех этих чудаков набрали? Вы что, с табличкой “Требуются на работу” ходите по перронам центральных московских вокзалов?

Павлик, хитро улыбаясь, объяснил, что руководство действительно предпочитает брать на работу немосквичей. У них и требования по зарплате меньше, и работать они готовы больше, и учатся с охотой, а хватка и способности не хуже, чем у коренного населения. А то и лучше. Все равно из-за интенсивного графика на работе в рекламном агентстве никто надолго не задерживается: нельзя все время выдавать креатив, балансируя на грани своих физических и интеллектуальных возможностей. Так что юные дарования из провинции, пройдя школу молодого бойца, устраиваются потом на теплые места в клиентские компании. Агентство, конечно, теряет ценных сотрудников, но энергию, силу и творческий потенциал оно с них уже получило. Причем заплатило за это недорого. Законы рынка.

– Интересная у вас кадровая политика, – фыркнула тогда Вика, и больше к этому вопросу они не возвращались.

С Павликом же Вика встречалась нечасто и исключительно по двум причинам: а) от скуки, б) встречаться больше было не с кем. Отношения у них были чисто дружескими, хотя Паша явно рассчитывал на большее.

Сегодня к концу этого дурацкого радиошоу настроение у Вики стало таким плохим, что она сама уже стала подумывать, не позвонить ли Чебурашкину. На безрыбье, как известно, и Чебурашкин кавалер.

Ангел Вика в процесс не вмешивался: пусть самостоятельно решает, звонить или сидеть весь день дома вот с такой натянутой мордой. Сам он уже грешным делом подумывал поставить барышню на автопилот и отлучиться хоть ненадолго к Феде. За последние полтора месяца он осознал, какой Федя все-таки хороший и как он его любит. А сегодня как раз День влюбленных. Чем не повод?

Однако посетить любимого Федю ангелу Вике в этот день не пришлось. Буквально на второй минуте сладостные размышления ангела прервал звонок Викиного телефона. На проводе был Павел Чебурашкин собственной персоной. Он приглашал Вику встретиться и предлагал ей самой выбрать где. Вика, немного поломавшись, назвала модный и недешевый ресторан в центре города. Она читала о нем в той самой куда-то запропастившейся книжке. Автор его очень нахваливал, и Вике страсть как хотелось туда попасть.

В ресторане было тесно, шумно и накурено. Метрдотель, молодая девушка в джинсах с сильно заниженной талией, окинув Павлика и Вику быстрым профессиональным взглядом, предложила им столик в самом дальнем, темном углу зала. Вике этот столик не понравился, и она попыталась было пересесть за другой, ближе к центру и гламурной публике, но девица объяснила ей, что этот столик, а также все другие свободные зарезервированы, и Вика с Павликом уселись в углу.

– По-моему, тут хорошо, тихо и интимно, – сказал Павлик, придвигая к себе меню.

– А по-моему, тебе давно пора подстричься, – ответила Вика, смерив Чебурашкина снисходительным взглядом.

– Может быть, ты меня подстрижешь?

– Я-а-а???

– Да. Что тут такого? В Омске меня всегда стригли мама или сестра.

–“Под горшок”?

– Почему “под горшок”? Нормально. Бобриком.

– Ах бобриком. – Вика вздохнула. – Знаешь, Паша, ты все никак не можешь привыкнуть к тому, что ты уже давно не в Омске. Это Москва. Здесь вот так, по-семейному, не стригутся. Здесь есть парикмахерские или салоны. И ты с твоими доходами мог бы сходить подстричься в какой-нибудь приличный салон. И не бобриком…

– Хорошо, я подумаю.

– Подумай, подумай…

– Знаешь, а ты права, – задумчиво протянул Павлик, шурша страницами меню. – Я до сих пор не могу привыкнуть к Москве. Я все равно скучаю по дому, по Омску, по родителям. А ты?

– Что я?

– Скучаешь по Кувшиново?

– А что по нему скучать?

– Вы готовы сделать заказ? – К столику подошел официант.

– Да. Я буду буррату с помидорами черри, сибас с фенхелем и минеральную воду “Перье” без газа, – ни разу не запнувшись, произнесла Вика.

– Как ты ловко, – восхитился Павел. – А я еще подумаю.

– Чего тут думать? Ты что хочешь, рыбу или мясо?

– Мясо.

– Так я и думала. Принесите ему, пожалуйста, стейк из телятины с соусом из горгонзоллы.

– А что такое горгонзолла? – с опаской спросил Павлик.

– Сыр такой. Не волнуйся, тебе понравится.

– И два бокала красного вина на ваш вкус, – добавил Павлик официанту.

– На розлив только домашнее, – предупредил официант.

– Давайте домашнее. Ты не против? – обратился Павлик к Вике.

Вика неопределенно пожала плечами.

Ангел Вика, подсчитав в уме стоимость ужина, проникся к Чебурашкину одновременно и уважением, и сочувствием.

Тем временем за соседним столиком разыгрывалась сцена, привлекшая внимание Вики. Там сидели молодой человек лет тридцати ярко-рыжей наружности и симпатичная девушка, одетая, несмотря на субботний день, в строгий деловой костюм. Молодой человек пытался преподнести девушке подарок: золотое колье и серьги. Девушка отказывалась.

– Слушай, давай честно, – горячился рыжий. – Я что, тебе совсем не нравлюсь?

– Женя, ну зачем ты так? – улыбалась девушка. – Ты мне нравишься, но я не могу принять от тебя такой подарок. Это же не

безделица какая-то, это очень дорогие украшения. Пойми, что у нас с тобой не такие отношения, при которых дарятся столь дорогие подарки.

– Хорошо, давай так. Ты возьмешь подарок, и пусть он лежит у тебя дома. Возможно, наступит тот день, когда ты захочешь их носить. Пусть не сейчас…

– Нет, я не могу. Пойми меня правильно.

– Тогда я их выброшу.

– А это уже шантаж, – засмеялась девушка. – Сдай их обратно в магазин.

– Ювелирку обратно не принимают.

Ангел Вика и его подопечная во все глаза наблюдали за этой сценой. Но Вика видела далеко не все: на диванчике рядом с парой сидели и с азартом спорили их ангелы-хранители.

– Возьмет, – уверял ангел рыжего.

– Не-а, не возьмет, – смеялся ангел девушки.

– Ты не знаешь моего. Он своего добьется, – грозился ангел Женя.

– Но только не с ней. Она знаешь какая упрямая.

По правилам, ангелы друг друга видеть не должны, чтобы не отвлекаться от хранимых, но при большом желании или необходимости каждый из них может визуализировать себя для своих же, что и сделали эти двое.

Один Павлик Чебурашкин не замечал того, что происходило в двух метрах от него. Он достал из кармана какую-то маленькую коробочку и, держа ее в руках, ждал, когда Вика наконец на него взглянет.

– Вика, куда ты смотришь?

– Тс-с, – прошептала Вика, – ты видишь, что происходит? Боже мой, неужели? Точно! Это “Шопард”. – Вике удалось прочесть надпись на коробке. – Это же стоит кучу денег!

Спорящие так и не пришли к консенсусу, и коробка с драгоценностями осталась лежать посередине стола.

– Ну, так что ты хотел сказать? – обратилась Вика к Паше, с сожалением отводя глаза от коробки с украшениями.

– Я хотел поздравить тебя с Днем святого Валентина и подарить тебе этот скромный подарок. – Паша протянул Вике маленькую бархатную коробочку.

– О! Золото? Бриллианты? Драгоценности? Ну-ка, посмотрим. – Вика открыла коробку. В ней лежал небольшой серебряный кулон. Кулончик открывался, внутри была выгравирована надпись: “Вике от Павла 14 февраля 2006 года”.

“Как трогательно! Я сейчас заплачу! Кто-то вот от „Шопарда“

отказывается, а я должна радоваться этому изделию российских производителей с детской надписью „Вике от Павла“”, – невесело думалось Вике.

– Тебе не нравится?

– Нет, что ты! Очень милая вещица! Такая изящная!

– Правда? Я хотел еще цепочку для нее купить, но не знал, какой длины. Хочешь, давай вместе купим цепочку?

– Не надо цепочки. У меня много серебряных цепочек.

– Ты будешь его носить? – спросил Павлик, показывая на кулон.

– Буду, – пообещала Вика.

– Врушка, – сказал ангел Вика. – Бедный парень!

Но его, как всегда, никто не услышал.

Вечером дома Вика мысленно подводила итоги дня. С одной стороны, она побывала сегодня в дорогом ресторане, вкусно поела и получила подарок от поклонника. Надо отдать должное Чебурашкину, в ресторане он не мелочился и цен не испугался. Или, во всяком случае, не подал вида. Подарок, конечно, еще тот. Во вкусе омичей, или как там называют жителей этого города. Но что еще от Павлика ждать? Не “Шопарда” же… Кстати, из-за Чебурашкина она упустила момент ухода парочки. Ей было интересно, кто же все-таки ушел с заветной коробкой, но она развязку проворонила. Теперь вот сиди, гадай.

Март

Восьмое марта подкралось, как всегда, незаметно. Казалось бы, еще совсем недавно женское население “Оптимы” поздравлялоколлег мужеского полу с Днем защитника Отечества, и вот ситуация полностью поменялась: вечером седьмого сотрудницы сиротливо жались к стенкам конференц-зала в ожидании ответного алаверды.

Обычно Вика принимала самое что ни на есть деятельное участие в подготовках к праздникам. Восьмое марта было единственным исключением. Симулин милостиво освобождал Викторию Кравченко от предпраздничной суеты, возлагая сии обязанности на завхоза Линькова.

Линьков подходил к выполнению задания с армейской четкостью: записывал на бумажке, что надо сделать, по пунктам, распределял задания среди своих подчиненных и отмечал галочками выполненное. От года к году список большим разнообразием не отличался и выглядел следующим образом: а) купить подарки; б) купить цветы; в) купить шампанское и закуску; г) сказать тост (поздравить). Напротив первых трех пунктов уже стояли галочки. Подарки, а именно: шампунь “Черемуховый” для жирных волос и роликовый дезодорант “Каприз”, упакованные в разноцветные бумажные пакетики, ждали своего часа в картонной коробке у окна. Линьков сам пользовался этим шампунем и был очень доволен, мысль о том, что волосы по типу бывают не только жирными, как-то не приходила ему в голову. Дезодорант же порекомендовала ему жена. Цветы тюльпаны были свалены в коробку при входе. По замыслу Линькова, каждая женщина должна была получить по цветочку на выходе. По одному, потому что на тюльпанах Линьков малость сэкономил. Он решил, что переплачивать за цветы, которые все равно завянут, не стоит. Лучше пустить эту часть бюджета на усиление праздничного стола и докупить к традиционному шампанскому несколько бутылок водки. И в самом деле, не все же пьют шампанское.

Женщины уже минут пятнадцать толпились в конференц-зале в ожидании поздравлений. Ждали Дедушку, который все никак не мог доехать с переговоров. Наконец Петр Лукич позвонил и велел начинать без него. Линьков дал команду наполнить, так сказать, бокалы и приступил к выполнению пункта “г”.

– Дорогие наши женщины! Вот вы стоите тут такие красивые. Просто душа радуется.

Женщины, смущенно улыбаясь, молчали. Линьков решил добавить пылу и, лучезарно улыбнувшись неровными зубами с

желтым налетом курильщика со стажем, продолжил:

– Все-таки какие у нас женщины! Ух! Пусть у вас все будет! И главное – женского счастья вам побольше…

– Туды-сюды, – добавила разбитная зам главного бухгалтера.

Все засмеялись и стали чокаться пластмассовыми стаканчиками.

После тоста сотрудники линьковского отдела вручили всем по пакету с подарками, и застолье возобновилось. Минут через пятнадцать та часть аудитории, которая пришла на поздравление, потому что так надо, покинула помещение, получив на выходе дежурный тюльпан. Многие из женщин спешили домой, чтобы успеть заготовить на завтра салаты, поставить мариноваться курицу и накрутить на ночь бигуди. Истинные же любители праздника, в числе которых поздравляющих было больше, чем поздравляемых, остались пить припасенную Линьковым водку. Особо приближенным товарищам Линьков презентовал неразобранные пакетики с шампунем и дезодорантом, чтобы те не ломали голову над подарком супруге.

Вика ушла в числе первых. Поднявшись к себе в кабинет, она сунула тюльпан в стакан с водой и выложила на стол содержимое пакета. Первым Викиным желанием было отправить шампунь “Черемуховый” и дезодорант “Каприз” в ведро для мусора. Но неожиданно она вспомнила про тетушку Поли, которой она до сих пор не могла простить тот новогодний вечер. – Прекрасно, – злорадно ухмыльнулась Вика, – завтра вручим этот чудный подарок маме Поле. Пусть моет и дезодорирует всю семью; глядишь, Моня сдохнет от такого ухода и перестанет тявкать у меня под дверью.

“Какой дурацкий праздник – это Восьмое марта, – размышляла Вика по дороге домой. – Все мужики уже пьяные, приволокутся за полночь к своим женам с какими-нибудь ужасными гвоздиками в потных ручонках. А те в поте лица будут резать, парить и варить, потом наденут свое лучшее платье, купленное на прошлый Новый год на каком-нибудь вещевом рынке, накрасят веки синим, и все сядут за стол. Женщинам – вино, мужчинам – водка. Тупые шутки по телику. Крики оставшихся дома детей. Напились, обожрались. Муж завалился спать, а она пошла мыть посуду, надев на свое ужасное платье грязный кухонный фартук. А назавтра – на работу. Зашибись…” – Это ты потому такая недобрая, что тебе завтра вообще ничего ждать не приходится. Даже ужасных гвоздик, – шепнул ангел Вика. – Павлик в Омске, Королькова с Пузиком, а ты будешь одна. Сидеть и ныть. Впрочем, как обычно. Если только я не позабочусь

о том, чтобы твой день прошел с пользой.

На следующий день с самого утра ангел Вика начал внушать своей подопечной, что просидеть целые сутки дома в мрачном расположении духа будет преступно.

– Давай иди проветрись. Сходи в свой спортклуб, например. Хотя нет, в спортклуб не надо. Там сегодня мало народу, и ты будешь думать о том, что вот, все отмечают, а ты, бедная, несчастная и одинокая, пришла сюда заниматься спортом. В кино – тоже не вариант. Да и на улице на каждом углу букеты продают, что наведет тебя на мысли о твоей обездоленности. Куда бы тебя отправить? А, вот! Придумал! Иди к соседке. У нее сегодня гости, разные там подруги и родственницы с детьми. Это должно тебя отвлечь. – И ангел Вика выставил “Черемуховый” шампунь на видное место.

Через некоторое время Викин взгляд действительно остановился на пакетике со вчерашними подарками.

“Может, к тетушке Поли зайти? Подарить ей эту фигню, чтобы глаз не мозолила. Все равно ведь делать нечего”.

Вика выключила телевизор, переоделась, взяла в руки пакетик с шампунем и дезодорантом и уже собралась было выйти, как вспомнила, что надо бы что-то подарить и Полининым крошкам. Все-таки девочки. Однако дарить этим девочкам было решительно нечего. Вика стала подумывать отказаться от затеи встречи с соседкой, а шампунь с дезодорантом выбросить в помойку, где им самое место.

Расслабившийся было ангел Вика, почувствовав Викины сомнения, начал усиленно кружить над ее головой:

– Давай, детка, не валяй дурака. Подумай, неужели у тебя нет никакого подарка для двух маленьких девочек? Такого просто не может быть. Давай поищем вместе.

Вика как будто послушалась и начала выдвигать ящики комода, секретера, искать в кухонных шкафах и в недрах своей сумочки. Поиски дали неожиданно хороший результат, и вскоре Вика разложила перед собой на столе: шоколадку с изюмом и орехами – 1шт., ручку со светящимся наконечником, полученную на какой-то презентации, – 1шт., непонятно откуда взявшиеся надувные шарики – 2шт., поросенка-копилку, подаренного Павликом Чебурашкиным, – 1 шт. Теперь предстояло сделать выбор.

Подумав, Вика решила поросенка оставить, чтобы в подарке не усмотрели намек на несовершенства фигур поздравляемых. С шоколадкой она тоже не была до конца уверена, кажется, Полина говорила, что у кого-то из ее крошек диатез на шоколад. Но в конце концов, Вика не обязана помнить все болезни соседских

детей. Посему Вика остановилась на шоколадке и ручке, а также решила надуть каждой по шарику. Когда шарики надулись, выяснилось, что на каждом из них присутствует реклама стриптиз-клуба для женщин. Вика с Корольковой как-то ходили в этот клуб. Давно, когда Королькова была еще без Пузика. Видимо, с тех времен они у Вики и завалялись. Но отступать было поздно. Вика рассудила, что вряд ли Полина знает это название, и вообще – дареному коню в зубы не смотрят…

В Полининой квартире был, что называется, дым коромыслом. В гости к тетушке Поли пришли три подруги с мужьями и своими отпрысками и двоюродная сестра без мужа, но с двухмесячным младенцем. Когда Вика позвонила в дверь, дети бегали и визжали, Моня радостно лаяла, мужья пропускали по рюмашке, а все женщины столпились вокруг двухмесячной Полининой племянницы, которая к тому моменту проснулась и начала бессмысленно агукать. Один Узбек тихо сидел в клетке и безучастно наблюдал за происходящим. В узком прищуре его глаз читалась печаль. Видимо, он понимал, что по половому признаку в число поздравляемых сегодня не попадает.

– А, Вика, проходи. – Открывшая дверь Поли встретила Вику как долгожданную гостью.

– Полин, я на минутку. Хотела только тебя и девочек поздравить с праздником.

– Давай-давай, проходи, не стесняйся. Знакомься, это мои подруги и моя сестра. – Полина быстро перечислила имена каждой. – А это их дети. – Опять последовало перечисление имен.

– А вот это наша Дашенька, – Полина гордо указала на малютку племянницу. – Правда, прелесть?

Дашенька походила на сильно передутую резиновую игрушку. Вике захотелось незаметно сделать прокол в ее пухлой тушке, чтобы выпустить наружу лишний воздух. Между тем окружающие делали вид, что ничего противоестественного не замечают, все дружно умилялись ее толстеньким щечкам и перевязочкам на руках и ногах. И Вике пришлось сказать:

– Какая прелесть!

Дашенька, вероятно уловив фальшь и неискренность этого восклицания, разразилась громким плачем. Дашина мама со словами: “Наверное, хочет есть” – поволокла пухляшку в другую комнату.

Вика наконец смогла вручить подарки Полине и ее детям. Они так вежливо ее благодарили, что ей стало неловко и захотелось уйти. Но отпускать ее никто не планировал. Вику попросили помочь нарезать хлеб, потом представили мужей,

потом усадили за стол между двумя Полининими подругами. Потом пошли тосты, рассказы, выступления детей, пение под караоке. Вика расслабилась и чувствовала себя неожиданно хорошо. В этих людях и в детях была какая-то природная естественность, она пленяла против воли. Конечно, Вика была бы не Викой, если бы позволила себе окончательно утонуть в этом розовом тумане. Ум ее по-прежнему работал и отмечал несовершенства окружающего мира.

“Мужья, конечно, еще те, – думала Вика, разглядывая сидящих за столом представителей противоположного пола. – Сплошная некондиция. Не на ком взгляд остановить. У этого с зубами проблемы, хоть бы к стоматологу сходил, что ли. Сейчас же есть всякие там хитрости эстетической стоматологии. Но у него, наверное, на это денег нет. А у того пузо, как будто он двойню ждет. Сколько ему? Наверное, тридцатник с небольшим, а выглядит… Полинин тоже хорош: маленький, худющий, лысоватый. Они с ним как мама с сыном смотрятся. Вот ей бы того, с пузом, было бы лучше… И дети тоже не фонтан. Ну а в кого им красавцами расти? Хотя справедливости ради надо отметить, что вот тот шепелявый мальчик, Игорь, кажется… довольно мил. Чей это сын, я не помню? Кажется, вот тот, с плохими зубами, его папа”.

В это время как раз проходил конкурс детских стихотворений. Полинины девочки читали Пушкина и Хармса. Чувствовалась мамина школа. А шепелявый Игорь вышел и прочел:

Отсиво у мамоськи
На сиках две ямоськи?
Отсиво у коски
Вместа русек носки?
Отсиво сиколадки
Не растут на глядке?
Отсиво у няни
Волосы в смитане?
Отсиво у птисик
Нет рукависек?
Отсиво лигуски
Спят бес подуски?

– Оттого, что у моего сыночка рот без замочка! – закончила его мама. И все зааплодировали. Вика хлопала громче всех, а потом спросила:

– Какой хороший стишок. Маршак?

– Это Саша Черный, – сказала всезнающая тетушка Поли.

– Отчего у мамочки на щеках две ямочки? – приговаривала Вика, вернувшись домой. – Кстати, я своим давно не звонила. Надо позвонить, маму заодно поздравить.

Она набрала домашний номер в Кувшиново. Поговорила с родителями, заверила, что все у нее хорошо, что приедет, как обычно, на майские. Рассказала, что только что вернулась из гостей, поздравила с Женским днем маму, поинтересовалась, как здоровье тети Нюры, и с сознанием выполненного долга положила трубку.

Потом Вике звонил Павлик из Омска. Поздравлял и жалел, что не может сделать это лично. Вике неожиданно приятно было слушать эти поздравления.

“А ведь он не самый плохой, этот Павлик. Не хуже сегодняшних. А то и лучше. А они сегодня все такие веселые были, жизнерадостные. Интересно, это от глупости? Или их просто по жизни прет? У Чебурашкина, конечно, уши подкачали. Но если ему сделать стрижку другую, так, чтобы уши прикрывала, и вообще немного облагородить, он внешне будет вполне себе ничего. Денег у него, конечно, от этого все равно не прибавится… Ну да бог с ним! Как там было? “Отчего шоколадки не растут на грядке?” Действительно, отчего?

Ангелу Вике тоже впервые за последние месяцы было хорошо. Наконец-то эта депрессивная Вика мыслила позитивно. Пусть не на сто процентов, но все равно это был большой прогресс. Спасибо маленькому Игорю, чем-то ему удалось тронуть Викино сердце, страдающее в основном по материально-потребительским поводам.

– Отчего шоколадки не растут на грядке? – шепнул ангел засыпающей Вике. – А ты, значит, считаешь себя шоколадкой? Шоколадка с кувшиновской грядки… Смешно.

Позитивное восьмимартовское настроение, однако, улетучилось гораздо быстрее, чем ожидал ангел Вика. И в немалой степени тому способствовали Викины посещения курсов вождения.

Вика записалась в автошколу, рассчитывая летом влиться в ряды автомобилистов и покончить наконец с ненавистными поездками на метро, а ангел Вика расхлебывал теперь последствия этого шага: уровень недовольства жизнью в связи с посещением автокурсов увеличился в разы.

Во-первых, Вика повадилась просматривать автомобильные журналы и соответствующие интернет-сайты в поисках подходящего для покупки средства передвижения. Все, конечно,

было дорого, а что не дорого, то не престижно. Шедевры российского автомобилестроения отметались сразу. Подержанные иномарки тоже. На дорогие иномарки не было денег. Оставались недорогие новенькие иномарки. Но и тут Вика проявляла характерную для нее капризность. Маленькие машины не годились, потому что они, видите ли, выглядели недостаточно солидно. Побольше, но в самой простой комплектации тоже не подходили, потому что, оказывается, ездить по Москве без кондиционера летом и подогрева сидений зимой решительно невозможно. С такими требованиями самым приемлемым вариантом оставалась покупка корейского автомобиля. Но и этот вариант Вику не устраивал. “Корейская машина – это не комильфо”, – считала Вика.

– Комильфо, не комильфо. С такими требованиями надо было рождаться принцессой Монако, – ворчал ангел Вика. – Иди перечитай сказку Пушкина о золотой рыбке. У тебя такими темпами и корыта скоро не останется. Уже март кончается, а мы все там же. Все нам плохо, все нас не устраивает.

Во-вторых, на занятия по вождению Вика ходила как на каторгу. Практика была утром, и приходилось вставать в пять утра, чтобы в семь быть на площадке. Вика начинала жалеть себя еще дома, перебежки по промозглым мартовским улицам эту жалость толькоусиливали, а уж сами занятия доводили ее до пика.

Автошкола была создана на базе автокомбината, и водители-инструкторы плохо понимали специфику отношений с клиентами. Больше всего их заботило, как бы сохранить свой родной автомобиль, на котором и проводились занятия, в относительно приличном состоянии. Викин инструктор, огромный мордастый мужик, на первом же занятии начал кричать:

– Ты мне на спинку-то сиденья так не облокачивайся! А то сломаешь.

– Да я вешу в два раза меньше, чем вы. Как же я могу ее сломать?

– А вот такие худые как раз и ломают.

Логика инструктора была железной. Он считал, что в жизни все зло от женщин, а уж на дороги их выпускать нельзя ни при каких обстоятельствах. Он постоянно приводил поучительные истории из жизни о том, как и что женщины ломали в его машине и в машинах его знакомых инструкторов, а также как они плохо ориентируются на дороге, не чувствуют габаритов автомобиля и не способны быстро реагировать на меняющуюся дорожную обстановку. Примерно к третьему занятию Вика уже всеми

фибрами души ненавидела мордастого, на пятом она поменяла его на другого. Другой оказался не лучше. Не такой толстый и в очках. Но не лучше.

Ангелу Вике иногда было жалко свою подопечную. Да, в человеческой жизни было много сложных моментов, неприятностей, стрессов. Но нельзя же с таким упоением перебирать негатив и не видеть ничего, ну ни капельки, позитивного! Он пытался воздействовать на нее советами, уговорами, снами. Но все было коту под хвост! Советам она не внимала, на уговоры не реагировала, сны истолковывала превратно.

Когда душевные силы Вики были практически на исходе, ангел Вика пошел на хитрость. Он решил, что им обоим нужен отдых. И Вика заболела. Точнее, ангел Вика ее заболел. Сделать это было проще пареной репы: в офисе “Оптимы” всегда летали вирусы. Потоки воздуха из кондиционера щедро рассеивали их по офисному пространству. Ангелу Вике оставалось только направить нужный вирус в нужное место. Он выбрал простую ОРВИ, дней так на пять–семь, и подсадил его Вике прямо в чашку с чаем. Нехорошо, конечно, но цель в данном случае оправдывала средства.

Через сутки, когда вирус окончательно освоился в организме Вики и начал наступление, у нее начался сильный насморк, заслезились глаза и поднялась температура.

– Ну вот, только этого мне не хватало, – хлюпая носом, жаловалась Вика Фроловой и Капустиной. – По-моему, я заболела. Как не вовремя. Мы же не закрыли позицию ведущего менеджера по продажам. Симулин меня съест. Да еще на носу тренинг операторов колл-центра. А мои занятия по вождению? А мой спортзал?

– Бедная Вика, – посочувствовала Фролова, одновременно отодвигаясь от Вики подальше. – Может, дать тебе жаропонижающее?

– Не надо. От него потянет в сон, а мне надо еще кучу дел переделать, потому что завтра, я боюсь, разболеюсь окончательно.

– Это все весна, упадок сил, организм ослаблен. Надо принимать витамины.

– Надо, – вяло согласилась Вика.

Вечером Вика чувствовала себя настолько больной и усталой, что даже не могла жаловаться. Она напилась горячего чаю, приняла аспирин и легла спать. Наутро пришлось вызвать врача. Врач дала больничный, выписала рецепты и побежала на другие

вызовы. Ангелу Вике тем временем предстояло решить две проблемы. С едой, которой у Викине было в принципе. И с лекарствами, за которыми нужно было идти в аптеку. Пришлось прибегнуть к небольшим чудесам. Сначала Вике позвонил Чебурашкин и, узнав о ее состоянии, вызвался сегодня же купить необходимые лекарства и привезти их Вике. Что он, собственно, и сделал, приехав вечером с пакетом лекарств, фруктов и сладостей. Но Павлик не умел готовить, а Вике требовалась горячая пища. Поэтому днем к Вике неожиданно заглянула тетушка Поли. Она сказала, что слышала странные звуки из Викиной квартиры и решила узнать, все ли там в порядке. Вика удивилась, но списала эти слуховые галлюцинации на переутомление соседки от груза материнских забот. Только ангел Вика знал, что Поли не послышалось, звуки действительно были. Это был специальный номер, исполненный ангелом Викой для тетушки Поли. Приманка сработала. Поли принесла Вике куриного бульона и домашних котлет. Вика почти не жаловалась, так как болезнь отнимала силы, но при этом она была накормлена, выполняла предписания врача и большую часть суток спала. Ангел Вика был доволен. Так продолжалось два дня.

На третий Вике стало лучше. Она проснулась в восемь, померила температуру. Температура была нормальной. Вика пошла на кухню и поставила чайник.

“Сегодня у меня должно было быть занятие по вождению. Сейчас я бы уже отмучилась и ехала на работу. А вместо этого я валяюсь тут с какой-то дурацкой простудой. Теперь мне придется отрабатывать занятия со следующей группой, на экзамен со всеми я опоздаю и буду сдавать одна, как дура”, – думала Вика.

– Какая тебе разница, когда сдавать? – возмутился ангел. – Ты же все равно будешь покупать права. Не все ли равно, когда это делать. И потом, у тебя еще нет машины, получишь ты права неделей раньше или неделей позже – это ничего не меняет.

Вика смотрела в окно, напротив ее дома был детский сад “Сказка”. Тетушка Поли несколько удлинила это название, называя сад “Сказкой о потерянном времени”. Она была ярой противницей коллективного воспитания детей в заведениях муниципального типа. В это утреннее время в садик со всех сторон стекались родители с детьми. Родители шли быстрым шагом. Сутулые фигуры взрослых сжимались, придавленные хмурым весенним утром. Рядом покорно волочился ребенок, слегка припрыгивая, как собачка на коротком поводке, и пытался приноровиться к темпу взрослого.

“Какой ужас, – думала Вика. – У меня хоть детей нет. А эти вон в шесть утра встали, чтобы успеть самим собраться и

позавтракать, да еще и ребенка накормить и одеть. Дети еще с утра обычно капризничают, в сад идти не хотят. А мамаши их уговаривают или ругают, а потом тащат, как маленьких пленников, как ягнят на заклание. Потом сдадут противной воспитательнице и побегут на нелюбимую работу. Будут там готовить какие-нибудь бухгалтерские отчеты, а сами при этом думать: „Как там мой крошка? Может, зря я его сегодня в сад отвела, у него же насморк? Но я не могу с ним остаться, мне баланс сдавать надо. А ведь не успею сегодня все данные свести, надо же ребенка до шести забрать. Придется домой брать, ночью доделывать. Но может, все-таки не надо было его сегодня в сад?“ И так весь день. А вечером выяснится, что ребенок таки заболел и завтра надо вызывать врача. А баланс тоже не ждет, и начальник ругается и, наверное, лишит премии, а они рассчитывали купить на нее новый холодильник. Бесконечная история. Хорошо, хоть у меня нет детей”.

Днем Вика смотрела телевизор. Ангел Вика специально подобрал для нее программу. Известный публицист, психолог и философ рассуждал о ценностях современной молодежи. Вика несколько раз пыталась переключить канал, но пульт почему-то не срабатывал, а встать с дивана у нее не было сил. Речь шла о том, что в современном мире процветает тенденция подмены основных общечеловеческих ценностей разного рода поверхностными увлечениями. Психолог называл их пустышками.

– Видите ли, – обращался гость программы к ведущему, – у современной молодежи не просто произошла замена одних ценностей на другие, а случился ментальный хаос. Разброд и шатания. Тяжелее всего при этом приходится женщинам. Если раньше были незыблемые понятия, ассоциации: женщина – хранительница семейного очага, женщина прежде всего – это жена и мать, то что мы видим теперь?

– Женщина разрывается между семьей и карьерой, – услужливо подсказал ведущий.

– Не только. У женщины появилось множество социальных ролей. Она может быть женой, матерью, бизнес-вумен, любовницей, содержанкой, прожигательницей жизни и так далее. При этом полностью отсутствуют табу. То есть роль содержанки не менее почетна и уважаема обществом, чем роль жены и матери. Выбор делает конкретный индивидуум. И это колоссальное напряжение: сделать правильный выбор. Не будем забывать, что это не просто решение разума, в игру включаются также природные инстинкты и повышенная женская эмоциональность. Конечно, большинство молодых девушек ищет легкий путь и стремится к красивой жизни, образы которой

сегодня растиражированы средствами массовой информации. Но за все в жизни надо платить. К сожалению, понимание этого факта приходит к женщинам слишком поздно.

– Так что вы посоветуете нашим телезрительницам? Как найти себя в сегодняшней непростой жизни? – спросил ведущий.

– Я посоветую им идти по пути духовной зрелости и пожелаю им терпения на этом пути. Только зрелый человек может отвлечься от идей, навязываемых ему извне, и опираться на свои внутренние ориентиры. Вот вам простой пример. – Психолог жестом фокусника достал откуда-то из кармана два шарфа. – Вот эти шарфы. Чем они отличаются?

– Ну-у, вот этот слева обычный шерстяной шарф в клетку. А этот справа, если я не ошибаюсь, шерстяной шарф от Burberry.

– Абсолютно точно. Вы узнали производителя второго шарфа, потому что он вложил огромные средства в рекламу и продвижение своей продукции. Из-за этого разница в цене у этих двух шарфов просто колоссальна. Но если отвлечься от рекламных образов и посмотреть просто на вещь, то что мы увидим? Два шерстяных шарфа в клетку. И все.

– Гениально! – засмеялся ведущий.

– Так вот я хочу, чтобы ваши зрители учились отличать зерна от плевел и, оценивая образы современной действительности, не забывали выражение из известной сказки Ханса Кристиана Андерсена: “А король-то голый!”.

– Вот именно! – воскликнул ангел Вика. – Умный дядя! Послушай его! Твои короли, Викуля, они же все голые. Как же ты этого не замечаешь?

Вика меж тем вступила в мысленную полемику с умным дядей: “С каких это пор наше телевидение начало цикл душеспасительных передач? Король голый! А сам-то ты не голый? Такие пиджаки носили в семидесятые годы. Ты, видимо, ничего с тех пор себе больше не покупал. Откуда только ты Burberry знаешь, непонятно. И это смешно – сравнивать продукцию такого известного бренда с шарфом непонятно какого производителя. Вопрос же не только в рекламе, а в ка-чест-ве! И речи эти не новы, в советское время как раз провозглашалась победа духовных ценностей над материальными. А в человеке, между прочим, все должно быть прекрасно: и душа, и тело. Это еще Чехов сказал. Я, кстати, давно мечтаю купить себе сумку Burberry, но они такие дорогие… Может, Чебурашкину намекнуть? У меня как раз скоро день рождения… Сам-то он, конечно, не догадается. Подарит опять какую-нибудь ерунду типа того кулона на Восьмое марта. Хотя, конечно, мы с ним не в таких отношениях, чтобы просить его сделать дорогой подарок. Э-эх, где бы с приличным мужиком

познакомиться? Звезды не ездят в метро… Кстати, надо бы определиться с покупкой машины. Лето уже не за горами. Видимо, придется все же корейскую брать, но представительского класса, типа “Сонаты”. Такую черную, блестящую. Внешне они ничего смотрятся. Правда, тоже дорогие, заразы. Боюсь, новую мне не потянуть… даже с кредитом. Плюс еще все эти страховки, стоянки. И кредит ведь тоже выплачивать надо будет, а это значит – прощай, отдых за границей, прощайте, красивые вещи. Как говорится: „Гуд бай, Америка, о, где я не был никогда“”.

Расстроенный ангел Вика отключил звук мыслительного ряда своей хранимой.

Прошло полтора часа. Вика лежала в той же позе на диване с полузакрытыми глазами. Ангел Вика начал потихоньку прибавлять громкость:

“А Корольковой Пузик на Восьмое марта такие серьги обалденные подарил! Carrera y Carrera. Она звонила, хвасталась. Мне даже и встречаться с ней не хочется. Только расстраиваться! Почему одним все, а другим ничего?..”

Ангел Вика выключил звук и решил, что идея с ОРВИ, пожалуй, не была такой уж блестящей. Пора ее выздоравливать, пусть идет на работу, там у нее хоть не будет возможности все время жаловаться.

Вечером Вика опять смотрела телевизор. Новое реалити-шоу называлось “Начни сначала”. На него отбирались обычные рядовые граждане нормальных профессий, как правило, из провинции. Примерно за месяц из них делали современных городских гомо сапиенс: рыцарей без страха и комплексов. Пожарник становился стриптизером, врач – фотографом глянцевых журналов, сотрудница милиции – танцовщицей R’n’B. Вику это зрелище очень увлекало: новая красивая жизнь героев притягивала как магнит.

На следующий день Виктория Кравченко проснулась практически здоровым человеком и решила пойти на работу.

На работе выяснилось, что за эти три дня “Оптима” понесла серьезные человеческие потери: финансовый директор г-н Томецкий попал в автомобильную аварию, в результате которой с черепно-мозговой травмой был госпитализирован на неопределенный срок. Директор по продажам г-н Митенков по странному стечению обстоятельств тоже получил травму головы. Его супруга утверждала, что муж неудачно поскользнулся в ванной и ударился головой о кафельную плитку… А руководитель абонентской службы Юля Копцева выпросила у

Симулина отпуск за свой счет аж на три месяца, сославшись на непреодолимые семейные обстоятельства. Потерю всех этих винтов и винтиков большого рабочего механизма необходимо было срочным образом компенсировать.

Томецкому и Копцевой решено было искать временную замену, отсутствие Митенкова предполагалось закрыть кандидатурой ведущего менеджера по продажам, поиски которого продолжались уже третий месяц.

Вика почти все рабочее время проводила в собеседованиях с потенциальными кандидатами и кандидатками.

– Скажите, пожалуйста, вы знакомы с программой GAAP? – вопрошала она претендента на должность и. о. финансового директора.

– В общих чертах.

– Это как?

– Ну, я знаю, что она собой представляет, но сам никогда ею не пользовался. На моей предыдущей работе это не требовалось.

– А почему вы уволились с предыдущего места работы?

– Потому что не смог найти общий язык с руководством. Знаете, мой босс был таким тяжелым человеком, настоящим тираном… он давил всякую инициативу. Я, например, много раз предлагал сделать зарплаты белыми, так он кричал на меня и говорил, что согласится, если я буду покрывать налоговую разницу из своего кармана. Или вот еще один пример: как-то раз мы составляли финансовый прогноз на следующее полугодие, и он…

– Спасибо. Достаточно. Мы вам позвоним.

– Значит, вы утверждаете, что обладаете природным даром убеждения и можете продать что угодно? – Вика с милой улыбкой обращалась к кандидату на ведущего менеджера по продажам.

– Да!

– Тогда продайте мне себя!

– Как это?

– Объясните, почему наша компания должна взять вас на работу.

– А-а-а… Ну, я хороший продавец…

– Это я уже слышала.

– Еще я очень трудолюбивый и работоспособный…

– Это все?

– Все. Нет, не все… Ну, не знаю, не могу я сам себя расхваливать.

– Как же вы собираетесь продавать нашу продукцию?

– Я смогу. Я хороший продавец.

– Понятно. Спасибо. Мы вам позвоним.

– А на какую зарплату вы рассчитываете? – спрашивала Вика у хрупкой блондинки, претендующей на должность руководителя абонентской службы.

– Пять тысяч долларов.

– Почему именно такая сумма?

– Понимаете, мой муж считает, что за меньшие деньги мне идти работать бессмысленно. Он достаточно получает, чтобы обеспечить нас обоих, и идти работать за копейки мне совсем неинтересно.

– Вы считаете, что такая заработная плата будет адекватна вашему профессионализму? Ведь у вас нет опыта работы в телекоммуникационных компаниях.

– Я считаю, что я заслуживаю такую зарплату. Да, опыта у меня нет, но зато у меня большой потенциал.

– А какое у вас хобби?

– Хобби? Наверное, шопинг. – Блондинка радостно засмеялась.

“Врешь ты все, – устало подумала Вика, – нет у тебя никакого мужа. А для шопинга придется поискать другие источники дохода, дорогуша”.

– Спасибо. Мы вам позвоним.

– Сплошной неформат, – произнесла Вика вслух, вернувшись в свою комнату. – Даже не знаю, что делать. Фролова и Капустина, живо обсуждавшие до этого, какая сейчас погода в Египте и стоит ли ехать в отпуск в апреле или лучше махнуть на майские в Турцию, как по команде, замолчали и сочувственно закивали Вике головами.

Апрель

День рождения у Вики был в апреле. Двенадцатого, в День космонавтики. В детстве дня рождения всегда ждешь с нетерпением, потому что, пока у тебя есть родители, подарки и ощущение праздника гарантированы. Пусть это всего лишь красные лакированные босоножки, от одного вида которых в витрине тверского универмага у тебя перехватывало дыхание, или игрушечное пианино, синее с черно-белыми клавишами. Такое можно было достать только по блату. Твое сердце колотится как бешеное, пока папа достает с антресолей пакет с подарком. “Так ничто не может радовать теперь”, – справедливо заметил по этому поводу Олег Митяев. Но повзрослевшие девочки, понимая умом, что в детство обратной дороги нет, все равно ждут чуда, которое обязательно случится в праздник. Тем более если этот праздник – твой день рождения.

Вика не была исключением. Она шла на работу с такими примерно мыслями: “Сегодня мой день рождения. Я прекрасно выгляжу, у меня хорошее настроение. Ну и пусть небо хмурится, все равно весна – лучшее время года. Хотя бы потому, что я родилась весной”.

Похоже, что о дне рождения Вики в “Оптиме” помнила только она сама. В комнате было тихо и буднично, Фролова поздоровалась с Викой, не отрывая взгляда от монитора.

– Капустиной сегодня не будет, – сообщила она.

– Вот как? А что случилось?

– У нее ребенок заболел.

Капустина отвечала за ежедневную электронную рассылку новостей сотрудникам компании. В число новостей обычно входила и информация о днях рождения сотрудников, выпавших на это число, а также незатейливое поздравление в стихах. “Оптима” насчитывала более трехсот офисных работников, и поздравлять каждого лично у руководства не было никакой возможности. Зато из рассылки можно было узнать, чей сегодня день рождения, и при желании успеть сбегать за подарком в соседний магазин или в цветочный киоск. В те дни, когда Капустиной не было на работе, рассылкой занималась сама Вика. Но писать самой о своем собственном дне рождения ей было как-то несподручно. “Кто вспомнит сам, тот и поздравит”, – решила она.

Первым о ней вспомнил Дедушка. Прежде чем подняться по его просьбе к нему в кабинет, она подошла к зеркалу, подкрасила губы и проверила, хорошо ли держится укладка. Все-таки надо

выглядеть комильфо, когда тебя поздравляют.

– Садись, Виктория. Опять опаздываешь?! – с укором произнес Петр Лукич.

– Да. Извините. Но сегодня у меня была уважительная причина.

– У тебя всегда уважительные причины, туды-сюды… Ты мне лучше вот что скажи. Когда, наконец, ты найдешь ведущего менеджера в отдел продаж? У нас Митенков в больнице, а замещать его некому. Показатели-то падают, йопт.

– Я ищу.

– Я это слышу уже полгода. Меня интересует результат.

– Пока приходят одни уроды.

– Виктория, это отговорка. Не может быть, чтобы в Москве не нашлось ни одного подходящего человека на эту должность. Мы же не золотоискателя ищем, туды-сюды. Нам нужен менеджер по продажам. В этом городе все что-нибудь продают, йопт. Я не пойму, в чем причина таких долгих поисков.

– Во-первых, Петр Лукич, я пытаюсь найти профессионала, а не просто продавца. Аво-вторых, у меня много других дел, я не могу посвятить все свое рабочее время собеседованиям с этими кандидатами.

– Это все отговорки. Давай закрывай эту вакансию срочно. Даю тебе еще три дня, и чтобы со следующей недели человек уже вышел на работу. Надо же как-то порасторопнее быть, туды-сюды…

– Это все?

– Все. Можешь идти.

“Можешь идти! И это вместо поздравления. Хоть бы спросил, по какому поводу я сегодня так выгляжу! Не-ет. Он даже и не заметил, или ему плевать. Им всем плевать. Давай толкай свою тележку со всем этим эйчаровским дерьмом, а твои личные беды и радости никого не интересуют”.

В кармане завибрировал мобильник. Звонил Чебурашкин.

“А-а, ну конечно, кто еще может меня поздравить, как не этот ушастик!”

Вика поднесла трубку к уху. “Happy birthday to you! Happy birthday to you! Happy birthday, dear Vika, happy birthday to you!” – прозвучала мелодия. После чего прорезался голос Павлика:

– Вика, с днем рождения!

– Спасибо.

– Желаю тебе здоровья, любви и счастья!

– Спасибо.

– Как у тебя дела?

– Нормально.

– А что такой голос грустный? Настроение плохое?

– Нормальное. Просто работы много.

– А во сколько ты родилась?

– Не знаю точно. Кажется, вечером.

– Так, значит, вечером нужно начинать отмечать! Какие у тебя планы? Может быть, сходим куда-нибудь?

– Боюсь, не получится. Мне нужно искать менеджера по продажам.

– Шутишь? Смешно.

– Нет, Павлик, я серьезно. Спасибо за поздравление. Давай созвонимся. Извини, мне сейчас некогда.

– Хорошо. Звони, когда освободишься.

Днем позвонила Королькова. Поздравила и сказала, что не может долго говорить, потому что звонит из Лос-Анджелеса. Пузик там в командировке, а она при нем.

Вечером из Кувшиново позвонили родители.

Потом пришла Поли с девочками. Она каким-то чудом помнила, что сегодня у Вики день рождения. Вика вновь услышала песню Happy birthday, на этот раз в исполнении Полининых крошек, и получила в подарок большого плюшевого зайца. Поли преподнесла ей также букет голландских тюльпанов. Это был единственный букет цветов за весь день.

Вика вспомнила, что в прошлом году на работе на день рождения ей дарили подарки. Цветы, конфеты, какие-то приятные мелочи. Симулин поздравил букетом роз. А сегодня даже никто не вспомнил. Ну конечно, им же не напомнили! У Капустиной заболел ребенок, она не пришла на работу, напоминаловка не была отправлена – и вот вам, пожалуйста! О твоих праздниках помнят только настоящие друзья. А их у Вики нет. Точнее, есть, но не такие, каких бы ей хотелось иметь. Королькова, Чебурашкин и тетушка Поли с ее крокодильими крошками. Гоп-компания поздравителей во всей своей красе! И никакого тебе праздника, никаких сюрпризов и ошеломляющих впечатлений. Тот же Чебурашкин мог бы догадаться отправить букет цветов домой или на работу. Но куда этому ушастику! Он, наверное, и не знает, что такие службы рассылки цветов существуют!

Ангел Вика слушал эти рассуждения с улыбкой на лице. Он был готов найти тысячу аргументов и доказать Вике, что она не права. Но он не мог этого сделать, потому что она так и не научилась его слушать. Зато ангел мог и хотел сделать Вике подарок по случаю дня рождения. Ангел Вика не любил прибегать к чудесам, но в исключительных случаях, раз уж она так хочет…

В дверь позвонили.

– Кто? – спросила Вика.

– Служба доставки цветов. Вам букет.

И изумленной Вике вручили изящно оформленную корзинку с цветочной композицией.

– От кого это? – выдохнула Вика.

– Мы не называем имена заказчиков без их желания. Но там, кажется, есть открытка.

Вика закрыла дверь и внимательно осмотрела корзинку. В цветах нашлась небольшая карточка с золотыми вензелями. На карточке было написано: “С днем рождения! Твой АХ”.

“„Твой АХ“? Кто бы это мог быть? У меня появился тайный поклонник? Вот это да! А вдруг это одинокий богатый миллионер? Увидел меня, например, где-нибудь на улице, выследил, навел обо мне справки. Как интересно!” – Викино лицо светилось счастливой улыбкой.

– Это не одинокий богатый миллионер, деточка, – прошептал ангел Вика. – Это гораздо лучше.

“Надеюсь, это не Леша Харитонов”, – забеспокоилась вдруг Вика. Леша Харитонов был охранником в офисе “Оптимы”. Он не скрывал своего интереса к Вике и несколько раз предпринимал неуклюжие попытки за ней ухаживать.

– Это не Леша Харитонов, – развеселился ангел. – Это гораздо лучше.

“Нет, это не Харитонов, – успокоила себя Вика. – Харитонов никогда бы не додумался прислать домой букет. Он еще хуже Чебурашкина. А уж если бы и додумался, то никогда бы не смог выбрать такую тонкую цветочную композицию. Максимум, на что он способен, так это купить какие-нибудь ужасные крашеные гвоздики на выходе из метро. Нет, это точно не он…”

Вика поставила корзину в комнате на видное место и еще долго мечтательно закатывала глаза, представляя того, кто отправил ей этот чудесный подарок.

Ангел Вика меж тем получил сигнал вызова. Его вызывали на встречу. Кто-то из производственников. Ангелы-производственники имели в своем ведении не людей, а предприятия, организации, фонды и т п. По аналогии с человеческой жизнью у каждой из таких структур имелся свой жизненный план, точнее, производственный цикл. С одной стороны, работа эта не была такой ответственной, как у тех, кто имел дело с людьми. С другой стороны, все эти структуры образовывали те же люди, и часто жизнь, здоровье и благополучие людей находились в зависимости от течения производственного цикла организации. Ангелы-хранители обычно недолюбливали ангелов-производственников и считали их ниже себя. Ангелы-производственники платили им той же монетой.

Ангел Вика почувствовал, что его ждут неприятности. Он поставил именинницу на автопилот и отправился на встречу.

– Привет, – представился производственник. – Я отвечаю за “Оптиму”.

– Приятно познакомиться, – как можно дружелюбнее ответил ангел Вика.

– У нас тут одна проблемка нарисовалась с твоей подопечной.

– Какая “проблемка”?

– Видишь ли, у “Оптимы” очень короткий производственный цикл…

– И? – Ангел Вика подумал, что здесь он дал маху. Надо было навести справки о компании, в которой работала Вика. Он должен был знать заранее, что дни “Оптимы” сочтены.

– Мы сейчас выводим из строя топ-менеджмент. С финансовым и тем, кто по продажам, уже разобрались, на очереди твоя Кравченко.

– Что значит “на очереди”?

– Ну, выбор у нас небольшой: черепно-мозговая или что-нибудь сердечное из серьезного. Эти же люди головой работают, им руки-ноги ломать бесполезно. Сам знаешь…

– Подожди, я не понял. Это что за метода такая: убивать компанию, калеча здоровье людей?

– Известная метода. Через три месяца надо принимать решение о новых инвестициях, нам нужно, чтобы оно было неправильным, тогда мы в сроки укладываемся и до нового года “Оптима” не доживет.

– А Вика при чем? Она такие решения не принимает. – Ангел Вика тянул время, пытаясь правильно сориентироваться в ситуации, хотя давно уже понял, при чем здесь Вика.

– Как при чем? Мы людей убираем, а она им замену находит. Получается, что мы зря стараемся.

– Она же пока никого не нашла.

– Найдет. В том-то и дело, что она ищет лучшие варианты. Если бы она каких-нибудь дурачков взяла, мы бы ее не трогали. Но она старается, ищет достойных, и рано или поздно найдет. Нам потом с ними разбираться, с их ангелами договариваться. Лишняя морока никому не нужна.

– Ну, вы тоже хороши! Неужели нельзя как-то по-другому?

– Тебе легко говорить “по-другому”. Мы им уже тысячу раз знаки делали, чтобы по-хорошему бизнес свернули, они ни на что не реагируют. Вот, например, в конце прошлого года они переехали в новый офис. Скажи мне, если тебе предлагают аренду в шикарном офисном здании за половину рыночной ставки,

здание находится по адресу Последний тупик, тринадцать, и ты знаешь, что компания, которая снимала этот офис раньше, обанкротилась… Не наведет ли это тебя на нехорошие мысли?

– Наведет. – Ангел Вика подумал, что, действительно, “Последний тупик, 13” – это чересчур. Как же он раньше не обратил на это внимания и не навел справки!

– Вот, – ангел “Оптима” торжествующе поднял указательный палец, – а они по нулям. Обрадовались, что можно сэкономить, и переехали. Никакой интуиции!

– Хорошо, а если она уволится?

– Если уволится, то нам она, конечно, больше не интересна. Но ты сам понимаешь, что это непросто. Максимум, что я могу тебе дать, – два месяца. За такой срок найти ей приличную работу и внушить мысли о переходе… не знаю… по моему опыту, нереально. Ну, ты не волнуйся, мы ее аккуратно из строя выведем. Месяца на два-три, без особых последствий.

Ангел Вика представил себе эти два-три месяца в больнице, потом статус безработной… Сколько негатива успеет вылиться на его голову за это время. И ни на йоту они в эксперименте не продвинутся, им и сейчас-то нечем похвастаться, а уж с черепно-мозговой поводов для радости ждать не приходится. Хотя трепанация черепа хорошо помогает при депрессии. Правда, радости хватает ненадолго, потом люди опять принимаются за старое. Нет-нет, это не вариант. Никаких травм.

– Значит, какой у нас выбор? – спросил он у производственника.

– Выбор следующий: черепно-мозговая, сердечный приступ или увольнение по собственному, так сказать, желанию… Правда, для женщин существует еще один вариант.

– Это какой же?

– Беременность. Мозги отшибает, как при черепно-мозговой. Плюс общее недомогание, гормональные бури, короче, работник из нее будет уже никакой.

– Ну, это для нас нереально! Если только от святого духа…

– Ну, смотри… Тебе виднее. Давай, у тебя есть еще два месяца.

“Господи, не было печали, называется… Что же нам с тобой делать? Как выйти из этой ситуации? И почему я не догадался раньше навести справки об „Оптиме“? Это я после Федора расслабился, он всю жизнь на заводе токарем… Хотя и заводы, бывало, закрывали. Но это когда было-то!” – Ангел Вика мучительно думал, как заставить Вику сменить работу. Это единственный способ уберечь ее от произвола со стороны

производственников.

Вика же пребывала в отличном настроении. Она постоянно думала о загадочном АХи ждала, что он будет подавать новые знаки своей влюбленности. В том, что АХ в нее влюблен, Вика не сомневалась. Иначе зачем бы ему делать такие романтические подарки и подписываться “Твой”.

Наблюдая за Викой в эти дни, ангел Вика решил, что ее вполне можно оставить ненадолго одну, а самому слетать к Феде. Он знал, что лучше всего решать сложные умственные задачи помогает переключение на другой объект. Сейчас он навестит Федю, отвлечется, развеется, и решение придет само собой.

Федю ангел Вика застал гуляющим по парку со своим другом Иванычем. Они уже приняли грамм этак по пятьсот и бодрым шагом шли по направлению к местной достопримечательности – скульптуре Бурого Медведя. Федя был в особенно приподнятом настроении и громко-прегромко декламировал:

– А я люблю тебя, Россия! А до-ро-га-я, зо-ло-та-я моя Русь!

Иваныч же, поддерживая друга Федю за локоток, успевал заниматься своим любимым делом – давать советы окружающим.

– Милая, ты бы ему личико-то от солнца прикрыла, – подсказывал он мамаше, катившей коляску с младенцем.

– Мальчики, чтобы все бутылки и окурки за собой убрали! В парке сорить нельзя. Понятно? – обращался он по ходу движения к сидящим на скамейке и пьющим пиво подросткам.

– Эх, бабка, бабка, что же ты одна-то гулять выползла. У тебя вон ноги еле передвигаются. Ты в следующий раз бери с собой своего дедку. Будешь на него опираться. Договорились?

Ответов он, как правило, не дожидался и в долгие дискуссии с окружающими не вступал. Как будто знал, что краткость – сестра таланта.

– А я люблю тебя, Россия. А до-ро-га-я, зо-ло-та-я моя Русь! – повторял меж тем Федя. И со стороны казалось, что эти двое поют песню в стиле рэп. Иваныч исполняет куплеты, а Федя – припев.

Выглядели они довольно радостными, впрочем, как всегда. Однако от взгляда ангела Вики не укрылись некоторые неприятные изменения, произошедшие с Федей. Федя за эти месяцы как-то постарел: похудел, осунулся и вообще выглядел немного болезненно. Ангел Вика решил вызвать на разговор ангела Диму (так звали Иваныча). Ангел Дима довольно быстро принял вызов и предстал перед ангелом Викой. Раньше они, как и их подопечные, тоже довольно часто общались.

– Привет. Рад тебя видеть. Давно ты к нам не заглядывал, – сказал ангел Дима.

– Да. Все не вырваться было.

– Как успехи у тебя там?

– Лучше не спрашивай. С бабой как свяжешься… Даже моего ангельского терпения иногда не хватает.

– Понимаю… – Ангел Дима сочувственно вздохнул.

– Как вы?

– Все в порядке. Ты не волнуйся. Я стараюсь за обоими присматривать.

– Спасибо. Что нового?

– Да все по-старому. Твой вот, правда, болел тут.

– Чем? – насторожился ангел Вика.

– Водкой паленой травануся. Один ее пил, без Иваныча.

– Наверное, в киоске рядом с автобусной остановкой покупал. Там всегда паленую продают, – вздохнул ангел Вика.

– Наверное. Но ты не беспокойся. Сейчас он уже в форме. Поначалу мы, правда, немного испугались.

– Почему?

– Иваныч пришел к нему. У Феди дверь не закрыта, сам лежит на диване, не шелохнется. Как мертвый. И только изо рта течет слюна на ковер… и на ковре дырку прожигает.

– Ну, это ничего, – с облегчением произнес ангел Вика, – такое у нас и раньше бывало. А что же ты мне-то не сообщил?

– Да не хотел тебя тревожить. У тебя же сейчас других дел по горло. Федька твой и правда живучий. Быстро оклемался.

– Да. Он у меня молодец.

Ангелы немного помолчали, наблюдая за своими подопечными. Федя с Иванычем добрались наконец до Бурого Медведя и теперь, пристроив на его могучих лапах бутылку водки, пили за здоровье проходящих мимо прохожих.

– Ну, за ваше здоровье! – кричал прогуливающейся рядом парочке Иваныч. И они с Федей чокались походными складывающимися стаканчиками.

– Это не паленая? – заволновался вдруг ангел Вика.

– Обижаешь! Проверено Ангелздравом. Не ахти какая, конечно, не первый сорт. Но пригодная к употреблению, – заверил ангел Дима.

– Ладно… Пора мне. А то мою надолго оставлять нельзя. Она хоть и не пьет, а дел натворить может…

– Давай. Успеха тебе. Ты не переживай, я за Федей буду присматривать.

– Спасибо тебе, Дима. Большое спасибо.

Ангел Вика застал свою барышню разговаривающей по телефону с Корольковой. Вика в красках описывала получение

букета от загадочного АХ.

– Представляешь, такой шикарный букет. Точнее, композиция из роз, гербер, ирисов и лилий. Очень красиво. С большим вкусом подобрано.

– Здорово, Вика. Значит, у тебя появился тайный поклонник? Поздравляю!

– А вдруг это чей-нибудь розыгрыш?

– Вика, ну кто будет тратить деньги на такой розыгрыш? Сама подумай, кому это надо?

– Да, – быстро согласилась Вика, – не похоже на розыгрыш.

– А у меня тоже есть новость! – торжественно произнесла Королькова.

– Какая?

– Пузик сделал мне предложение!

– Да ты что! Поздравляю!

– Свадьба будет в Париже. В июле. Пока мы с датой не определились, но как только ее назначим, я тебе сообщу. Ты, естественно, приглашена. И твой АХ тоже.

– Спасибо, Светик! Как романтично! В Париже… Я, конечно, постараюсь приехать. Насчет АХ не знаю. Думаешь, он проявится к тому времени? А вдруг он женат?

– Прекрати. Он обязательно появится, иначе зачем ему было подписывать открытку. Мог бы просто букет прислать.

“Действительно, зачем я подписал эту карточку? Теперь она будет забивать себе голову всякой ерундой. Я, конечно, поеду с ней в Париж и в любое другое место, куда ей вздумается, но она об этом так и не узнает. Да если бы и знала, вряд ли оценила бы. Я же не миллионер какой-нибудь в костюме от Brioni. Явсего лишь ангел-хранитель”.

“Ах, как здорово. Светка выходит замуж. Свадьба в Париже. И мы с АХ в качестве приглашенных. Надо купить себе что-нибудь приличное на свадьбу. А может, мне АХ что-нибудь купит? – размечталась Вика. – Он, судя по всему, мужик небедный. И со вкусом.А то у меня столько трат. За квартиру, за спортклуб, теперь вот права еще надо покупать, а потом и машину. Откуда же, интересно, он меня знает? Может быть, живет в этом районе? Вряд ли. Я дома-то только ночую, по окрестностям никогда не гуляю. Если только до магазина и обратно. Может, видел меня в спортклубе? Но я там последний раз два месяца назад была. В автошколе? Нет, там одни гоблины, что ученики, что преподаватели. На работе? Никто подходящий на ум не приходит. Да и на собеседованиях вроде никого приличного последнее время не наблюдалось. Просто загадка какая-то. Откуда же ты взялся, АХ?”

“Боже, мне бы ее проблемы! Я тут сижу думаю, как ее здоровье сохранить, а она про платье с туфлями… Да, если все дальше так пойдет, то не видать нам никакой свадьбы, в больнице мы в июле будем, а не в Париже. Нам работу срочно нужно новую искать, а неплатье. Как вот только тебя на эту мысль навести? Да и в сроки мы не укладываемся. Допустим, я пойду на чудеса: найду тебе что-нибудь потрясающее и хорошо оплачиваемое. Ты придешь на собеседование, я постараюсь, чтобы ты понравилась… Но, если работа хорошая, одним собеседованием дело не ограничится, их будет несколько. Это значит, придется работать с широким кругом людей, договариваться с их ангелами. И даже если удастся, все равно пройдут недели до окончательного решения, а потом еще в „Оптиме“ придется отработать как минимум две недели по КЗОТу. Симулин раньше тебя не отпустит. Тут еще и майские праздники попадают. Эх, боюсь я, не успеть нам. Даже при самом лучшем раскладе. Да и хороших мест не так много, точнее, тех из них, которые свободны… Что же нам делать?”

На следующий день в “Оптиме” проходило собрание руководителей отделов и направлений. Вообще, собрания там проводились довольно часто. Дедушка это дело любил, но в силу того, что компания была довольно большой и часто собирать руководителей не представлялось технически возможным, Петру Лукичу приходилось ограничиваться еженедельными короткими летучками. Однако каждый месяц проходило большое собрание руководства, организованное по всем правилам бюрократического ведения бизнеса. Во-первых, чтобы никто не мог улизнуть под предлогом встречи или решения неотложной текущей задачи, собрание назначали на семь тридцать утра. Во-вторых, всем заранее рассылалась повестка дня, назначались докладчики, раздавались материалы для предварительного ознакомления. В-третьих, секретарша Симулина конспектировала основные тезисы выступлений и рассылала их потом всем присутствовавшим с указанием решений по каждому пункту, сроков выполнения и фамилий ответственных. Сегодня вторым пунктом программы выступлений значился доклад Виктории Кравченко на тему “Итоги работы HR-департамента в первом квартале 2006 года”.

У Вики слипались глаза. Ей пришлось встать в пять утра, чтобы успеть приехать в офис к началу собрания. Ангел Вика уже выслушал все полагающиеся по этому поводу причитания и надеялся отдохнуть хотя бы на собрании, отключив при этом, разумеется, мыслительный ряд Вики.

Первым заслушивали доклад о положении дел в отделе

продаж. Этот доклад повесили на коммерческого директора, так как Митенков так до сих пор и не вышел из больницы, а найденная Викой жертва на должность старшего менеджера еще не успела достаточно войти в курс дела. Жертва в лице молодого человека лет этак около тридцати тоже присутствовала на собрании и выглядела почему-то не очень счастливо. Видимо, потому, что продажи падали и Симулин ругался. Вика, конечно, говорила на собеседовании об “определенных трудностях”, но новоявленный старший менеджер недостаточно оценил их масштаб.

– Значит, как я понимаю, вы не можете нам внятно объяснить, почему в продажах такие плохие показатели, туды-сюды, – резюмировал содержание доклада Симулин.

– Ну почему же, я приводил только что ряд причин, – возражал коммерческий директор.

– Это все отговорки. А в реальности мы с вами будем вынуждены сокращать наш бюджет на этот год, потому что план по прибыли мы не выполняем. И вообще, давайте уже заканчивать это безобразие. Даю вам срок месяц, чтобы разобраться в причинах и стабилизировать ситуацию, йопт. Ответственным назначается вот этот товарищ, – Симулин показал на новенького. – Извините, забыл ваше имя.

– Степан Ярцев, – подсказала Вика.

– Да, Степан Ярцев. Посмотрим, на что вы годитесь, туды-сюды.

Настала очередь Вики. Она рассказала о проделанной работе за последние четыре месяца. Работы было сделано много. Вопросов у присутствующих не было. Симулин молчал. Потом, задумчиво постукивая пальцами по столу, произнес:

– Ты вот что, Виктория, давай подготовь мне предложение по проведению корпоративного праздника. Давай в этот раз что-нибудь оригинальное придумаем.

– Насколько оригинальное? – поинтересовалась Вика.

– Ну, в ресторане мы уже несколько раз отмечали, в прошлом году на теплоходе катались, а в этом давай что-нибудь с размахом.

– Вы же сами сказали, что надо сокращать бюджет…

– Надо сокращать, йопт. Но на это мы денег жалеть не будем. Мы новых инвесторов ищем, поэтому никто не должен знать, что у нас финансовые трудности. Наоборот, пусть все думают, что у нас все в порядке, туды-сюды.

– Хорошо. Вам в каком виде? Презентацию или достаточно текст с идеями прислать?

– Мне – презентацию, чтобы все красиво и аккуратно. Ты же

знаешь, как я люблю.

Вика знала. Симулин был на редкость падок на все эти современные компьютерные возможности. Сам он пользовался компьютером только как печатной машинкой, но любил, когда на рассмотрение ему подавались документы, выполненные в соответствующих программах: с картинками, фотографиями, цветными шрифтами и ламинированными титульными листами. Петр Лукич, являясь внешне типичным продуктом советской эпохи, в душе был эстетом. Вика же терпеть не могла делать все эти презентации, потому что процесс создания такого рода документов убивал кучу времени, не меняя при этом сути самого предложения.

– А сроки? – упавшим голосом спросила Вика.

– Можешь не торопиться. К концу июня подготовь, а запланируем все на конец августа–начало сентября.

“Боюсь, что в конце августа–начале сентября вам это уже не понадобится, – подумал ангел Вика. – Интересно, а что они собираются сделать с Симулиным? Наверное, оставят его на сладкое. Какой-нибудь сердечный приступ под занавес”. От этих мыслей ангелу Вике стало как-то не по себе.

Приближались майские праздники, а с ними и традиционная поездка в родительский дом. Перед Викой встала проблема выбора подарков родителям. Это действительно была проблема. В предыдущие годыВика испробовала разные варианты. Ни один не подходил. Дорогая бытовая техника и разные приспособления для облегчения ведения хозяйства она обнаруживала впоследствии в дальних углах кладовки в так и не распакованных коробках.

– Да мы не умеем этим пользоваться, дочка… Еще сломаем… – оправдывались родители.

– Так прочтите инструкцию.

– Да ну, она такая там сложная. Быстрее сам салат настругаешь, чем в этом комбайне разберешься.

Дорогая одежда вызывала большие сомнения.

– Куда ж я в этом пойду, дочка? Тут же все просвечивает, да и горло открыто, – не скрывала своих сомнений мама.

– Спасибо, Викуся, – всегда благодарил папа, но тоже прятал обновку в шкафу, чтобы ни разу потом не надеть.

Тот же эффект имела покупка дорогих одеколонов для папы и духов для мамы. Ювелирные украшения не носились, потому что “жалко потерять”. Они были очень консервативными, ее родители, и не меняли своих вкусов десятилетиями. Говорить же о стоимости подарков было категорически нельзя: вместо того чтобы обрадоваться и начать больше ценить подаренную вещь,

они огорчались тому, что дочка выбросила деньги на ветер.

Так и не решив, что купить, Вика зашла в ближайший к дому магазин одежды. Магазин был небольшой, “с советским ассортиментом”, как отзывалась о нем Вика. По периметру помещения была развешена одежда сомнительных фасонов и расцветок, в основном трикотаж российских производителей.

– Берите-берите и не сомневайтесь даже. У нас в этих водолазках полрайона ходит. Яи себе такую купила, – нахваливала продавщица товар одинокой пожилой покупательнице.

– Даже не знаю, не очень это ярко для моего возраста? – колебалась покупательница.

– Ну что вы, женщина. Это как раз пожилым подходит. Освежает цвет лица, – пыталась отмести все сомнения продавщица.

– Наверное, вы правы. И к тому же эта расцветка очень подойдет к моей синей кримпленовой юбке.

“Кримпленовая юбка, боже мой! В таких в семидесятые ходили. А я думала, что это только в провинции люди так цепляются за прошлое. Оказывается, и в Москве живут еще такие бабульки, которые до сих пор предпочитают носить юбки из своей молодости, – думала Вика. – Кстати, а это идея! Надо вспомнить, какие бренды были в советскую эпоху, и найти что-нибудь родителям в подарок. Так-так. Гжель, хохлома, жостовский поднос, оренбургский платок, павлово-посадский платок, одеколон „Тройной“ или, как праздничный вариант, „Шипр“, духи „Красная Москва“, икра лососевых рыб. Отлично, так мы и сделаем!”

Май

Поездка в Кувшиново на майские давно уже стала традицией. Во-первых, там жили Викины родители: Виктор Михайлович и Мария Ивановна Кравченко, а родителей нужно навещать. Хотя бы раз в год. Во-вторых, ехать в полноценный отпуск за рубеж – невыгодно, цены на все поездки взлетают минимум в два раза. И в-третьих, майские праздники – это святое время для работ в огороде. Посадки картошки и всяких там разных овощей. Предполагалось, что Вика едет помогать родителям, хотя на деле большую часть времени она проводила с книжкой на кровати. Родители ее жалели: “Бедная девочка и так устала, работая в этой сумасшедшей Москве” – и сельхозработами не нагружали.

Вика и раньше не любила свой город, а после Москвы она и вовсе перестала понимать, как можно там жить. Одиннадцать тысяч населения, из которых минимум восемь пьют как сапожники (те, кто постарше) или употребляют сельский вариант наркотиков (те, кто помоложе). Главная достопримечательность города – бумажно-картонная фабрика.Основное хобби горожан – работы в огороде. Поезд “Москва–Осташков” приходит в Кувшиново ближе к двум ночи и стоит всего пять минут. Даже поезд не хочет там задерживаться, а что уж о людях говорить.

Викины бывшие одноклассники делились на две категории: те, которые пошли учиться в местный целлюлозно-бумажный техникум, и те, кто поехал поступать в институт. Вторых было меньше, и уезжали поступать они в основном в Тверь или в крайнем случае в Питер. В Москву поехала она одна. Поступать на психологический в МГУ. Никто не верил, что она сможет поступить, не потому, что Вика была дурой, а потому, что все твердо знали, что “в Москве все по блату”. А Вика неожиданно легко, с первого раза поступила. И те первые пять лет были самыми приятными годами еемосковской жизни. Веселая студенческая жизнь, знакомство с ошеломляюще живым городом и его насыщенной культурной жизнью, интересные лекции и блестящие преподаватели, новые друзья и перваямосковская любовь… И главное – жизнелюбие, энергия, драйв, которые, казалось, никогда не кончатся. Оглядываясь на прожитые в Москве годы, Вика так и не могла понять, в какой момент все изменилось. Когда город-сказка превратился в город-вампир и что именно погасилотот огонь вечного праздника?

Но, несмотря на извечные жалобы на тяжелую московскую жизнь, Вика понимала, что лучше уж так, чем медленно деградировать в районном центре Тверской области с красивым

названием и симпатичным гербом с тремя кувшинками на сине-зеленом фоне. Приезжая раз в год повидать родителей, Вика иногда случайно встречала своих бывших одноклассников или подружек по двору. Выглядели они ужасно. Все какие-то неухоженные, нечесаные, с пьющими мужьями и кучей сопливых ребятишек. Поли по сравнению с ними была “Мисс Вселенная”. И даже те люди, которые окружали Вику каждый день в московском метро и тоже в массе своей выглядели и пахли не лучшим образом, даже они приобретали какой-то столичный шик в сравнении с родными кувшиновцами.

В этом году, как обычно, Вика купила билет на поезд “Москва–Осташков”, подарки родителям, книги, чтобы скрасить свое пребывание в отеческом доме, и отправилась в путь. Настроение у нее, тоже как обычно, было ниже среднего. Во-первых, в поезде было не слишком чисто и дуло из окон, во-вторых, ее не покидали мысли о недоделанных на работе делах, и, в-третьих… а чему, собственно, радоваться? Она же не в Сан-Тропе летит с АХ, который, кстати, так до сих пор и не проявился.

Ангел Вика, напротив, был рад поездке. Федя Иванюшкин никогда никуда не ездил, и для ангела Вики это была прекрасная возможность своими глазами посмотреть на то, как живут люди в провинции в двадцать первом веке. Он надеялся, что смена впечатлений поможет ему развеяться и, возможно, натолкнет на мысль, что делать дальше с этой милой барышней, Викторией Кравченко. Как уберечь ее от грозящей опасности.

На станции Вику встретил папа, а дома, несмотря на раннее утро, мама ждала дочку с горой свежеиспеченных пирожков и чаем из самовара. Вика пыталась приучить родителей к электрическим чайникам, но безуспешно. Родители не хотели пользоваться электрочайниками, мотивируя это тем, что “они жрут электричество”, и по старинке ставили чайник со свистком на газовую плиту. Исключение делалось только для старого электрического самовара, который водружался на стол для чаепития по праздникам.

– Мама, ну зачем ты? Ночью печь пироги… Я же на неделю приехала, испекла бы потом. – Вика каждый год говорила эту фразу после традиционных объятий и поцелуев.

И мама всегда отвечала:

– Всего на неделю? Ну я же любимые твои: с капустой и вишневым вареньем.

– Да, всего на неделю. Мне работать надо, ты же знаешь.

– Конечно, Викуся, конечно. Ой, а похудела ты как! Ты кушай пирожки-то, кушай, тебе поправиться надо. Смотреть не на что, кожа да кости. Потому и одна до сих пор. – В маминых глазах

стояли слезы.

“Да-а, только мне удалось сбросить четыре килограмма. Между прочим, путем титанических усилий. И сейчас эти пирожки, и салатики, и пельмешки, и холодцы – все это вернет меня в прежнюю весовую категорию. Вся диета коту под хвост. И ведь отказываться нельзя, обида будет смертельная. А сказать, что худеешь, вообще не приведи господь. Мама плакать будет все эти дни”, – думала Вика, осторожно откусывая пирожок с капустой. Пирожок был чертовски вкусным. Как и все, что готовила мама. Вике эта способность, к сожалению или к счастью, не передалась.

– А брови-то что у тебя такие рыжие? – с тревогой произнесла мама, всмотревшись в дочкино лицо.

– Покрасила.

– Зачем? Такие красивые были. Черные, густые. Так она их сначала выщипывала, а теперь еще и в рыжий цвет выкрасила. Тебе не идет.

– Мам!

– Ну что “мам”? Не идет тебе, и все. Я что думаю, то и говорю, ты же знаешь. Зачем ты их в рыжий-то?

– Мам, ну я покрасила, чтобы цвет бровей не контрастировал с цветом волос. Волосы же я крашу.

– Волосы крась. Я сама седину хной закрашиваю. Оживляет. А брови не надо. Некрасиво так.

– Ладно. Я поняла.

– Ну что ты на нее набросилась, – вступился отец. – Человек только с поезда, толком не спал, а ты как следователь на допросе.

– Да, пап. Спасибо. Я и правда так хочу спать, если бы вы знали. Сейчас еще один пирожок, и все, на боковую, – сказала Вика родителям.

“Именно так и образуется целлюлит: нажраться углеводов и лечь спать”, – мелькнула у нее в голове неприятная мысль, но она попыталась не продолжать думать в этом направлении.

Вика пошла спать, а ангел Вика остался на кухне. Родители переговаривались негромкими голосами.

– Худющая-то она какая, Витя, что ж она, не ест ничего, что ли? Может быть, ее врачу показать? Может, у нее эта болезнь, как там она называется, давеча вот по телевизору показывали, помнишь?

– Булимия?

– Нет, булимия это когда наоборот. Аорексия или как-то так.

– Да брось. Нет у нее никакой болезни. Они все сейчас такие, городские. Фигуру держат. Вон к Симоновым дочка из Питера

приезжала на Новый год. Та вообще скелет скелетом, а в детстве ее Винни-Пухом звали.

– Ой, не понимаю я этой моды, Витя. Как же она детей рожать будет? Да и что же это она опять одна? Неужели там в Москве кавалера подходящего найти не может? Ей же уже за тридцать. Когда мне было тридцать, Вике уже десять лет было. А она до сих пор не замужем.

– Раньше все было по-другому. Теперь они работают, карьеру строят.

– Да на хрена она, такая карьера, прости господи? Если в тридцать лет нет ни семьи, ни дома, ни детей? Поговори с ней, Витя. Она тебя слушает. Может, вернется сюда. Мы бы ей жениха приличного нашли.

– Это кого же?

– Да хотя бы Василисы Афанасьевны сына, он на фабрике инженером работает. Рассудительный, приличный и непьющий.

– Ой, мать, не начинай. Девка на неделю приехала, а ты хочешь ее наставлениями изводить. Она уже взрослая, сама решит, как ей жить.

– Ну не знаю, чего она там решит, а я хочу еще внуков понянчить, пока силы есть, – Мария Ивановна обиженно поджала губы.

“Тоже мысль, – отметил ангел Вика. – Производственник, помнится, говорил, что беременность квалифицируется как тяжкое телесное. Может, порадовать стариков внуками? Но вот от кого? У нас в запасе есть только непривлекательный, но вполне реальный Павлик и манящий, но, увы, абсолютно бесплотный (хм, бесплотный – бесплодный, смешное созвучие) АХ. Если, конечно, вдруг Виктория Викторовна не соблазнится непьющим сыном Василисы Афанасьевны. Но, зная ее, на это можно не надеяться”.

Проснувшись, Вика достала из сумки подарки. Маме – красивый пуховый палантин, современный вариант того самого оренбургского платка. Папе – одеколон “Шипр” и часы “Полет”. Найти все это богатство в Москве оказалось намного труднее, чем какую-нибудь дорогую вещицу из мира современной высокой моды. Но Вика постаралась, и, как оказалось, не зря.

– Ой, какой красивый! – восхищалась Мария Ивановна палантином. – Вот ведь умеют наши делать. И тоненький, смотри, в обручальное кольцо проходит. Настоящий, значит, оренбургский. Скоро у Егоровны шестидесятилетие, она нас уже пригласила. Вот туда и надену. Небось дорогой, дочка? – обеспокоенно спросила она у Вики.

– Не дорогой, мам, не переживай. Носи на здоровье, хоть раз

тебе угодила.

Папа тоже сразу же надел часы и побрызгался “Шипром”.

“Ну, слава богу, оба довольны”, – обрадовалась Вика и незаметно положила в нижний ящик серванта конверт с деньгами. Она каждый год делала так: подсовывала деньги в какое-нибудь тайное местечко, а потом звонила из Москвы и признавалась родителям, что оставила им конверт. Брать деньги нормально, из рук в руки, родители всегда отказывались, говорили, что деньги нужнее ей, а им хватает пенсии. По телефону они ругали дочь за оставленные деньги, старались их не тратить, складывали куда-то в кучку и напоминали Вике о том, что деньги ее в целости и сохранности и она в любой момент может взять их себе.

После второго за это утро завтрака (яичница со шкварками, чай, пирожки: “Кушай, Вика, кушай, тебе надо поправляться”) все семейство отправилось на дачу. Дачей называли небольшой бревенчатый дом старой постройки, купленный родителями после выхода на пенсию. Основная ценность дачи заключалась, разумеется, в огороде. Восемь соток, плотно засаженных овощными культурами, плюс две грядки клубники, плюс три клумбы цветов и несколько традиционных деревьев и кустарников. Если в Москве до любой дачи надо всегда добираться наземным транспортом, то кувшиновская дача находилась через две улицы от квартиры. Пять минут пешком. Родители очень любили это место, но жили там только летом. Зимой не получалось: старый дом требовал дополнительного утепления и быстро выстывал, а дров на растопку уходило много, поэтому зимой в дом заглядывали только покормить кошек. Кошки, в количестве четырех (кошка, кот и два котенка), жили в доме постоянно и чувствовали себя здесь хозяевами. Вот и сегодня они вышли на крыльцо, с важным видом встречая “гостей”.

Вика, приезжавшая раз год, всегда обращала внимание на то, как ветшал этот и без того старый дом. Она уговаривала родителей взять оставленные ею деньги и нанять строителей, чтобы они залатали крышу, выровняли ворота, утеплили стены. Но родители предпочитали обходиться своими силами, которых с каждым годом становилось все меньше.

– Сегодня ничего в огороде делать не будем, – заявила Мария Ивановна. – Сегодня праздник, Первое мая, работать грех.

– Вообще-то Первое мая – это как раз День трудящихся, – смеясь, заметил Виктор Михайлович.

– Вот именно. Всю жизнь был праздник. Раньше-то какие демонстрации проходили красивые в этот день: с флагами,

плакатами. А теперь… – Мария Ивановна безнадежно махнула рукой. – В Москве-то хоть празднуют? – спросила она у Вики.

– Не знаю. Я же каждый год к вам приезжаю.

– Хорошо, ну а девятого ты хоть ходишь на Красную площадь парад посмотреть?

– Мам, мне до Красной площади, как вам до Твери, часа два добираться. Я уж лучше по телевизору.

– Э-эх, зачем тогда в Москву было ехать? Никуда не ходишь, ничего не видишь, жениха нет. Оставалась бы здесь, телевизор можно и здесь смотреть.

– А работать я где здесь буду? В школе учителем?

– А чем плохо? Полдня отработала, потом домой, и отпуск по полтора месяца.

– А зарплата?

– А что зарплата? Ты там за квартиру заплатила, за транспорт заплатила, за обеды и продукты. То на то и выходит.

– Ладно, мам. Уже больше десяти лет в Москве живу, а ты все никак не успокоишься. Другая бы радовалась, что дочка смогла в МГУ поступить и в столице остаться.

– Да жалко мне тебя, Вика. Посмотри на себя: кожа да кости. Мужа нет, квартиры нет, детей нет. Что в ней хорошего, в этой городской жизни?

– Ладно, хватит трындеть. Так что мы сегодня будем делать? – Викин папа, понимая, что обстановка накаляется, решил перевести разговор в другое русло.

– Как будто ты не знаешь? Гости у нас сегодня. Надо вот прибраться и обед приготовить.

После этих слов ангел Вика увидел, как кривая Викиного настроения быстро поползла вниз.

“Нигде нет покоя. Хоть бы дали денек отдохнуть, так нет, только с поезда – и сразу: „у нас сегодня гости“. Знаю я этих гостей. Баба Таня, тетя Нюра с племянницей, старики соседи и двоюродная сестра Нина со своим семейством. Каждый год одно и то же. Рассядутся за столом, будут смотреть на меня, как на заморскую обезьянку, и спрашивать всякие глупости типа: „Какая погода в Москве?“ или „Сколько у вас там стоит мясо?“ и, конечно, гвоздь опроса: „Че жениха-то домой не привозишь? Неужели не нашла до сих пор?“ И хоть бы кто отказался прийти! Да никогда! Конечно, какие у них тут еще развлечения?”

– Мам, а ты не могла гостей хотя бы завтра пригласить? У меня после поезда еще голова болит, а ты меня сразу на допрос выставляешь.

– Ну какой допрос, Вика? Это же наши родственники и соседи. Я знаю, что ты не любишь гостей, но так же тоже нельзя.

Ты раз в год приезжаешь, они хотят с тобой встретиться. Даша, Нюрина племянница, между прочим, все время о тебе спрашивает и приветы передает.

– А что ей еще делать, этой Даше? Она закончила этот свой целлюлозно-бумажный?

– Как она могла закончить, если она в прошлом году только поступила? Ты, Вика, никогда ничего не помнишь о своих родственниках, а ведь их у тебя не так уж и много. Вот умрем мы, будет к кому приехать.

– Нет, вы уж лучше не умирайте. Я к Нюриной племяннице приезжать не хочу. И что у нас сегодня? На манеже все те же? Баба Таня, тетя Нюра, Нина…

– Баба Таня умерла в ноябре. Я тебе об этом говорила по телефону. – Мария Ивановна обиженно поджала губы.

– Да? Извини, мам. Я правда этого не помню. – Вике стало стыдно. – Давай помогу тебе с готовкой или с уборкой. Что надо делать?

– Да у меня уж готово все: борщ, холодец, заливное, фаршированные помидоры. Только салаты заправить и хлеб нарезать. Иди лучше на улицу выйди, посиди на воздухе, а то зеленая вся, смотреть страшно.

Вика послушно взяла плед, книжку и вышла из дома. Рядом с крыльцом стояла скамеечка, на которую она и села, поджав под себя ноги и закутав их пледом. Небо было радостно-голубым, пригревало солнышко, на траве играли котята. И главное, было очень тихо. Тишина резала слух, привыкший к постоянному московскому шуму.

“А где, интересно, сейчас АХ? – подумала Вика. – И почему он больше не подает мне никаких знаков?”

– Я здесь, – сказал ангел Вика. – А знаки… Ну вот, пожалуйста, тебе знак.

В кувшиновском небе, прямо над Викиной головой, появилась огромная радуга.

“Вот это да! Так красиво! Радуга без дождя? Разве так бывает?”

– Еще не так бывает, деточка. Давай-ка отдохни, чтобы встретить родственников в нормальном настроении.

Вика неожиданно почувствовала, как все ее тело обрело необычайную легкость, думать ни о чем не хотелось, глаза вдруг стали сами собой закрываться, она зевнула и, положив под голову книжку, моментально погрузилась в сон.

Обед с родственниками прошел вполне сносно. По крайней мере, Вика ожидала, что будет хуже. Этот утренний сон на улице

придал ей силы и какое-то странное спокойствие. Вика решила развлечься, составляя в уме рейтинг самых глупых вопросов. Обычно такие задавала Нюрина племянница Даша, но в этот раз она не поднялась выше третьего места. Пятерка же лидеров выглядела следующим образом.

На пятом месте была Даша с вопросом: “Вика, а ты ходила в Москве на концерт группы „Премьер-министр“?”

На четвертом месте был муж соседки тети Тони с вопросом: “И че, Викуха, стоило пять лет в институте учиться, чтобы потом кадровиком пойти работать? У нас вот на фабрике кадровик училище кончала, глаза над книжками не портила”.

На третьем месте была все та же Даша, правда не с вопросом, а скорее с утверждением: “У тебя такая кофточка симпатичная. У меня есть похожая, только с люрексом. Яв Твери на рынке покупала”.

На втором месте была ее тетя, Нюра: “Сколько же сейчас в Москве стоят свиные ножки, чтобы студень сварить?”

Почетное первое место заняла Викина двоюродная сестра Нина (к слову сказать, мать четверых детей) с вопросом, предварявшимся утверждением: “Тебе уж тридцать один в этом году исполнился. Таких позднородящими называют. Когда детей-то заводить собираешься?”

На следующий день Вика отправилась прогуляться по городу. Она дошла до школы, в которой когда-то училась, подошла к Дому культуры, в который они с подружками бегали на танцы. Думала, зайти или нет к бывшим подругам, но решила, что все-таки не стоит. Все связывающие их моменты остались в прошлом, о чем с ними говорить сейчас, Вика не представляла.

У магазина “Продукты” стоял пьяный мужик с пакетом, полным пустых бутылок. Он слегка покачивался, устремляя взгляд своих мутных глаз в небесную даль. Что-то в его облике зацепило Викино внимание и заставило подойти поближе. На четырех пальцах правой руки, держащей пакет с бутылками, была наколка. На каждом пальце по букве. В сумме получалось: Вася.

Вика не могла поверить своим глазам. Вася Васильев. Он учился с ней в одной школе, но был на год старше. Она была влюблена в Васильева с девятого по одиннадцатый класс. Тогда Васильев был завидным кавалером. Симпатичный, спортивного телосложения, он к тому же довольно хорошо учился и прекрасно играл на гитаре. После школы он собирался поступать в физкультурный и все никак не мог решить, куда лучше ехать: в Питер или в Москву. Вике потом говорили, что он уехал в Питер и вроде как поступил. Потом пошел в армию. А теперь,

получается, вернулся? Почему? И сколько времени ему хватило, чтобы довести себя до такого состояния? В любом случае разговаривать с ним сейчас не было никакого смысла, и Вика поспешила отойти, чтобы, не дай бог, он ее не узнал и не стал приставать с расспросами или, чего доброго, просить денег. Было жалко Васильева и как-то грустно от только что увиденной картины. С другой стороны, в душе зашевелилось неожиданное чувство превосходства и гордости за себя.

“Как бы мне ни было плохо и грустно, я все же смогла подняться в этой жизни на несколько ступенек вверх, а не скатиться, как Васильев, на самое дно… Просто как в анекдоте получилось”, – думала Вика.

Она любила этот анекдот и помнила наизусть, хотя он был очень длинным. Анекдот назывался “Один день из жизни женщины” и описывал на самом деле два дня: идеальный и реальный. В идеальном был такой момент: “16.50 – увидеть бывшего жениха растолстевшим, пьяным и собирающим бутылки”. А в реальном: “17.30 – увидеть бывшего жениха на „мерсе“ и в итальянском пальто. Тот замечает, что вы располнели”. У нее получилось, как в идеальном. И кстати, получилось уже второй раз, потому что в “идеальном” была еще и такая сцена: “17.00 – вернуться домой и увидеть у порога корзину с цветами от неизвестного”. Она опять вспомнила про загадочного АХ. На фоне только что увиденного его поступок приобретал дополнительный шарм.

“Ах, где же ты, АХ? Почему ты не придешь и не заберешь меня из этой мерзкой реальности?”

Ангел Вика даже вздрогнул от этих Викиных мыслей. Уж слишком двусмысленно они звучали для того, кто действительно был АХ и мог забрать ее из этой реальности, но категорически не хотел этого делать.

За день до Викиного отъезда Мария Ивановна решила привести в действие хитроумный план по знакомству дочки с сыном Василисы Афанасьевны. Вечером она засобиралась якобы на прогулку и стала звать с собой Вику.

– Пойдем пройдемся, воздухом подышим, а то ведь завтра опять в свою Москву укатишь, выхлопными газами дышать. У тебя вон лицо даже посвежело за эти дни, не такое зеленое. Да и кости как будто меньше видны стали, – зазывала она Вику, накидывая на плащ привезенный Викой палантин.

– Да уж на ваших пирожках и холодцах и в корову превратиться недолго. А ты чего это так выряжаешься?

– Скажешь тоже, в корову, – решила обидеться Мария

Ивановна. – Я не выряжаюсь, а хочу платок твой проветрить, чтобы моль не завелась.

– Смешная ты, мам. Ну ладно, пойдем погуляем. Папу берем?

– Нет, папа дома останется, – быстро проговорила Викина мама и, оглянувшись на дочь, вскрикнула: – Это что?

– Где?

– На тебе. Ты что, в этой пальтушке собралась идти? – Мария Ивановна скептически оглядывала Викин трофей с последней распродажи в ЦУМе.

– Мама, это не пальтушка, а тренч. Что тебе опять не нравится?

– А что тут может понравиться? Почему швами наружу?

– Так модно.

– Витя, ну хоть ты ей скажи. Такое только на пугало в огород надевать.

Через десять минут мама с дочкой вышли во двор. Вика сменила тренч на обычную джинсовую куртку, решив, что не стоит ссориться с мамой, которую не увидишь еще год, по пустякам. На прогулке Мария Ивановна как бы невзначай вспомнила, что должна забрать лекарство от давления у Василисы Афанасьевны. Якобы та купила таблетки для Марии Ивановны, когда ездила в Тверь.

– Да вот мы как раз мимо ее дома проходим. Давай зайдем? – предложила с невинным видом Мария Ивановна.

– Давай конечно, – согласилась ничего не заподозрившая Вика.

Василиса Афанасьевна, естественно, была заблаговременно предупреждена о визите и находилась во всеоружии. Она тоже была заинтересованной стороной. Ей давно хотелось женить сына. Шутка ли сказать, в тридцать три года он еще не был ни разу женат и жил с мамой. Иногда ей даже приходили в голову нехорошие мысли. Тем более что чуть ли не каждый день и по телевизору показывали, и в газетах писали о разных мужских отклонениях. На осторожные расспросы сын отвечал, что еще не встретил девушку своей мечты. Он был какой-то странный для здешних мест: хорошо работал, не пил, почти всю зарплату отдавал матери, а себе оставлял только на книги и музыку, которую слушал вечерами в своей комнате. Василиса Афанасьевна была вдовой и боялась, что умрет, так и не успев пристроить сына в хорошие руки. Что же с ним тогда будет?

– Ой, Маша, здравствуй, – нараспев произнесла Василиса Афанасьевна, открыв дверь. – А это кто с тобой? Никак Вика приехала? – притворялась она. Получалось у нее очень

натурально.

– Да мы тут мимо проходили, решили за лекарствами заскочить, а то все забрать некогда.

– Вы заходите, заходите. Сейчас чаю попьем. Я пирожков как раз напекла. Как чувствовала, что гости будут. Да и то правда, кошка-то наша уже третий день гостей намывает. – Василиса Афанасьевна махнула рукой в сторону кошки, которая от такого наглого вранья выгнула спину и приготовилась зашипеть.

“Опять пирожки, – подумала Вика, – они решили сделать из меня кустодиевскую красавицу. Боюсь, в Москве этого никто не оценит”.

Пришлось раздеться и пройти на кухню.

– Сережа! – крикнула Василиса Афанасьевна. – Иди к нам чай пить. К нам Мария Ивановна с дочкой пришли. Ты помнишь Вику? Она из Москвы на праздники приехала.

Через минуту в проеме кухни возник Сережа.

– Из Москвы? Ну и как там в Москве? Звонят колокола?

– Звонят, звонят. – Вика скептически оглядывала вошедшего. Она сразу отметила и его серый свитерок из ангоры, такие, кажется, были в моде здесь лет пять назад, и протертые до дыр клетчатые тапочки, и золотую коронку во рту. Что поделать, профессиональный взгляд опытного директора по персоналу.

– Вика, а ты где в Москве живешь? – встряла Василиса Афанасьевна. – В центре?

– Да прям, в центре, – опередила Вику с ответом Мария Ивановна. – Там цены такие за квартиры, что нам и не снились. Далеко она живет от центра. Ей до работы ехать, как нам до Осташкова.

– Да что ты? И как же она, бедная, каждый день вот так мотается?

– Да, вот так и мотается. По метро, по автобусам. Зеленая вон уже вся стала. Да видишь, охота пуще неволи. – Тут Мария Ивановна запнулась, поняв, что так товар не продают, и резко повернула разговор в другую сторону: – Молодец у нас дочка, что и говорить. Не каждый мужик так может. Одна в большом городе. В университет поступила, выучилась и работу хорошую нашла. Платят много. А Сережа-то, я забыла, кем на фабрике?

– Он у нас трудяга. – Василиса Афанасьевна тоже решила не ударить лицом в грязь. – Главный инженер. Гордость предприятия. На почетной доске висит. Недавно вот итальянцы на фабрику приезжали. Делегация. Так его выбрали, чтобы их встретить, все показать. Ценит его руководство. Ценит… Да вы пирожками-то угощайтесь. Вот варенье еще крыжовенное. Очень вкусное. Сережа, поухаживай за Викой.

– Ну, так что там, в Москве, интересного? Рассказывайте. – Сережа подвинул поближе к Вике пирожки.

Ее от пирогов уже тошнило, как, впрочем, и от этого Сережи. Что она ему расскажет? Как ходит в театры, музеи и концертные залы? Все провинциалы думают, что москвичи только этим и занимаются. Живут невероятно яркой и насыщенной культурной жизнью. А иначе зачем было в Москву и ехать? Им, бедным, невдомек, что до любого центрального театра ей из Бутино, как справедливо заметила Мария Ивановна, как отсюда до Осташкова, пилить и пилить. А вечером с работы идти вообще бесполезно, потому что, во-первых, надо отпрашиваться у руководства, чтобы успеть к началу спектакля, и, во-вторых, сил что-то смотреть уже нет. Она еще раньше так пробовала ходить, а теперь даже и не пытается. Последний раз, года два назад, на “Щелкунчике” в КДС чуть не уснула, хотя балет был замечательный, да и билеты Королькова достала хорошие. Сейчас максимум, на что ее хватает, это пойти в кино с Павликом, а потом в кафе или, если повезет, в ресторан.

– В Москве много интересного происходит. Вас что конкретно интересует, кроме рынка бумажно-картонной продукции?

– Ха-ха-ха, смешно. Меня интересует, например, музыка. Вот вы что слушаете?

– Я слушаю русский рок.

– О, да вы девушка серьезная. Тогда вы в консерваторию вряд ли ходите. Я вот, например, классику очень уважаю. С удовольствием бы сходил на Спивакова, да он к нам не приезжает.

“Милый, ты хоть знаешь, сколько билеты на Спивакова стоят? Не одну твою зарплату пришлось бы отдать”, – желчно подумала Вика, а вслух сказала:

– А вы работайте лучше. Глядишь, Спиваков узнает, какие здесь передовики производства проживают, и захочет выступить в местном ДК с бесплатным концертом.

– Зачем же с бесплатным? Мы, конечно, не такие крутые, как у вас в Москве, но уж билеты на концерт купить в состоянии. – В голосе Сережи прозвучала обида.

– Да, сейчас на фабрике хорошо платить стали, – вставила Василиса Афанасьевна. – У них и премии, и тринадцатая. Все в срок, без задержки.

– Правда? – улыбнулась Вика. – Ну, я за вас рада. Приеду в Москву, скажу Спивакову, чтобы обязательно к вам заезжал. А какие еще у вас тут развлечения?

– Да скучно тут молодежи, что и говорить, – пожаловалась Василиса Афанасьевна. – Мужики в основном после работы водку

пить идут. А Сережа мой – домой, все книжки читает или музыку слушает. Я ему говорю: ты бы хоть на танцы сходил в ДК. А он не хочет.

– Что же вы, Сережа, на танцы-то не ходите? – язвительно спросила Вика. – Такой видный кавалер, в таком красивом свитере. Да на вас кувшиновские девчонки гроздьями вешаться должны.

– Да на него и вешаются, – продолжала Василиса Афанасьевна. – Вон и с фабрики есть одна, все время названивает, его то туда, то сюда приглашает. Так ему никто не нравится.

– А что так, Сережа? Женщин не любите? – участливо спросила Вика.

– Почему же, – ответил Сережа, – женщин я люблю. Особенно таких, которые модно одеваются. У нас вот тоже многие футболки с таким крокодильчиком носят, – он показал рукой на Викино поло, – по субботам в Кувшиново вещевой рынок работает, так там говорят, что это очень модная марка.

– А что же вы себе, Сережа, такую не купили?

– Я равнодушен к тряпкам. Я лучше деньги на что-нибудь полезное потрачу.

– И правильно. Не надо покупать, как вы говорите, “футболки с крокодильчиком” на рынке и поддерживать турецко-китайских производителей подделок. Настоящий мужчина должен покупать настоящие вещи. Ведь так?

Мария Ивановна и Василиса Афанасьевна не совсем понимали, о чем идет речь, но обе чувствовали, что беседа заходит не в ту сторону. Надо было как-то спасать ситуацию.

– Вика, ты лучше расскажи, как ты с Максимом Галкиным в одной парикмахерской стриглась, – не нашла предложить ничего лучшего Мария Ивановна.

– Мама, ну что тут рассказывать? – поморщилась Вика. – К тому же Сереже это не интересно. Он, наверное, и не знает, кто такой Максим Галкин.

– Как не знает? – возмутилась Василиса Афанасьевна. – Максима Галкина все знают. И что, прямо вот так, вблизи, его видела?

– Да. Ему мыли голову в соседней раковине.

– И как он живьем?

– Такой же, как на экране.

– Да? А правда говорят, что у них роман с Пугачевой? – не унималась Василиса Афанасьевна.

– Не знаю, я не спросила.

За столом повисло молчание. Было слышно только, как Сережа со свистом прихлебывает из чашки чай. Вике уже

порядком надоело это чаепитие, и она думала о том, как бы повежливее откланяться и желательно не вызвать при этом недовольство мамы. Тишину прервал телефонный звонок. Василиса Афанасьевна пошаркала в прихожую к телефонному аппарату. На кухне было отчетливо слышно каждое слово:

– Алло? А кто его спрашивает? А, это ты, Верочка! Сейчас позову. Сережа, – Василиса Афанасьевна вернулась на кухню, – тебя опять Вера с фабрики спрашивает.

Сережа с победным видом вышел в коридор. Воспользовавшись ситуацией, Вика сказала:

– Спасибо большое за чай и пирожки, Василиса Афанасьевна, но нам пора идти. Мне же завтра уезжать. Еще собраться надо. Да, мам? Пойдем?

– Ну, пойдем, пойдем, – согласилась Мария Ивановна. – Нам еще на дачу зайти надо, варенье и огурчиков из подвала достать, чтобы Викуша с собой взяла. Вот ведь приезжает всегда по весне: старые запасы уже съедены, а нового урожая еще нет. И с собой не знаешь, что дать.

Это было еще одно традиционное испытание. Домой Вика всегда возвращалась с двумя сумками, куда заботливой маминой рукой были наложены съестные припасы, которых хватило бы семье из трех человек на пару недель. Спорить и отказываться было бесполезно, и Вика с вокзала брала такси до дома, а там выгружала съестное и относила тетушке Поли часть холодцов, пирожков, закатанных маринованных помидоров и варенья.

“Пока, Кувшиново, – сказал ангел Вика, когда колеса поезда застучали. – Мне здесь понравилось. Хорошо так было, спокойно. И в сводках происшествий этот городок появляется, наверное, раз в сто лет. Эх, хорошо региональным ангелам живется, не то что нам, столичным…”

Июнь

Первого июня, в День защиты детей, ангел Вика принял решение. Откладывать дальше не было никакой возможности, сроки поджимали, и производственник мог нагрянуть в любой момент, как налоговая инспекция, которая с утра пришла на проверку в “Оптиму”. Тоже небось его рук дело.

В связи с визитом налоговиков сотрудники сидели по комнатам тихо и старались не высовываться, только бухгалтерия гудела как улей, подбивая необходимую отчетность. Дедушка, естественно, тоже был занят гостями, и Вика, понимая, что сегодня с нее ничего спрашивать не будут, расслабленно смотрела в монитор и мечтала о загадочном АХ. Она думала о том, что он так и не появился, а ведь скоро предстоит бронировать билеты во Францию и уже давно пора отправиться на поиски наряда на свадебное торжество. Неужели она не получит от него больше никакой весточки? Неужели она опять поедет одна?

Ангел Вика, рассеянно читая Викины мысли, думал о том, как осуществить свой план. Как сделать Вику беременной? План, конечно, был неплох и выглядел выигрышно как минимум по трем позициям. Во-первых, беременность снимала претензии производственника, а с ними и опасность получения серьезных травм. Во-вторых, беременность продлевала срок эксперимента, потому что в Небесной канцелярии не посмеют пожертвовать уже зародившейся жизнью в угоду только правилам эксперимента. И в-третьих, был шанс, что в своем новом состоянии Вика поменяет отношение к действительности. Единственным слабым звеном оставался соучастник этого события. Проблемы зачатия как такового ангел Вика брал на себя, но мужчина, пусть и призванный выступить в данном деле просто как донор, все равно был нужен. Без него никак. Вика же не Дева Мария, прости, Господи. За совсем уж непорочное зачатие его самого в производственники переведут. Кто? Выбор был невелик. Точнее сказать, его вообще не было. Павлик Чебурашкин был единственным реальным лицом мужеского полу в Викином окружении. Ангел Вика запросил информацию о жизненном плане Павлика и остался вполне ею удовлетворен. Нормальный жизненный план хорошего человека. Без больших финансовых успехов, но тут уж извините.

Вика тем временем набирала на поисковом портале Интернета заветные инициалы “АХ”. Выходила в основном какая-то ерунда типа: “Ах, какие у нее были глаза!” или “Ах, варьете,

варьете. Шум в голове…”.

– Вот ведь сам себе создал проблему, – проворчал ангел, наблюдая за Викиными упражнениями. Придется самому ее и решать. Разве же она польстится на Павлика, пока надеется на встречу с несуществующим супергероем? Нет, конечно. А что, если сделать ход конем? Романтический герой бросает героиню, и та утешается в объятиях старого верного друга. Да, такой поворот событий можно было бы срежиссировать. И надо все это делать побыстрее. Для начала попросим аудиенции ангела Павла. Он должен быть на нашей стороне и содействовать происходящему, а не вставлять палки в колеса.

На следующий день, выходя утром из дома, Вика обнаружила приколотую к обивке двери желтую розу. К розе, в свою очередь, была приклеена скотчем записка. Вика дрожащими руками развернула ее и прочла следующее: “Дорогая Вика. Мне очень жаль, но мы не сможем никогда с тобой увидеться. Пожалуйста, не грусти. Твой АХ”.

Ангел Вика хотел сначала написать что-то вроде “обстоятельства вынуждают меня уехать отсюда навсегда”, но решил, что это будет уже совсем неправдой, и составил максимально корректный текст. Да, они с ней никогда не увидятся, потому что люди не видят своих ангелов-хранителей, и, если даже ангел-хранитель примет человеческий образ, чтобы предстать перед своим хранимым (как тогда с Федей), это все равно будет лишь образ. “Пожалуйста, не грусти” ангел Вика добавил для внесения хоть какой-то позитивной нотки. Может, она послушает АХ и не будет грустить?!

Вика и не грустила. Она рыдала. Ей пришлось вернуться домой, потому что слезы сами собой лились из ее глаз и никак не хотели остановиться. Ей было ужасно обидно, что все закончилось, так и не успев начаться. Как он мог так с ней поступить? И почему? Она поставила в вазу эту отвратительную розу цвета разлуки и позвонила на работу, сказав, что не придет, потому что очень плохо себя чувствует. Почему они никогда не смогут увидеться? Он что, уезжает далеко и надолго? Может быть, он вынужден скрываться от кредиторов или бандитов, или, наоборот, от правосудия? Но куда можно уехать так, чтобы без возврата и возможности встречи? Только в тюрьму, на пожизненное заключение. Или причина гораздо проще. Он женат, хотел завести роман с понравившейся девушкой, а потом передумал. Или жена каким-то образом почувствовала и поставила ему ультиматум. Нет, все это похоже на бред. Просто он увидел Вику, она ему понравилась, вот он и послал ей букет забавы ради. Но зачем тогда писать прощальную записку, мог бы

исчезнуть и так, она же не знает, кто он.

Весь день Вика провела в слезах, погруженная в мрачные мысли. Вечером она решительно достала из вазы желтую розу, сломала ее пополам и выбросила две половинки в мусорное ведро. После чего опять зарыдала.

Когда позвонил Павлик, голос у Вики был осипшим и хриплым, как при насморке.

– Вика, ты заболела? – участливо спросил Павлик в ответ на хриплое “алле”.

– Нет. Ну насморк немного. Ерунда. Привет.

– Привет. Как дела? Давно не виделись.

– Да. Давно. Дела нормально. А твои?

– Хорошо, спасибо. Вот хочу тебя пригласить.

– Куда?

– У нас корпоративный праздник в агентстве. За город едем на два дня. Хочешь присоединиться? Будет весело.

“Почему бы и нет? – подумала Вика. – Ничего лучше мне все равно не светит”. К глазам опять подступили слезы.

– Да. А когда ехать?

– Ты правда хочешь поехать? – Павлик явно обрадовался. – Мы в следующую пятницу в четыре от агентства уезжаем. Автобус заказан. Вернемся в субботу вечером. Если ты в четыре не сможешь, то я тебя подожду, поедем на такси или с кем-нибудь из наших на машине.

– А далеко ехать?

– Часа два. Это в Тверской области. Колкуново.

– Нормально на автобусе. Мне Симулин как раз велел подготовить презентацию по вариантам проведения корпоративного праздника для “Оптимы”. Будем считать, что я собираю материал.

– Да? Здорово. Ты возьми с собой теплые вещи, все-таки ночи еще холодные.

– А мы что, в палатках ночевать будем?

– Почему в палатках? Там Дом отдыха. Просто наши любят посидеть у костра, песни попеть. Может быть, и ты захочешь присоединиться.

– А, ну хорошо.

– Я очень рад, что ты едешь. Давай созвонимся в пятницу.

– Давай. Спасибо за приглашение.

“Прекрасный отдых. Опять Тверская область. Колкуново. Второе Кувшиново, наверное. Песни у костра под жужжание комаров. Романтика тинейджеров. „Наши зубы остры, не погаснут костры. Эту ночь мы с тобой проведем“ – так мы, кажется, пели на

первом курсе на картошке. Ничего не изменилось с тех пор для вас, Виктория Викторовна. А Чебурашкин-то, смотрите, какой благородный. На такси готов везти в Тверскую область. Вот так и обнаруживаются истинные чувства. Цветов не шлет, а просто проявляет заботу. Возьми с собой теплые вещи, говорит. А то вдруг попу отморозишь у нашего костра". Ангел Вика, несмотря на тяжелое настроение своей подопечной, был доволен. Все пока шло по плану. Так, как они договорились с ангелом Павлом. И главное, эта плакса согласилась поехать. Значит, он все точно рассчитал. Теперь нужно, чтобы она не передумала до пятницы и не разболелась еще, чего доброго, от своих глупых переживаний.

Вика не передумала, и в пятницу в четыре часа она сидела в автобусе рядом с Павликом, держа на коленях рюкзачок с теплыми вещами и предметами первой необходимости. Сотрудники в "Аванте" (так называлось рекламное агентство, в котором работал Павел) были веселыми. Не то что в "Оптиме". Они начали валять дурака уже по дороге: устраивали какие-то немыслимые конкурсы, пели песни и проводили забавное анкетирование. Надо было заполнить листок с вопросами, кого ты считаешь "Самым умным", "Самым трудолюбивым", "Самым сексуальным" и т д. Всего десять номинаций. Вика никого, кроме Павлика, в агентстве не знала и поставила во всех графах "П.Чебурашкин". Получалось, что он – самый-самый. По дороге, кстати, выяснилось, что Павел единственный, кто взял с собой подругу. Выезд с друзьями, подругами и вторыми половинами не поощрялся, считалось, что корпоративный праздник – это только для своих и не нужно превращать его в семейный. Для Вики, по просьбе Павлика, было сделано исключение. Нельзя сказать, что Вика это не оценила.

В пятницу, конечно, на выезде из города движение было очень плотным, и вместо обещанных двух до Колкуново добирались почти четыре часа. К концу пути Вика, несмотря на непрекращающееся веселье других пассажиров автобуса, почувствовала, что начинает задремывать, и, когда автобус остановился, она обнаружила, что какое-то время спала, положив голову на плечо Павлика.

"Что-то я совсем расслабилась, так недолго и бдительность потерять. Еще немного, и Чебурашкин возомнит себя героем-любовником со всеми вытекающими отсюда проблемами. Он и так вон смотрится подозрительно хорошо сегодня. То ли оттого, что наконец удачно подстригся. Не бобриком. То ли от женского внимания. Надо же, а девицы местные на него посматривают, кто бы мог подумать?"

– Паша, ты, я вижу, сменил прическу?

– Да. Как ты просила.

– Я? Когда же это? Ах, ну да, был такой разговор.

– Вот видишь, я к твоим советам прислушиваюсь. Сходил в салон, подстригся.

– В какой?

– М-м-м, не помню названия. Но хороший такой. В центре.

Вика хотела было спросить, сколько стоит стрижка, чтобы оценить уровень салона, название которого Чебурашкин якобы непомнит, но решила, что это будет уже слишком.

– Ну, молодец. Хвалю. Тебе еще надо немного поработать над образом.

– Что ты имеешь в виду?

– Слегка изменить стиль твоей одежды. И обувь вот тоже…

– Это будет следующим этапом, – послушно сказал Павлик. – Все, что хочет мадемуазель Кравченко, будет исполнено.

– Ах, какой у меня галантный кавалер. Так где я буду жить?

С жильем вышла некоторая заминка. Всех размещали в комнатах по пять–семь человек. Мальчиков и девочек отдельно. Вика, конечно же, наморщила нос и заявила, что она не собирается проводить ночь в обществе незнакомых теток, большинство из которых, судя по их настрою, собирается напиться и храпеть до утра. На что Павлик загадочно улыбнулся и пообещал разрулить проблему. Мол, ты, Вика, не переживай, оставь здесь свои вещи, а место для ночлега у тебя будет отдельное. Со всеми удобствами по высшемуразряду. Вике пришлось поверить. Она и не подозревала, какие силы в Высших кругах были задействованы на то, чтобы в рукаху Павлика оказался ключ от VIP-домика. В этом домике должен был остановиться директор агентства, но три ангела договорились, что он приедет только на следующее утро. Нашелся вариант, который устроил всех: директор остался в Москве у любовницы, сказав жене, что едет на корпоративный праздник. Ключ он отдал Павлику, как наименее болтливому и наиболее скромному сотруднику, попросив изобразить в номере следы жизнедеятельности человека на случай, если вдруг в Колкуново нагрянет супруга. Ревнивая супруга была способна на такого рода проверки. Для этого случая заготовили план Б: мол, был, но пришлось срочно вернуться в Москву по делам. Разминулись в пути. Дорогая, прости.

Оставив вещи, Вика вышла из домика и обнаружила, что на территории Дома отдыха висят рекламные щиты и растяжки. Творческие люди и к отдыху подходят творчески. Она стала читать, что на них написано. Содержание оказалось довольно

забавным.

Прямо над парковкой висела растяжка с надписью: “BMW, Audi, Volkswagen – автомобили, которые не успеют вам надоесть. Ассоциация угонщиков России”.

Неподалеку от нее стоял рекламный щит, разделенный горизонтальной чертой на две части. Сверху большими черными буквами было написано: “Потеешь?” Внизу был изображен улыбающийся доктор, произносящий фразу: “Это нормально! Потей дальше! Участковый врач поликлиники № 4 Петров А. М.”.

Ближе к домикам красовалась растяжка: “Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял. Строительная компания „Тупик“. Новостройки неближнего Подмосковья”.

Дальше был сделан проход из небольших рекламных щитов, расположенных в шахматном порядке и изображающих кадры рекламного ролика.

1 кадр: Для Лены главное, чтобы мужчина был смелым.

2 кадр: Вася прыгает с парашютом.

3 кадр: Федя ходит на медведя.

4 кадр: Ваня играет в русскую рулетку.

5 кадр: Но Лена выбрала Диму.

6 кадр: Дима летом пьет квас из бочки.

7 кадр: Пилюли от поноса – секрет твоей храбрости!

Выйдя из рекламного лабиринта, Вика обнаружила перед собой следующую растяжку: “Что подарить человеку, у которого все есть? Книга – лучший подарок! „100 способов перехитрить судьбу. Как и в следующей жизни быть богатым“. Покупайте в книжных магазинах Москвы”.

Так, читая образцы полета рекламной мысли, Вика дошла до входа в лес, где висела еще одна растяжка:“Мы открылись. В наступившем сезоне вас ждут новые острые ощущения. Комары Подмосковья”.

Опустив голову, Вика увидела накрытый деревянный стол с горячительными напитками и маленькими аккуратными канапе. “Просто как в сказке: скатерть-самобранка”. Вика подумала и взяла рюмку водки. Покрутила ее в руках и одним махом опрокинула себе в рот.

– Лихо, – восхитился ангел Вика. – Почти как Федя. Однако увлекаться нам сегодня спиртным не стоит, уж слишком ответственное дело предстоит нам осуществить. Надо, чтобы ты, дорогуша, чувствовала себя, скажем так, не пьяной, но довольно расслабленной при минимуме выпитого. Я об этом позабочусь.

Дальше было шумное застолье с конкурсами, стихами и

песнями. Павлик довольно остроумно шутил и вообще был в этот вечер в ударе. Когда подвели итоги анкетирования на “Самый-самый”, выяснилось, что он победил в номинации “Самый умный”. Для Вики это стало полной неожиданностью, она, конечно, тут же вспомнила популярную поговорку постперестроечного периода: “Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?”, но в душе ей было приятно. Она чувствовала себя практически счастливой. Во всем теле появилась легкость, а ноги были абсолютно ватными. Так случается, когда много выпьешь молодого красного вина, но Вика за весь вечер выпила всего один бокал, она с каждым тостом отпивала по маленькому глоточку, потому что и так чувствовала себя ужасно пьяной. Наверное, это рюмка водки в качестве аперитива так подкосила ее непривычный к алкоголю организм. Она практически не вспоминала о подлом поступке АХ, хотя все последние дни думала только об этом. Вика танцевала с коллегами Чебурашкина и пела под караоке, чего никогда себе раньше не позволяла, будучи уверенной в том, что у нее нет слуха. Она даже отправилась вместе со всеми к костру, где подпевала и “Милая моя, солнышко лесное”, и “Губы окаянные, мысли потаенные”, и “Атланты держат небо на каменных руках”, не говоря уже о “Наши зубы остры, не погаснут костры”. Потом Вика устала. Было уже совсем поздно, и Вика шепнула Павлику:

– Я хочу спать. Ты обещал устроить мне отдельный номер.

– Пошли, – сказал Павлик.

Они забрали Викины вещи из комнаты для девочек и направились в VIP-домик. Павлик показывал Вике, где что находится, Вика осмысленно кивала в ответ. Потом Павлик робко спросил, не разрешит ли ему Вика принять душ у нее в номере, потому что сам он будет ночевать с шестью коллегами и там принять душ будет весьма затруднительно. Вика разрешила.

Когда Чебурашкин вышел из душа, она сидела на кровати и напевала: “Наши зубы остры, не погаснут костры. Эту ночь мы с тобой проведем”. Без всякой задней мысли. Павлик подошел к Вике, опустился перед ней на колени, обхватил ее ноги и трогательно положил голову на ее колени. Вике захотелось погладить его по голове. Инстинктивно. Но она сдержала порыв и максимально строгим голосом спросила:

– Павел, что ты делаешь?

– Я тебя люблю, Вика.

Вика в ответ хотела опять же строгим голосом сказать что-нибудь на тему того, что не надо портить хорошую дружбу плохой любовью, но слова застряли у нее в горле. Ей так давно никто не говорил этих слов. Она так давно не подпускала к себе

близко мужчин, потому что надеялась встретить самого лучшего, а он все не встречался. Она жила ожиданием сказки, а реальная жизнь проходила мимо. И сейчас, после стольких лет одиночества, после недавнего разочарования с АХ, у нее не было сил оттолкнуть от себя человека, от которого исходило столько тепла, столько нежности и столько любви.

“Ну и что, что он бедный и с большими ушами, я же не замуж за него выходить собираюсь”, – успела подумать Вика, перед тем как окончательно сдать свои позиции.

Ангел Вика и ангел Павел тактично отвернулись.

Утром Вика проснулась одна. Она прекрасно помнила события этой ночи и чувствовала себя немного неловко.

“Хорошо, что он ушел, – думала Вика. – Сделаем вид, что ничего не случилось. И на старуху бывает проруха, и на девку бабий грех. Интересно, у меня это уже проруха или еще бабий грех?”

Вика вышла из домика. На улице в столь ранний час никого не было, все отсыпались после вчерашнего. Только на беговой дорожке стадиона маячила одинокая фигура бегуна. Вика подошла поближе. В бегуне она распознала Чебурашкина. Прятаться было поздно, и, придав голосу веселую непринужденность, она крикнула:

– Куда бежит Чебурашка? – Почему-то раньше ей не приходило в голову называть его Чебурашкой, хотя и фамилия, и уши – все напрашивалось на такое “домашнее прозвище”.

– Чебурашка бежит в гости к Гене. А куда направилась старуха Шапокляк?

– Сам ты Шапокляк! – обиделась Вика.

– Извини, не подумал. Так куда направилась Царевна-лебедь?

– Это уже лучше. Царевна-лебедь вышла подышать свежим воздухом.

– Как спалось?

– Прекрасно. А что это ты вздумал бегать?

– Я каждое утро бегаю.

– Правда? И давно?

– Уже года два.

Вика об этом не знала. Она подумала, что ничего, в сущности, не знает о Павлике Чебурашкине. Только то, что он из Омска, работает в “Аванте”, смешно одевается и любит ее, Вику Кравченко. Наверное, этого достаточно, чтобы провести с ним ночь, но надо ли ей знать больше, чтобы… Чтобы что?

Павлик закончил пробежку, и они пошли по направлению к домикам.

– Знаешь, Паша, – начала Вика, – я хочу попросить тебя об одной вещи.

– Можешь не продолжать. Я знаю о чем.

– Да? И о чем же?

– Ты хочешь попросить меня забыть о том, что было этой ночью. Ты хочешь сказать, что мы должны остаться друзьями и я не должен рассчитывать на что-то большее. Яугадал?

– Не совсем. Я хочу попросить тебя дать мне время.

– О, я всегда знал, что ты очень тактичная девушка. Не волнуйся, я не буду досаждать тебе своим вниманием и навязываться в кавалеры. Просто я хочу, чтобы ты знала: все, что я вчера говорил, правда. Я действительно тебя люблю, Вика. Просто знай это, и все.

– Спасибо.

– Не за что. Можно мне тоже попросить тебя кое о чем?

– Давай.

– Можно еще раз принять у тебя душ? А то после пробежки, знаешь ли… Просто душ. Обещаю.

– Хорошо, – засмеялась Вика, – пошли.

Ангел Вика меж тем думал, все ли он успел сделать, как надо. Вроде все. Единственное, что он забыл впопыхах, – посмотреть, какого пола получился ребенок. Но это сделать никогда не поздно. Теперь главное – уберечь малыша от разного рода грозящих ему опасностей. Алкоголем его мама не злоупотребляет, а таблеток вот наглотаться может. У нее всегда что-нибудь болит. За этим нужно следить. И еще за тем, чтобы Вика не принимала слишком горячих ванн и не нервничала много. Теперь у ангела Вики появилась двойная ответственность. Только этот малыш может спасти их всех. Вчера ночью, кстати, появился производственник. Узнав о выборе ангела Вики, сказал: “Смело”, но больше никаких вопросов не задавал и быстро испарился, пояснив: “Дела, дела…”

Что за дела были у производственника, ангел Вика узнал, появившись в понедельник в “Оптиме”. Петра Лукича Симулина отвезли в субботу в больницу в прединфарктном состоянии. На работе считали, что это налоговики довели Дедушку до ручки. Только ангел Вика знал, что тут все одно к одному.

В “Оптиме” чувствовалось витавшее в воздухе напряжение, как будто Дедушкина болезнь явилась последней каплей неприятностей, переполнившей чашу. Сотрудникам не работалось, они курсировали из курилки на улицу, с улицы в столовую, потом опять в курилку. Вика понимала, что ей, как HR-директору, надо бы принять какие-то меры, все-таки она

ответственна за настроения в коллективе. Однако она сама не чувствовала в себе сил и желания настроиться на рабочий лад. Мысли ее витали далеко от рабочего процесса. Она вспоминала Колкуново, Чебурашкина и улыбалась.

– Девчонки, а вам нравится Чебурашка? – неожиданно спросила она у Фроловой и Капустиной.

– В каком смысле? – подняла брови Фролова.

– Ой, мой ребенок эти мультфильмы просто обожает, – быстро нашлась Капустина.

– Все-таки есть в нем что-то такое трогательное, правда? – полувопросительно-полуутвердительно сказала Вика.

“У нашей В. К., по-моему, тоже поехала крыша”, – получила через минуту письмо по электронной почте Капустина. Оно было от Фроловой.

“А еще у кого?” – спросила Капустина.

“Да у всех!” – написала Фролова.

И они, уткнув нос в бумаги, захихикали.

Не замечавшая ничего вокруг Вика нашла в Интернете фото Чебурашки и сделала его фоновой заставкой на мониторе, заменив свою любимую заставку с видом ночного Парижа. “Да, Виктория Викторовна, вы деградируете или, в лучшем случае, впали в детство. Поздравляю!” – произнесла она мысленно, но заставку с Чебурашкой оставила.

– То ли еще будет, – пообещал ангел Вика, довольный происходящими с его подопечной переменами.

Июньские денечки летели очень быстро. Вика пока ничего не подозревала о своем новом состоянии, и ангелу Вике приходилось быть бдительным вдвойне. Он, как мог, старался облегчить ей жизнь и уберечь от разного рода неприятностей. Несколько раз приходилось прятать таблетки от головной боли и ограничивать потребление крепкого кофе. Ангел Вика не был полностью уверен, что все это нанесет вред малышу, но береженого, как известно, Бог бережет. Справляться с такой двойной нагрузкой ангелу Вике было нелегко, но, с другой стороны, он даже был рад, что Вика пока ни о чем не догадывается. Как она отреагирует на то, что скоро станет мамой? И захочет ли она ею стать? Ангел Вика боялся встретиться с крайним проявлением негативизма со стороны своей подопечной, но понимал, что скорее всего это и будет первой реакцией, а потому готовился бороться за малыша до последнего. Вика тем временем ходила по магазинам в поисках подходящего наряда на свадьбу Корольковой и Пузика. После того как Дедушку положили в больницу, в “Оптиме” царил хаос и

мрачные настроения среди сотрудников все усиливались. Вика, понимая, что поступает нехорошо, несколько раз пользовалась ситуацией и уходила с работы под предлогом разных несуществующих встреч в магазины. Она успокаивала себя тем, что раньше часто засиживалась на работе допоздна, а теперь вот получает некую компенсацию. Да и справедливости ради стоит сказать, что ее присутствие вряд ли бы что-нибудь поменяло. Поэтому она шла и мерила платья. Платья, которые ей нравились, почему-то всегда были не просто дорогими, а очень дорогими, и Вика все не решалась на покупку. В конце концов она решила, что в этом месяце потратит деньги на бронирование билетов и гостиницы, а в следующем купит наряд. Это было разумно, потому что в начале июля в магазинах дорогой одежды начинались скидки.

Надо было что-то решать и с правами. Вся ее группа уже давно сдала экзамены, а Вика сначала из-за болезни, потом из-за нехватки времени даже не успела доходить на все занятия и получить свидетельство об окончании автошколы. Она совсем не горела желанием встречаться опять со своим инструктором по вождению и тратить нервы на уроки-мучения. Ангел Вика тоже не хотел, чтобы она нервничала, и подсказал, как разрешить ситуацию. Людям свойственно говорить в таких случаях: “И тогда меня осенило!” Что поделаешь, род человеческий имеет склонность приписывать все успехи себе.

Вика пришла к директору автошколы и, немного смущаясь, заявила, что хочет купить права и свидетельство об окончании курсов. Директор, нисколько не смущаясь, тут же назвал сумму за права, сказав, что свидетельство они дадут ей и так.

“Видимо, получает свой процент с гаишников за то, что поставляет клиентов”, – догадалась Вика.

Деньги были переданы директору, и в назначенный день Вика явилась в ГИБДД. Экзаменуемых было много, и их пускали в кабинет группами. Не надо было обладать способностями ясновидца, чтобы понять, кто из них покупает права, а кто надеется на счастливый случай. Первые выглядели намного спокойнее, в дискуссии типа “А на чем еще могут завалить?” не вступали и уж точно не листали лихорадочно “Правила” в надежде хотя бы в последнюю минуту запомнить, какая минимально допустимая глубина протектора может быть у автобуса и на какие категории автомобилей не распространяется знак “Стоянка запрещена”.

Вика зашла в кабинет со своей группой, ответила на вопросы теста, стараясь все же отвечать правильно, и сдала свой листочек комиссии. Принимающий посмотрел на ее фамилию, заглянул в

какую-то бумажку и, не глядя в тест, сказал: “Сдала”, после чего зевнул и устало произнес: “Следующий”. Поразительно, но, несмотря на раннее утро, все принимающие экзамен работники ГИБДД выглядели очень усталыми. Создавалось впечатление, что они устали вообще от жизни, которая в основном состояла из приема экзаменов у несознательной части населения, пытающейся проскочить на халяву.

Далее успешно прошедших теоретический тест распределяли на группы для сдачи практического вождения. Народу все равно еще оставалось много, и поэтому всех делили на две группы. Одни сдавали экзамен на площадке, другие на улице. Вика попала в первую группу на улице. Только потом она поняла хитроумную систему распределения на “блатных” и “лохов”. Блатных не ставили на площадку, потому что там все огрехи вождения были явными и становились сразу же заметны другим ожидающим своей очереди экзаменуемым. Маршрут же движения по улице был проложен таким образом, что первая группа проезжала от здания ГИБДД под мостом до тихой улочки, где проходили экзамены. Остальная часть сдающих шла до этой улочки пешком напрямик. Таким образом, никто не видел, как сдавали экзамен участники первой группы, а они-то как раз и были “блатными”.

Первый молодой человек из Викиной группы, три раза заглохнув, все-таки доехал до светофора.

– Выходи, – сказал гаишник, – сдал.

Затем за руль сел сам экзаменатор и проехал наиболее опасный участок: светофор и под мостом, что было, впрочем, вполне оправдано с точки зрения здравого смысла. Потом посадили другую девушку, которая все никак не могла тронуться с места, потому что забывала снять с ручника. Когда ей наконец это удалось, ее отпустили с теми же словами:

– Выходи, сдала.

Дальше гаишник вздохнул, зевнул и устало посмотрел на оставшихся. Оставались Вика и еще одна девица со множеством дорогихколец на пальцах. Одно из них было точно от Tiffany, Вика его узнала по рекламе в глянце.

– Выходите, сдали, – сказал гаишник и, подумав, добавил: – Автомобилистки…

“Вот это да, – размышляла Вика, возвращаясь в здание, где принимали экзамены, чтобы сфотографироваться и получить права. – А еще говорят, что деньги не главное в жизни. Вот что бы я без денег делала? Крутилась бы, как мартышка, на этой площадке, пытаясь въехать задом в импровизированный гараж и сбивая поставленные планки. Или плакала бы, как эта несчастная,

которой уже третий раз не ставят экзамен. – При этих мыслях о деньгах и их отсутствии ей вспомнился Чебурашкин. – А ведь не позвонил мне ни разу с тех пор. Хотя я сама его просила дать мне время. Ждет, наверное, весточки от меня. Мучается. Пусть ждет”.

В конце июня в палату к Симулину начали пускать посетителей, и Вика отправилась его навестить. Хотя работа в “Оптиме” часто вызывала у нее раздражение, к Дедушке она относилась хорошо. Ее поражал тот факт, что в свои преклонные годы, он, вместо того чтобы жить тихой пенсионной жизнью, работает. И не просто работает, а занимает руководящую должность в большой компании. Она не представляла, как можно дожить до таких лет и не утратить желания ходить на работу. Может быть, это и есть то, что называют “человеком старой закалки”? Продукт советского времени, когда сотрудники не рассылали друг другу по электронной почте афоризмов типа “Человек рожден для счастья, а приходится работать”. Электронной почты тогда, конечно, еще не было, но ведь дело же не в этом. С такими мыслями Вика зашла в палату к Петру Лукичу. Палата была, естественно, одноместной и суперкомфортабельной. Симулин восседал, опершись на спинку кровати, как на троне.

– Здравствуй, Виктория, проходи, присаживайся. – Дедушка встретил Вику так, как будто она зашла к нему в рабочий кабинет, а не в больничную палату.

– Как вы себя чувствуете, Петр Лукич?

– Как я себя чувствую, как я себя чувствую, йопт. Все одно и то же спрашивают. Как будто не видно, что я себя чувствую хорошо…

– Видно, – улыбнулась Вика.

– Ну вот, а что ты тогда, туды-сюды… Как там на работе?

– Нормально. Все как всегда.

– Ты замену Томецкому нашла?

– Нашла. Сейчас на испытательном сроке.

– Это хорошо. А Митенков когда появится?

– Не знаю, Петр Лукич. Ему пока врачи не разрешают заниматься умственной деятельностью.

– Да уж врачи, конечно, не разрешают, туды-сюды… У них работа такая. Позвони ему, узнай, какие у него планы. Этот новенький в продажах, как там его, справляется?

– Вроде да.

– Вроде – это не разговор. Ты побеседуй с ним. Мы ему на собрании задание давали, вот пусть тебе расскажет, как он его выполнил.

– Хорошо.

– Презентацию по корпоративному празднику готовишь?

– Да, – соврала Вика.

– Ты у меня тогда отпрашивалась в какое-то рекламное агентство на корпоративный выезд. Как прошло?

– Хорошо прошло.

– Так ты расскажи, туды-сюды.

– Я вам в презентации идеи изложу.

– Ну ладно. – Дедушка, несмотря на столь интенсивный допрос, выглядел все же нездоровым. И Вика решила закругляться.

– Петр Лукич, ну я не буду вас больше утомлять. Вот тут в пакете фрукты и конфеты от нашего отдела. Поправляйтесь скорее.

– Спасибо. Ты там всем передай, что я скоро выйду. Пусть не расслабляются, йопт.

– Хорошо.

– И еще…

– Да?

– Ты вчера все утро где была?

“Кто-то настучал, – подумала Вика, – вот ведь, от родного коллектива не скроешься”.

– В ГАИ на права сдавала.

– Сдала?

– Да.

– Ну, поздравляю! Ладно, иди. Спасибо, что навестила.

– Не за что. Выздоравливайте.

Июль

Свадьба Корольковой и Пузика была намечена на пятнадцатое. Вика предполагала прилететь в Париж двенадцатого, два дня погулять по городу, день на свадьбу, а шестнадцатого вернуться домой. Она никогда еще не была во Франции и с нетерпением ждалаэтой поездки. Все было готово: билеты, бронь на гостиницу, документы на визу. В начале июля Вика купила платье и туфли (лучше не вспоминать, за какие деньги, но ведь такой случай выпадает раз в жизни: приглашение на свадьбу в Париже). Единственное, что беспокоило Вику, – ситуация в “Оптиме”. Дедушка еще не вышел на работу – запрещали врачи. Складывалось впечатление, что в его отсутствие корабль под названием “Оптима” окончательно потерял курс и приготовился утонуть. Продажи продолжали падать, инвестиции задерживались, а с ними и зарплата персоналу. Коллектив роптал, и многие стали поговаривать об уходе. Вике ежедневно поступал десяток заявлений. Часть сотрудников, привыкших жить от зарплаты до зарплаты, просили выплатить аванс или оказать материальную помощь, некоторые подавали заявления об увольнении. Вика не могла сдержать этот поток, но и позволить сотрудникам разбежаться она не имела права. Приходилось уговаривать, успокаивать и просить подумать. Все это психологически сильно выматывало, и Вика чувствовала себя как никогда усталой. У нее не было сил даже на традиционные жалобы, она ложилась спать в десять вечера и еле-еле вставала в семь по звонку будильника. От такого напряжения у нее даже начались проблемы с циклом, произошел сбой, и критические дни не пришли в положенный срок. Вика знала, что так бывает от сильного переутомления, и надеялась, что сможет прийти в себя во время “французских каникул”.

Однажды вечером позвонил Павлик:

– Привет, Царевна-лебедь. Как дела?

– Привет. Нормально, спасибо.

– Что-то ты грустно звучишь.

– Да на работе проблемы.

– Что случилось?

– Долго рассказывать. Не со мной лично. В целом нервная обстановка.

– Понятно. Может, сходим куда-нибудь в выходные? Я тебя буду развлекать.

– Да уж, развлекать ты умеешь… Не получится. Я уезжаю в четверг.

– Куда?

– В Париж.

– Да? И… надолго? – по голосу было понятно, что Павлик огорчился.

Вике это польстило.

– Нет, Чебурашка, ненадолго. В воскресенье вернусь. У моей подруги свадьба там будет, я туда и еду.

– А-а! Ну что же, желаю хорошо провести время.

– Спасибо. Давай созвонимся, когда приеду.

– Давай. Только на следующей неделе я тоже уеду.

– В Омск?

– Почему в Омск? На тренинг. В Мадрид. От работы посылают.

– В Мадрид? Поздравляю! А я и забыла, что ты у нас самый умный. Конечно, кого еще туда отправлять?

– Да нет, просто я знаю испанский, и это было обязательным условием для участников программы.

– Ты говоришь по-испански? Я не знала…

– Ты вообще обо мне ничего еще не знаешь, Вика.

– Звучит многообещающе. Ну что же, желаю тебе хорошей поездки.

– И тебе!

“Забавно с этим Чебурашкой получается, как в мультфильме про Простоквашино: „А я еще и вышивать могу, и на машинке тоже…“. Может, надо было поехать в Париж с Чебурашкой? Может, он еще и французский знает? – размышляла Вика. – Нет, пожалуй, лучше без него. В Париж со своими Чебурашками не ездят”.

Сборы и приготовления к долгожданной поездке отняли много сил не только у Вики, но и у ее ангела-хранителя. Он вообще был не в восторге от этой идеи: путешествовать в первом триместре беременности, но разве ее остановишь! Любые путешествия и так дают дополнительную работу ангелам-хранителям. Получить “визу” в другую страну, то есть уведомить в данном случае католических ангелов о вашем пребывании и получить сводку происшествий на ближайшие дни. Проверить безопасность всех маршрутов, внимательно осмотреть местность по прибытии и на каждом шагу быть бдительным, потому что ты не у себя дома. С Викой же проблемы начались уже при сборах. Во-первых, она чувствовала себя после работы смертельно усталой (конечно, это же абсолютно нормальное состояние для ее положения) и потому вознамерилась выпить пару банок энергетического напитка, чтобы взбодриться и собрать вещи.

Ангел Вика не мог этого допустить. Употребление таких напитков категорически не рекомендуется беременным женщинам. На баночках с ними даже есть соответствующее предупреждение. Однако Вика уже открыла баночку и вылила ее содержимое в стакан. Поразительно, но в ее пустом холодильнике нашлись целых три банки этого зловредного пойла. Пришлось Вику слегка толкнуть. Совсем чуть-чуть, чтобы она покачнулась и выронила стакан.

“Боже мой, меня уже на ровном месте качает. Дожили. Что-то я совсем слабая. Вдруг я заболела? Вдруг это что-нибудь серьезное? Если не пройдет, после Франции надо будет показаться врачу. Раньше со мной такого не было. Хорошо, что у меня есть еще две банки в холодильнике”.

Вика взяла тряпку и стала вытирать коричневую лужу на полу, как вдруг почувствовала, что ее затошнило. Запах напитка показался ужасно противным, так что об открытии новой банки теперь не могло быть и речи.

“Уф-ф, это явно что-то с сосудами. Такая тошнота бывает при мигренях и вегетососудистой дистонии. Возможно, сейчас дни неблагоприятной геомагнитной активности. Падает давление. Или, наоборот, растет. Потому и плохо. А я себе напридумывала всякого”.

– Странно, что мысли о беременности не приходят тебе в голову, – сказал ангел Вика. – Такие явные симптомы. Видимо, ты так давно не вступала в сексуальные отношения с мужчиной, что уже забыла, к каким последствиям они могут привести. Боже, как изменился мир с тех пор, как у меня последний раз была в хранимых женщина. Когда это было? С тысяча восемьсот двенадцатого по тысяча восемьсот девяносто восьмой год. Кажется, так. Хорошие были времена.

Следующим “яблоком раздора” послужил Викин багаж. Она старалась запихнуть туда максимум совершенно ненужных, по мнению ангела Вики, вещей. Он не понимал, зачем брать с собой два килограмма косметики и средств по уходу за кожей, если ты уезжаешь всего на четыре дня. Зачем тащить с собой утюг, если в отеле тебе могут оказать услугу по глажке одежды. И зачем брать с собой три пары обуви и пять смен одежды, помимо той, которая предназначалась непосредственно для торжества? Весь этот лишний вес был абсолютно ни к чему в Викином сегодняшнем положении. Он шептал ей в ушко, советуя выгрузить балласт, на что Вика отвечала так:

“Да, тяжеловато, конечно, получается. Может быть, выгрузить утюг? А вдруг в моем отеле нельзя будет отдать вещи на глажку?

Он же не пять звезд, а всего лишь трешка… На пять в Париже у меня финансов не хватает… Надо было хотя бы дорожный утюг купить, но некогда, да и денег жалко. Когда еще пригодится? Придется взять. Чемодан все-таки на колесиках".

– На колесиках, на колесиках… – ворчал ангел. – Посмотрю я на тебя, когда ты будешь его на ступеньки, тележки и транспортеры поднимать. Мне же придется тебе помогать, а у меня и других дел хватает.

"Зато я сэкономила на месте для подарка.Хорошо, что я не купила тот сервиз. Красивый, конечно. Villeroy & Boch. Это вам не ерунда какая-нибудь. Но как бы я его сейчас тащила? А если бы он разбился по дороге? Можно было, конечно, подарить его им здесь, но являться на свадьбу без подарка как-то нехорошо. Поэтому подарю-ка им лучше конверт с деньгами. В Европе, говорят, все так делают. А что, всем удобно и без хлопот".

"Надо будет еще следить за тем, чтобы у нее деньги нигде по дороге не вытащили. Она ведь их засунет в сумку, как обычно, а сумка будет болтаться на плече как попало. Бери – не хочу".

"Так, что еще надо взять? Фен я положила, а вот средства для укладки волос нет. Взять только пенку и лак или еще средство для фиксации, чтобы лучше прическа держалась? – Вика задумчиво крутила в руках увесистые флаконы. – Возьму все. Все-таки на свадьбе надо выглядеть прилично. Между прочим, в гости намечаются Пузиковы друзья. Глядишь, кто-нибудь приличный и свободный подвернется. Надо быть во всеоружии…"

– О, Боже мой! Нет, нет, нет! Хватит уже нам флаконов и баночек со всякой ерундой. Скоро мы с тобой вдвоем не сможем поднять этот чертов чемодан!

Наконец сборы закончились, и Вика отправилась спать.

Ангел Вика принялся изучать сводки происшествий на завтра. По самолетам ничего не планировалось. Завтра по пути следования ожидались две крупные аварии: на МКАДе и на Ленинградке. Но по МКАДу они должны были проехать до аварии, а на Ленинградке она случится уже за поворотом на Шереметьево. На всякий случай он сделал запрос на водителя такси, заказанного Викой на завтра. Нормальный парень со среднестатистическим жизненным планом, так что сюрпризов здесь быть не должно. Ангел Вика посмотрел обстановку в Париже в зоне аэропорта и по пути следования в гостиницу. Вроде все спокойно. Смотреть прогноз с тринадцатого по шестнадцатое по большому счету не имело смысла, так как прогнозы обновлялись ежедневно. Конечно, крупные катастрофы планировались заранее: надо же было собрать всех этих

несчастных с истекающим жизненным планом в одно время и в одном месте… Но ангел Вика знал, что крупные катастрофы никогда не поощрялись руководством. Это свидетельствовало о недоработках персонала, потому что проще всего вот так согнать всех в одну кучу, и – хоп – авария на шестьдесят машин или падение самолета. А ты вот сам поди разберись, как закончить жизненный план. Прояви, так сказать, фантазию и индивидуальный подход. К тому же в такие крупные катастрофы часто попадали те, кто не должен был туда попасть. Ангел не досмотрел, или поставил на автопилот, или узнал о планируемом слишком поздно и не успел сориентироваться. Не зря же люди говорят “у него сильный ангел-хранитель” про человека, который сумел выйти сухим из воды. Ангелы-хранители, как и люди, бывают разные.

Ну что же, обстановка спокойная, так что завтра можно будет сосредоточиться на поднятии чемодана и следить за тем, чтобы она не напилась какой-нибудь дряни по пути на посадку. Ах, и на свадьбе надо будет что-то решать с алкоголем. Он же совсем об этом забыл. Ей нельзя больше полбокала красного сухого вина. А свадьба-то русская, хоть и в Париже. Водки, наверное, понаставят море. Ангелу Вике опять вспомнился Федя. Живет себе, бедненький, на автопилоте уже полгода. Никто за ним не следит как следует. Хорошо хоть, по Парижам не летает.

В Шереметьево на следующий день добрались без приключений. Хотя, конечно, ангелу Вике пришлось пару раз пнуть водителя такси, чтобы тот не просто достал чемодан из багажника, но и донес его до входа в зал вылета. Вика, не ожидавшая такой галантности до прибытия во Францию, удивилась и оставила на чай больше обычного. Водитель, однако, и сам выглядел озадаченным: мол, чего это я? В качестве компенсации за излишнюю расторопность он не поблагодарил за чаевые и даже не сказал Вике “до свидания”. Молча развернулся и пошел к своей машине. Пока Вика изумленно смотрела ему вслед, ангел Вика организовал появление неподалеку от нее тележки для багажа. С этими тележками почему-то всегда проблема, их никогда не хватает на всех желающих. Он же помог Вике водрузить чемодан на тележку и только саркастически усмехнулся, прочтя ее мысли: “А чемодан-то совсем не тяжелый. Надо было взять еще пару туфель, махровый халат в гостиницу и дополнительный флакон духов, чтобы не пахнуть одинаково каждый день. Да ладно, куплю в Париже”.

“…И гладильную доску тоже надо было взять. Я чувствую, что из Франции мы попрем еще один чемодан. Одна надежда, что на

большое количество покупок у нее просто не хватит денег", – с надеждой подумал ангел Вика.

Дальше была регистрация, где наконец удалось избавиться от чемодана хотя бы на время до прилета в Париж. Рейс 3497 "Москва–Париж" вылетал без опозданий, и у Вики оставалось еще полтора часа до посадки. Развлечений в зоне вылета Шереметьево-2 было не так уж и много, и, побродив по магазинчикам Duty Free, Вика отправилась в кафе. Одну чашечку кофе ангел Вика еще стерпел, но, когда Вика направилась за второй, пришлось применять крайние меры.

– Извините, – сказал бармен, – кофе-машина сломалась. Может, чаю?

За соседним с Викой столиком сидела пара пожилых супругов и мирно поглощалабутерброды, запивая их чаем. Мельком взглянув на них, ангел Вика почувствовал смутное беспокойство. Он пригляделся к паре повнимательней. Ничего выдающегося. Обыкновенные пенсионеры, разве что выглядят более ухоженными и аккуратными, чем основная масса людей преклонного возраста в России. Наверное, при деньгах и летят навестить своего сына или дочь в какую-нибудь европейскую столицу.

Тем временем Вика искала другие пути нанести вред живущему в ней маленькому существу.

– У вас есть растворимый кофе? – с надеждой спрашивала она бармена.

– Извините, нет.

– А что-нибудь для поднятия тонуса?

– Возьмите колу.

– Колу я не пью.

– Тогда коньяк.

– Нет, спасибо. Давайте тогда чай, только, пожалуйста, покрепче.

Ангел Вика, с тревогой слушавший этот диалог, вздохнул с облегчением. Слава Богу, обошлись малой кровью.

Во второй раз чувство тревоги появилось у ангела Вики возле стенда с косметикой Duty Free. Вика нюхала какие-то пробники с парфюмерными ароматами, а стоявшая рядом девушка деловито перебирала тюбики с губной помадой. Она делала штрих понравившейся помадой на запястье, потом еще одной, потом еще и сравнивала оттенки.Что-то в ней насторожило ангела Вику, и он никак не мог понять что. Миловидная, даже, по людским меркам, красивая высокая брюнетка не делала ничего такого, что могло бы вызвать отторжение. В чем же дело? К девушке подошел ее спутник, обнял за плечи и поцеловал в щеку:

– Что-нибудь понравилось?

– Даже не знаю. Здесь тусклый свет, непонятно, как этот цвет будет смотреться при дневном освещении.

– Давай купим и проверим.

– Нет, пожалуй, не будем. В конце концов, мы же летим в Париж. Там такого добра навалом.

Мужчина улыбался брюнетке. Было видно, что он влюблен. Чувство тревоги у ангела Вики постепенно отступило.

Объявили посадку, и Вика пошла к выходу номер 7, указанному в посадочном талоне.

– Снимите ремень, обувь, металлические предметы. Положите ручную кладь на транспортер. – Сотрудник зоны досмотра озвучивал меры безопасности, ставшие стандартными в эпоху террористических актов.

Вика прошла контроль и очутилась вместе с другими пассажирами в накопителе – стеклянной комнате ожидания посадки на борт самолета.

Ангел Вика позаботился о том, чтобы для Вики нашлось свободное место и она смогла присесть. До отлета оставалось еще сорок минут. Ангел Вика задумчиво обводил глазами пассажиров рейса номер 3497 “Москва– Париж”. Мысли его были далеко, он думал о следующих этапах пути: аэропорт Шарль де Голль, получение злосчастного багажа, безопасное такси и программа на вечер.

“Надо же, а эти старички из кафе тоже летят в Париж. Может быть, я ошибся с дочкой или сыном. Может, у них медовый месяц?”

И тут, глядя на эту милую пару, ангел Вика все понял. Понял, что пробудило в нем тревогу. Боясь поверить в худшее и стараясь не смотреть на других авиапассажиров, ангел Вика сделал запрос: “Рейс 3497. „Москва– Париж“. 12 июля 2006 г.”. Справочная служба выдала только одно слово: катастрофа.

“Не может быть, я же только вчера вечером проверял”. – Ангел Вика вывел справку о дате поступления информации насчет катастрофы. 11 июля 2006 г. 23.58. Примерно через полчаса после того, как он проверил информацию, и за две минуты до наступления суток отсчета. Они что, совсем там обалдели, в Небесной канцелярии? Формально, конечно, правила соблюдены. Информация дана накануне, претензии предъявлять некому. Но о таких крупных событиях раньше всегда сообщалось заранее. Он, конечно, сам должен был подстраховаться и заглянуть всправочную сегодня с утра, но было столько хлопот с этим чемоданом, и с кофе, и с таблетками от головной боли,

которые она хотела выпить с утра. Четыре таблетки, чтобы хватило на весь день! Мыслимо ли это? И как ему было успеть уследить за всем?! Но это не оправдание. Это его прямая обязанность – хранить ее жизнь. Как же он не понял причину своей тревоги еще в кафе, а потом с брюнеткой у стенда с помадой? Ведь у этих людей жизнь была на исходе. Ангелы это всегда видят. Ему надо было сообразить, вывернуть свое беспокойство наизнанку и понять, чем оно вызвано. А он отвлекся на растворимый кофе!

Так, надо срочно что-то делать. Надо выводить Вику из зоны смерти уже сейчас, с каждой минутой это будет все сложнее и сложнее. Ангел Вика теперь уже внимательно смотрел на пассажиров. Поразительно, но печать смерти была не у всех. Примерно треть выглядела вполне прилично, словно и не собиралась умирать, вопреки прогнозам Небесной канцелярии. Так, например, у спутника брюнетки читался еще длинный жизненный план, поэтому его появление тогда у стенда сняло напряжение ангела Вики. Тут что-то не то. Ангел Вика вновь вывел справку. В позиции “катастрофа” он нажал на раздел “процент выживших”. Получилось: 37%. Так, это уже интересно.

Ангел Вика быстро нажал на кнопку “Подробности” и прочел следующее: “Авария при взлете. Пожар в носовой части самолета. Первое поступление информации в банк данных: 8 июня 2006 г. 25 июня 2006 г. информация была снята в связи с изменениями в статусе катастрофы. 11 июля 2006 г. информация поступила в обновленном варианте”.

– Ну молодцы! Значит, они запланировали все это дерьмо практически месяц назад, потом, скорее всего, начали жаловаться ангелы тех, кто уже купил билеты на этот рейс, но не должен был умереть. Таких оказалось много, и они сняли катастрофу с рейса или рейс с катастрофы, кому как угодно. А потом все же решили пойти на компромисс и дать всем обреченным билеты в передней части самолета, а счастливчикам – в конце. Отличное решение! – Ангел Вика заметно нервничал. – Так, какое у нас место? Двадцать семьА.Это в конце. Все равно ее нельзя пускать в этот чертов самолет. Такой стресс в ее положении недопустим. И как же я раньше не догадался проверить, мы ведь уже прошли последний контроль. Но ничего, до посадкиеще пятнадцать минут… Приступаем к плану В.

Ничего не подозревавшая Вика листала журнал и думала о том, что ей надо купить в Париже. Все-таки такой шанс! Хотя финансов катастрофически не хватает. Она расстегнула молнию на сумочке, достала зеркальце и помаду, намереваясь поправить

макияж, как вдруг почувствовала что-то странное. Ее лицо в зеркале неожиданным образом стало терять контуры, оно расплывалось и дробилось на множество бликов, и эти блики куда-то стремительно уплывали. Вместе с ними поплыли и контуры стеклянного накопителя, лица окружающих ее людей и девушка в форме работника авиалиний, вошедшая в дверь, видимо, за тем, чтобы объявить посадку. Испугаться Вика не успела, потому что все произошедшее заняло какие-то доли секунды.Вика попыталась встать, но вместо этого сползла с кресла на пол и уронила голову на грудь.

– Девушке плохо! – закричала какая-то женщина. – Помогите кто-нибудь!

– Обморок, – констатировала подбежавшая к Вике сотрудница аэропорта. – Давай ее в медпункт.

Вика очнулась на узкой больничной кушетке в медпункте аэропорта Шереметьево-2.

– Ну наконец-то, – проворчала сидящая за столом женщина в белом халате. – Что же это ты, милая? Такая молодая, и на тебе.

– Что со мной? – прошептала Вика.

– Обморок.

– Почему?

– Почему?! Это у тебя надо спросить почему. Не ешь, поди, ничего, вот от голода и бухнулась.

– Ерунда, – сказала Вика. – Мне надо идти. У меня самолет.

– Лежи пока. Самолет твой все равно уже улетел.

– Как улетел? Этого не может быть!

Врач Петрова, дежурившая в тот день в Шереметьево, лукавила. Рейсу 3497 задерживали взлет. Ожидали пассажиров, которые зарегистрировалось, но на посадку не явились. Не только ангел Вика узнал о готовящемся в последний момент. Остальным “опоздавшим” тоже пришлось проявить фантазию. Кто-то напился до чертиков и уснул прямо в баре, кто-то мучился животом, да так, что покинуть туалетную кабинку не было никакой возможности. А одна дама преклонных лет вдруг почувствовала необъяснимую тревогу и, решив, что что-то наверняка случилось с ее любимым котом Тимошей, оставленным на попечении соседки, плюнула на Париж и рванула домой, в Раменки, прямо из зала вылета.

– Здоровье важнее, – отрезала врач. – Пока я не осмотрю тебя и не выясню причину твоего обморока, ты никуда не полетишь. Если все будет нормально, улетишь следующим рейсом.

– А когда следующий? – жалобно пропищала Вика.

– Так, фамилия, имя, отчество, год рождения? – строго

произнесла Петрова, приготовившись записать все эти данные на специальном бланке.

Осмотр занял почти час. Врач Петрова оказалась дамой очень дотошной. Несмотря на то, что результаты осмотра не дали ничего, кроме незначительных скачков давления и небольшой тахикардии, голос Петровой звучал очень скорбно:

– Тебе, моя дорогая Виктория Викторовна, необходимо срочно посетить врача-терапевта. Пройти более тщательное обследование, сдать анализы.

– А что у меня? – испуганно спросила Вика.

– Так сразу не скажешь. Но давление скачет, и наблюдается явная тахикардия. Возможно, это проявления вегетососудистой дистонии, а может быть, что-то и посерьезнее. Еще есть вероятность, что это симптомы беременности.

– Бе-бе-ременности?

– Да. А что ты так удивляешься?

– Нет. Это не беременность.

– Ну, тебе виднее. Дети есть? – строго спросила врач Петрова.

– Нет.

– Плохо.

– …

– Ну что же. Можешь идти, но продолжать полет я тебе не рекомендую.

– Я и начать его не успела.

– Вот и хорошо. Тебе лечиться надо, а не летать в таком состоянии.

Вика вышла из медпункта едва ли не в шоке. Она не собиралась следовать совету этой врачихи, во всяком случае в той его части, которая касалась непродолжения полета. Надо срочно подойти в справочную и узнать, что можно сделать. Как можно болеть, если у Корольковой через три дня свадьба в Париже? Однако самочувствие Вики было неважным. Голова кружилась, подташнивало и звенело в ушах. Практически добравшись до информационного киоска, Вика внезапно испытала сильную подкатывавшую к горлу тошноту. Пришлось срочно бежать в туалет. Вику рвало, и с каждой минутой она чувствовала себя все слабее и слабее. Вместе с силами уходило и желание лететь куда бы то ни было. Даже в Париж. – Я здесь ни при чем, – оправдывался ангел Вика. – Это малыш. Он не хочет лететь ни в какой Париж.

К моменту выхода Вики из туалета в аэропорту наблюдалось какое-то нездоровое оживление. По тому, как быстро сновали по залу работники аэропорта и люди в милицейской форме, было

ясно: что-то случилось. Погруженная в свое странное состояние, Вика не заметила всей этой суеты. Она обратилась к первому попавшемуся бомбиле с просьбой довести ее до Бутино и, только сев в его машину, вспомнила о чемодане. Где его теперь искать? Да плевать. У Вики не было сил ни на продолжение поездки, ни на поиски чемодана. Домой, срочно домой. Принять душ и лечь. Потом она решит, что делать.

– Че-та там случилось. Вы не знаете? – громко спросил водитель, едва они отъехали от аэропорта.

– Не знаю.

– Какой-то пожар вроде. “Скорых” понаехало и ментов.

Вика молчала, и водитель отстал.

Уже на въезде в микрорайон Бутино у Вики зазвонил мобильник.

– Боже, Вика, с тобой все в порядке? – раздался взволнованный голос тетушки Поли.

Вика встретила ее сегодня утром во дворе. Тетушка Поли вела своих девочек то ли на английский, то ли на рисование. Вика не помнила подробностей. Она садилась в такси, чтобы ехать в аэропорт, и перекинулась с Поли парой фраз.

– Ты уезжаешь? – спросила Поли.

– В Париж, – радостно сказала Вика.

– Париж – это столица Франции, – тут же встряла ее младшая дочка.

– Правда? – сказала Вика и гордо добавила: – У меня там подруга замуж выходит. Я на свадьбу, на три дня. – Она ожидала, что одна из маленьких Квазимодо скажет что-нибудь вроде: “Свадьба – это когда люди женятся”, но те молчали.

– Хорошо тебе съездить! – пожелала Поли.

“Откуда она знает, что я не улетела?” – подумала Вика и на всякий случай спросила:

– Поли, что ты имеешь в виду?

– Только что передавали в новостях. Катастрофа с рейсом тридцать четыре девяносто семь “Москва–Париж”. Пожар при взлете. Это не твой, случайно?

– Мой. Со мной все в порядке. Приеду, расскажу.

– Че там? – заерзал шофер, догадавшийся по Викиным ответам, что речь идет о происшествии в аэропорту.

– Говорят, пожар при взлете рейса “Москва–Париж”.

– Да вы че? Не, ну а, с другой стороны, че еще ждать от наших авиаперевозок? На старье летаем, на всем экономим, самолеты уже чуть ли не каждый день падают. Я вот на самолетах не летаю. Ну на фиг! Я уж лучше на машине поеду, если мне куда надо будет, – сказал он, поддав газу, чтобы успеть проскочить на

желтый сигнал светофора. – Вы сами-то откуда прилетели?

– Ниоткуда, – сказала Вика, и шофер обиженно замолчал.

Дома Вика включила телевизор. В новостных блоках первым давали сюжет о катастрофе: “При разгоне на взлетной полосе аэропорта Шереметьево-два самолет „ТУ сто пятьдесят четыре“ потерял управление и врезался в стоящий на территории аэропорта ангар. Самолет загорелся. Точное количество жертв и пострадавших пока неизвестно. Больше всего пострадала носовая часть самолета. Часть пассажиров удалось эвакуировать. Многим из них сейчас оказывается медицинская и психологическая помощь. На место происшествия выехала группа спасателей, мэр Москвы и представители прокуратуры. О причинах пожара пока говорить рано. В числе остальных рассматривается версия теракта”. “Боже мой, какое счастье, что мне стало плохо и я не села в этот самолет. Мне просто повезло. А эти люди, стоявшие со мной в очереди на регистрацию и ждавшие посадки? Этот мужчина в очках? И мама с белокурой девочкой? Эта пара у стенда косметики? Они все тоже летели в Париж. Что с ними стало? Лучше об этом не думать. Во всяком случае, мне слишком плохо, чтобы думать об этом сейчас. Я лучше лягу спать. У меня нет никаких сил”.

Вике снились кошмары. Она гуляла на свадьбе Корольковой и Пузика. Все гости почему-то были одеты в черное, как будто это была не свадьба, а похороны. Звучала мелодия из кинофильма “Шербургские зонтики”. Все танцевали. Вдруг музыка стихла, и в наступившей тишине отчетливо прозвучало начало песни “Алисы”: “Вы слышите меня, бандерлоги?”. Гости, казалось, не заметили смены звукового сопровождения и продолжали кружиться в вальсе. Вдруг двери залы неожиданно распахнулись, и в них въехал огромный самолет. Из самолета вышел мужчина с девочкой на руках. Вике показалось, что она их уже где-то видела.

– Позвольте представиться, – сказал мужчина, галантно поцеловав Викину руку, – Арам Хачатурян. – Вы не представляете, как мне жаль, что у нас с вами так ничего и не получилось.

“Это же АХ”, – осенило Вику. Она собиралась было спросить у г-на Хачатуряна, действительно ли он посылал ей тогда цветы, но в это время девочка, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении младшей дочкой тетушки Поли, пронзительно заверещала:

Тим-тим-тили-бом,
Загорелся Кошкин дом! —
и, достав из-за спины колокольчик, начала им звенеть.

От этого ужасного звона Вика проснулась.Посмотрела на

часы. Она спала всего сорок минут. На столе заливался звоном мобильник.

Звонили Фролова с Капустиной. Они наперебой верещали в трубку, что прочли о случившемся в Интернете и что сейчас успокоят коллектив, который сильно переживал за Вику. “Коллектив” состоял из нескольких подружек по курилке, которым с утра было заявлено, что “сегодня можно не напрягаться, потому что наша умотала в Париж”.

Не успела Вика положить трубку, как позвонил Чебурашкин. Он не знал, каким точно рейсом летит Вика, но был очень взволнован. Узнав, что рейс был тот самый, Павлик разволновался еще больше и рвался немедленно приехать. До него не сразу дошло, что Вика не села в самолет, и он считал, что ей необходима помощь.

Так же думала и тетушка Поли, позвонившая в Викину дверь полчаса спустя.

– Вика, неужели это был твой рейс? Ты к врачам-то обращалась?

Вика в который раз терпеливо объясняла, что по странному стечению обстоятельств упала в обморок как раз перед посадкой и тем самым отделалась малой кровью.

– Это потрясающе, – сказала тетушка Поли. – Значит, у тебя сильный ангел-хранитель.

“Наконец-то вспомнили и обо мне, – порадовался ангел Вика. – Я, конечно, не за похвалу работаю, но доброе слово и ангелу приятно”.

Ближе к вечеру позвонила Королькова.

– Боже мой, Вика, мы только сейчас включили телевизор. Какой кошмар! Я даже боялась тебе звонить. Ты ведь этим рейсом собиралась лететь?

– Да. – И Вика в который раз рассказала историю про обморок.

– Обалдеть. Кому расскажи, не поверят. Ты просто в рубашке родилась.

– Я сама еще до конца не могу поверить в то, что это происходит со мной.

– Как ты сейчас себя чувствуешь?

– Честно говоря, не очень.

– Конечно, такие потрясения. А что с билетами будешь делать? Давай попробуем поменять?

– Нет, Свет. Ты извини, но, боюсь, второй попытки не будет. Мне очень хотелось приехать к тебе на свадьбу, да и Париж посмотреть, но я правда чувствую себя совсем неважнецки. К тому

же эта катастрофа с моим рейсом. Думаю, не стоит испытывать судьбу.

– Да-да. Конечно. Но ты не расстраивайся. Пузик собирается недвижимость во Франции покупать, в следующий раз, когда захочешь, приедешь к нам в гости.

– Спасибо.

– И покажись обязательно врачу.

– Хорошо. Поздравляю вас с наступающим!

– Ой, Вика, спасибо, но я даже не знаю, что теперь делать. Пузик так разнервничался после сегодняшнего. Мы же собирались завтра вечером “Эр Франсом” лететь, так он теперь не хочет. Боится. Говорит, полетим частным самолетом. Как будто частный самолет застрахован от катастроф. Странная такая логика, правда?

– Ага. Мужская.

– Ладно, Викуся. Ты тут не скучай. Вот вернемся, организуем какую-нибудь вечеринку на родине. Пригласим для тебя какого-нибудь олигарха.

– Хорошо бы.

– Ну и договорились. Целую.

“Все. Больше никто не должен звонить. Все, кто знал про Париж, уже отзвонились. Хорошо, что я родителям ничего не говорила. А ведь это, наверное, страшно – набирать номер знакомого, когда знаешь, что шансы услышать его голос пятьдесят на пятьдесят. Интересно, если у покойника звонит в кармане мобильный телефон, то отвечает ли кто-нибудь из врачей или службы спасения на вызов. „Алло? К сожалению, он умер“. Хотя все эти люди в самолете уже успели отключить мобильные телефоны, и до них уже никак нельзя было дозвониться. Я никогда не думала, что такое может случиться со мной. Точнее, совсем рядом от меня. Какое у меня было место? Двадцать семь А, кажется. Я еще тогда подумала: „Фи, совсем в конце“. Значит, у меня был бы шанс. Господи, какое счастье, что я осталась жива!” – По Викиному лицу катились слезы.

– Ага, значит, жить-то не так уж и плохо. Стоило попасть в такую переделку, чтобы это оценить. И не пятьдесят на пятьдесят, а тридцать семь на шестьдесят три. Такие вот шансы были в этот раз. Но откуда тебе это знать?! Нет, не надо больше смотреть новости. Ложись лучше спать, детка. На сегодняшний день достаточно впечатлений.

“Нет, не буду я, пожалуй, включать телевизор. – Вика положила пульт от телевизора обратно на журнальный столик. – Ничего хорошего там все равно не скажут. Пойду-ка я спать”.

На следующий день Вика решила пойти на работу, а вечером заглянуть к терапевту. Чувствовала она себя все еще не лучшим образом, однако оставаться дома значило подвергать себя ежечасному искушению включать новости, вглядываться в кадры с места трагедии и искать там лица, которые она успела заметить в аэропорту. Вика не нашла в себе сил на розыски багажа. Ей казалось кощунственным разыскивать свои дорогие шмотки на человеческом пепелище. Она решила, что потерянный чемодан и пропавший билет – это смехотворная плата за счастье остаться в живых и не надо гневить Бога сожалениями о потерянном. Ангел Вика с удовольствием наблюдал перемены в мышлении своей подопечной и даже начал подумывать, что в людской пословице: не было бы счастья, да несчастье помогло – есть глубокий философский смысл. Он, конечно, знал, что шоковая терапия иногда помогает, но сам никогда не был сторонником такого рода лечения, потому что по опыту знал, что у такой терапии бывает много осложнений. Вот, помнится, в тысяча шестьсот семьдесят четвертом году он и сам прибегал к этим методам в отношении своего хранимого, но… Да ладно, что уж теперь вспоминать!

На работе весь день к Вике совершали паломничество сотрудники разных отделов. Слух о ее участии во вчерашней трагедии благодаря расторопности Фроловой и Капустиной разнесся по всему офису, и каждый хотел лично посмотреть на чудом спасшегося человека. В какой-то момент Вика, уставшая в сотый раз отвечать на вопрос “Ну как там было?”, пожалела, что пришла сегодня наработу. Единственный плюс всей этой суеты вокруг директора по персоналу заключался в том, что сотрудники немного отвлеклись от ставшего уже традиционным нытья по поводу тяжелой ситуации в компании “Оптима”.

Вечером терапевт, осмотрев Вику, пожала плечами.

– Я ничего не вижу. Давление в норме. Сердцебиение нормальное. Признаков каких-то острых заболеваний нет. Вам нужен больничный? – с подозрением спросила она у Вики.

– Нет. Я просто хочу понять, почему у меня такая слабость в последние дни и почему я упала в обморок.

– Знаете, это может быть просто от стрессов. Синдром хронической усталости. Слышали про такой диагноз? Им страдает большая часть работающего населения мегаполиса. Давайте тем не менее проведем небольшое обследование, чтобы исключить другие причины. Вот вам направление на анализы и кардиограмму. Когда вы последний раз посещали специалистов?

– Каких? – осторожно спросила Вика. Ходить по врачам она не любила, несмотря на то что “Оптима” обеспечивала ее

страховкой в хорошей медицинской клинике.

– Каких-нибудь. Невропатолога, гинеколога, эндокринолога.

– Давно, – туманно ответила Вика.

– Понятно. Пройдите, пожалуйста, осмотр хотя бы у этих трех специалистов, а потом придете ко мне. И еще. Постарайтесь больше гулять, меньше нервничать, нормально питаться и хорошо спать.

– Но это невозможно.

– Виктория Викторовна, нет ничего невозможного, если речь идет о вашем здоровье. Я понимаю, что у вас карьера, дом, мальчики, ночные клубы и диеты. Но вы должны расставить приоритеты, если хотите дожить до старости и не превратиться в развалину.

“Поздно, – хотела сказать Вика, – я уже превратилась в развалину. И это несмотря на то, что из всего вышеперечисленного у меня только карьера и иногда диета”. Но доктор выглядела сурово, и она только кивнула в знак согласия и выдавила из себя тихое:

– Я постараюсь.

– Вот, давайте постарайтесь, – ободряюще произнесла доктор. – А то вам ведь еще детей рожать. Вам сколько полных лет? – Она заглянула в карту. – Да-а. Надеюсь, вы не чайлд-фри.

– Кто-кто? – не поняла Вика.

– Чайлд-фри. Это сейчас очередное модное увлечение, когда молодые здоровые женщины сознательно отказываются от потомства. Не хотят заботиться о детях, а хотят наслаждаться жизнью. Делают себе операции, чтобы никогда уже не забеременеть. Вы про такое слышали?

– Нет, – призналась Вика. – Никогда.

– Вот и хорошо. Не все еще, значит, с ума посходили от денег и развлечений. Давайте, дорогуша, пройдите осмотр специалистов и следите за своим образом жизни. Если что – подлечим, но думаю, что у вас все в порядке. Просто нужно немного отдохнуть.

Выйдя из поликлиники, Вика задумалась: “Если уж на то пошло, то я получаюсь тоже„фри“, причем со всех сторон: „мэн-фри“, „чайлд-фри“, „хоум-фри“ и „мани-фри“. Но все это происходит как-то помимо моей воли”.

Август

Невропатолог и эндокринолог не сказалиВике ничего нового, кроме ставших уже стандартными рекомендаций на тему “меньше нервничать, больше гулять”, а попасть на прием к гинекологу Вике удалось только в августе.

В назначенный день Виктория приехала на прием. Она немного нервничала. Во-первых, задержка, которую она раньше, не сомневаясь, списывала на сбой цикла в результате стресса, как-то совсем уж неприлично затягивалась. Во-вторых, в памяти всплывали вопросы врачей о возможной беременности. Вика не хотела и не могла поверить даже в малейшую вероятность того, что она беременна. Конечно, факт интимных отношений имел место. Глупо было бы отрицать. Но помимо того, что он пришелся на абсолютно неподходящие для зачатия дни цикла (Вика все несколько раз пересчитала), этот факт был между ней и Чебурашкиным. Забеременеть от первого и единственного полового акта с Павликом Чебурашкиным ей казалось проявлением высшей степени нелепости. Такого просто не может быть, потому что не может быть никогда! Вика решила не думать о глупостях и занялась рассматриванием сидящих в очереди женщин. Посмотреть было на что.

Клиника, в которой обслуживались по страховке сотрудники “Оптимы”, считалась одной из лучших в Москве, и лист ожидания к некоторым специалистам растягивался на недели. К гинекологу приходилось записываться заранее, при этом необходимо было изловчиться попасть на прием в те дни месяца, которые подходят для обследования женского организма. Далее предстояло всеми правдами и неправдами выкроить эти часы из жесткого бизнес-расписания, потом правильно рассчитать время на дорогу по пробкам, чтобы приехать к назначенному часу. Все равно запись сдвигалась, и пациентки опаздывали на работу. Все эти трудности наложили отпечаток на лица и поведение сидящих перед кабинетом. Несмотря на дорогие костюмы, приятный парфюм и безупречный макияж милых дам, в воздухе витала нервозность. “Враг не пройдет!” – читалось в усталых глазах. Довольно благодушно выглядела только одна глубоко беременная женщина, но ее интересы отстаивала пришедшая с ней подруга.

– Кто последний? – спросила подошедшая к кабинету блондинка.

Этот вопрос больше всего раздражал присутствующих.

– А вы записывались? – спросила подруга беременной.

– Нет, но мне очень нужно попасть на прием.

– Здесь всем нужно. Сидите и ждите, пока пройдут все по записи, – не без злорадства ответила подруга беременной.

– Меня направил терапевт, – строго произнесла блондинка.

– Женщина, я же вам объясняю: прием идет по записи. Остальных берут, только если останется время. Вот держитесь за этой девушкой, она тоже без записи. – Подруга беременной показала пальцем на юную особу в очках и сером платье. От этого жеста последняя еще больше вжалась в кресло и практически слилась с ним.

– Сейчас чья очередь? – не сдавалась блондинка. – Я зайду и поговорю с врачом.

– Сейчас моя очередь, – ответила, чеканя каждое слово, ухоженная женщина средних лет, делавшая пометки дорогим “паркером” на страницах какого-то документа. – Но я вас не пущу.

– Почему, женщина? Мне только на минутку… – Голос блондинки на глазах терял былую уверенность.

– Знаете, милая, я в прошлый раз после больницы и по направлению врача тут всю очередь пропускала. Я никого не пущу сегодня без записи.

…Дверь кабинета открылась, и откуда-то из глубины прозвучало:

– Кравченко…

– Я вас слушаю. – У врача-гинеколога, дамы средних лет, был приятный голос и миловидная внешность. – Первый день последних месячных? Когда последний раз проходили обследование у гинеколога? Замужем? Имеете постоянного партнера? Беременности? Аборты? – Перо шариковой ручки врача скользило по белоснежному листу медицинской карты, фиксируя ответы.

Из всей выданной Викой информации только ответ на второй вопрос вызвал удивление.

– Виктория Викторовна, вы должны приходить к нам не реже чем один раз в полгода. Вы же современная образованная женщина, я не хочу читать вам лекцию о том, как важно следить за своим здоровьем. Проходите, пожалуйста, на осмотр.

Осмотр. Новые вопросы. Запись в карту.

– Почему вы не купили тест на беременность в аптеке?

– Вы думаете, я беременна? – дрожащим голосом спросила Вика.

– Я пока не знаю, но при такой задержке и описанных вами симптомах это вполне вероятно. Вас это не радует?

– Не очень.

– Жаль. Знаете, я уже двадцать лет работаю гинекологом, и

все эти годы меня поражает то, как несправедливо устроена жизнь. Ко мне на лечение приходит огромное количество женщин, мечтающих родить ребенка. Они тратят время, деньги, здоровье и нервы только для того, чтобы иметь возможность хоть раз стать матерью. Примерно такое же количество женщин, узнав о своей беременности у меня на приеме, впадают в панику и просят записать их на аборт. Почему бы Господу Богу просто не поменять их местами?

– Потому что жизнь – это не шоколадный батончик, – сказал ангел Вика. – У каждого свой жизненный план, свои радости и свои испытания.

– Так, ладно, мазок будет готов через три дня. Сдадите анализ на беременность, пройдете УЗИ и приходите ко мне через неделю. Давайте я вас запишу. Десятого августа в девять двадцать удобно? – Врач подняла глаза на Вику. – Да не переживайте вы так. У вас такое лицо, как будто вам объявили о страшном диагнозе. Мы еще не знаем результаты анализов, и, даже если они будут положительными, у вас будет время на принятие решения.

“Нет, этого просто не может быть, – думала Вика, выходя из кабинета. – Неужели я до такой степени невезучая, что смогла залететь после секса с Чебурашкиным? Это даже звучит смешно. Секс с Чебурашкиным, беременна от Чебурашкина – все это смешно и нелепо. Да глупости, глупости. Сейчас же зайду в аптеку и куплю домашний тест. Не буду я ждать неделю, чтобы узнать и без того очевидное. Сегодня же вечером я буду свободна от всех этих нелепых предположений. Почему мысль о покупке теста не пришла мне в голову раньше? Наверное, потому, что я не сомневалась в своей небеременности. Вот. Где у нас ближайшая аптека?” – О, сегодня нам предстоит нелегкий вечерок. Страшная правда. Жалобы на несправедливости жизни, тотальное невезение и тяжелую судьбу. Слезы, сопли, проклятия в адрес Павла Чебурашкина, плохое самочувствие и крайне плохое настроение. Ты готов? – спросил ангел Вика у самого себя. – Тогда вперед. В аптеку.

Вика купила два теста разных производителей. На всякий случай. Сличить результаты. Был соблазн сделать их уже на работе, но Вика удержалась. Был также соблазн поискать описание симптомов беременности в Интернете или ненавязчиво поинтересоваться у бывалых Фроловой и Капустиной. Но и от этого Вика удержалась. В надежде отвлечься от мыслей на эту тему Вика стала просматривать в Интернете предложения по продаже автомобилей. Лето кончалось, надо было определяться с

покупкой машины. Если купить в конце августа, то будут еще как минимум два месяца до наступления холодного фронта, осадков в виде снега и обледенения дорожного покрытия. Симулин как раз недавно вышел на работу, можно поговорить с ним о кредите. Обстановка в компании не лучшая для таких просьб, но ходят слухи о скорых дополнительных инвестициях. “Все будет хорошо, – успокаивала себя Вика, листая интернет-страницы автомобильных журналов. – Было бы славно купить себе черный седан, пусть даже и корейский, и сделать на дверях аэрографию. Что-нибудь солидное, неброское, но впечатляющее. Например, пантера в прыжке. Или голова Медузы Горгоны. На следующие майские можно было бы поехать на машине в Кувшиново, а не тащиться на этом ужасном поезде. Кстати, я еще отпуск не отгуляла в этом году. Может быть, махнуть на недельку в теплые страны? Допустим, в сентябре? Вот только как быть с финансированием? На все не хватит… Да и на самолете после поездки в Париж совсем не хочется лететь. Ладно, сначала разберемся со здоровьем. Если все в порядке и это последствия стрессов, надо в отпуск. Если нет… – Вика снова вспомнила о лежащих на дне сумки тестах на беременность. – Если нет, то сегодня вечером это уже выяснится. Тогда и думать будем”.

Вернувшись вечером домой, Вика первым делом достала из сумки тесты.

– Господи, помоги, пожалуйста. Сделай так, чтобы ничего не было. – Вика перекрестилась и вынула из коробочек инструкции по пользованию.

– Господь тебе уже помог, – сказал ангел Вика. – В моем лице. Сделал так, чтобы все было.

Оба теста дружно показали один и тот же результат: две полоски. Полоски были яркие и не оставляли никаких сомнений в том, что результат положительный. Минут пятнадцать Вика смотрела на них, не веря своим глазам. Потом перечитала инструкцию еще раз. Может быть, она ошиблась и две полоски – отрицательный, а не положительный результат? Нет, она все поняла правильно. Два теста с положительным результатом – это практически стопроцентное подтверждение беременности. Можно, конечно, еще сдать анализы в поликлинике, сходить на УЗИ, но вряд ли они покажут что-то другое. Обманывать себя и дальше не имело никакого смысла. Вика была беременна от Павлика Чебурашкина.

Встав с дивана, Вика отправилась на кухню. Она достала из шкафчика маленькую бутылочку коньяка, прихваченную на какой-то презентации и простоявшую в этом шкафу весь последний год. Откупорила, налила себе рюмку.

– Ай-яй-яй, – укоризненно произнес ангел Вика. – Пить крепкий алкоголь в твоем положении! Ай-яй-яй. И я не знал об этой бутылке, не успел ее припрятать.

– Ну что же, дорогая Виктория Викторовна, – произнесла вслух Вика, подняв со стола рюмку с коньяком. – Я вас поздравляю! В свои тридцать с хвостиком вы многого добились. Вы умудрились не выйти замуж, не купить себе квартиру и машину, не найти богатого любовника, на худой конец. Вы не стали известной бизнес-вумен или светской львицей. Вам постоянно не хватает денег на элементарные нужды. У вас в этом городе нет близких людей, которые могли бы вас пожалеть и помочь. Компания, где вы работаете, уже который месяц находится в состоянии кризиса. Вам постоянно повышают арендную плату за квартиру и задерживают зарплату. Вы чуть не погибли месяц назад в авиакатастрофе. У вас нет никакой уверенности в завтрашнем дне. И наконец, вы умудрились залететь от случайного секса с человеком, которого не любите и считаете абсолютно бесперспективным в матримониальном плане. Если учесть, что это был первый секс за последние два года, то налицо явное везение. Можно сказать, удивительное стечение обстоятельств. Я поздравляю вас, Виктория Викторовна. Ура! Ура! Ура! – Вика залпом опрокинула рюмку, коньяк обжег горло, и Вика закашлялась.

За первым тостом последовал второй:

– Итак, что вы можете предпринять, Виктория Викторовна? Вариант А: стать счастливой матерью-одиночкой. Вариант Б: стать мадам Чебурашкиной и посвятить остаток своей жизни Чебурашке-старшему и Чебурашке-младшему. Вариант В: сделать аборт и, учитывая возраст и возможные осложнения, стать той самой чайлд-фри, о которой говорила нам тетя доктор. Сложный выбор, Виктория Викторовна? Ерунда! Вы же никогда неискали легких путей. За это и выпьем! – Вика залпом махнула вторую рюмку.

И налила третью.

“Скоро она так Федю догонит, – недовольно подумал ангел Вика. – Надо ее остановить”.

– Итак, – продолжала Вика, – А и Б сидели на трубе. А упала, Б пропала. Что осталось на трубе? Правильно: вариант В.Возьмем себя в руки и не будем плакать. Лучше посчитаем, сколько времени прошло с той поездки в Колкуново. Где-то восемь недель. Это хорошо. Это значит, что я успеваю. Сдам все анализы, пройду УЗИ и десятого попрошу у врача направление на аборт. Подумаешь, большое дело. Сделают наркоз, уснешь, а проснешься уже без… – Вика задумалась над наиболее нейтральной

формулировкой, но, так и не подобрав подходящего определения, слегка переиначила фразу: – Без головной боли. Все забудется, как в страшном сне. Это только так кажется, что аборт – большое событие, на самом деле все женщины через это проходят. Королькова вон уже три сделала, и ничего. Удачно вышла замуж. И у меня все тоже будет хорошо. Слава богу, в двадцать первом веке живем. Медицина сейчас творит чудеса. За прогресс в области медицины! Ура!

Больше Вике пить не хотелось. Точнее, она была не против глотнуть еще алкоголя, чтобы еще больше расслабиться, почувствовать, что тебе море по колено, и не удариться в слезы, но коньяк больше не шел. От его запаха уже начинало тошнить, а других спиртных напитков у Вики дома не было. Вике было немного стыдно и за эти выпитые три рюмки, даже на винных этикетках пишут: “Не рекомендуется беременным и кормящим женщинам”, а что уж говорить про коньяк. Она даже на какую-то долю секунды представила, как живущее в ней маленькое существо опьянело от этих трех рюмок и теперь ему плохо. Но тут же отогнала от себя эти мысли. Какая разница, если этот ребенок все равно никогда не появится на свет? В том, что так оно и будет, Вика не сомневалась. Она не даст окончательно испортить себе жизнь. С маленьким Чебурашкой ей никогда уже не выйти замуж и не обрести твердую почву под ногами. Поэтому его в Викиной жизни не будет. Когда-нибудь у Вики будет нормальная семья: обеспеченный заботливый муж, высокий социальный статус, материальное благополучие, дети. А сейчас это получилось случайно. Это ошибка, и ошибку надо исправить.

Ангел Вика загрустил. Он ожидал всего чего угодно: слез, криков, проклятий и жалоб на судьбу. Это можно было бы понять. Вика же была так хладнокровна. Она не проронила ни одной слезинки и быстро мобилизовала все свои силы, чтобы выстроить план убийства. Вот так легко, за три рюмки коньяка, она определилась с выбором. Как будто сделать аборт – это то же самое, что привиться от гриппа. Она не думала о ребенке, о том, что он уже живой и еще слишком беспомощный, чтобы защитить себя. Ангелу Вике было обидно. Стоило ли вообще затевать этот эксперимент и предпринимать столько усилий, чтобы сохранить жизнь человеку, который больше всего на свете ценит материальное благополучие? Впервые за все эти месяцы ангел Вика засомневался в правильности своей миссии. Что, если просто перестать активно вмешиваться в ее жизнь? Выполнять свои основные обязанности в рамках Викиного жизненного плана. Осталось меньше полугода. Собственно, заботиться о ее ребенке не его печаль. Пусть делает аборт, а дальше – как решат в

Небесной канцелярии. Он ничего не потеряет. Вернется к Феде и забудет этот год. Он дал ей спасательный круг. Она отказалась. Что же, хозяин – барин.

Вика забралась под одеяло практически с головой. Она хотела поскорее уснуть, чтобы больше ни о чем не думать хотя бы до завтрашнего утра. По щекам ее катились слезы, Вика не могла сдержать их, как ни старалась.

Ангелу Вике сразу же стало стыдно за свои малодушные мысли.

– Бедная моя девочка. Не плачь. Все будет хорошо. Я тебя не оставлю. Я понимаю, как тебе страшно, тяжело и одиноко. Все это пройдет. Мы переживем этот год, и все будет хорошо. Вот увидишь. – Ангел Вика подсел на краешек кровати и начал гладить Вику по торчащей из-под одеяла макушке. – Спи, детка. Баю-бай. Спи. Спокойной ночи.

На следующий день работа у Вики никак не клеилась. Она перебирала на столе бумажки, отвечала на телефонные звонки и пыталась сосредоточиться на предложении по сокращению кадров, которое просил ее подготовить Дедушка. Безуспешно. Все мысли были о другом. С утра Вика заезжала в поликлинику сдать анализ на беременность.

– Так, что тут у нас? – спросила медсестра процедурного кабинета, заглядывая в Викино направление. – Анализ на мышку?

– На что? – не поняла Вика.

– На мышку. Так раньше называли анализ на беременность, а я по привычке до сих пор его так зову, – пояснила сестра. – У меня у самой трое. Когда я рожала, только на мышку и сдавали.

“У кого на мышку, а у меня на Чебурашку, – подумалось Вике. Она хотела было спросить, почему „на мышку“, но передумала. – Не надо лишних подробностей. Чем меньше деталей, тем легче будет сделать аборт”.

Слово “аборт” Вике очень не нравилось. В нем было что-то пугающее, и его не хотелось произносить даже мысленно. Казалось, одно это слово, хлесткое, как удар плети, может убить живое существо. Вообще, вся эта ситуация: беременность, анализы, планы на аборт – казалась Вике абсолютно нереальной. Взятой из другой жизни. Не ее, Виктории Кравченко, жизни, а чьей-то другой. Такое обычно случается в неправдоподобных сериалах.

Чувствовала себя Вика по-прежнему не очень, и даже хуже, чем раньше. Голова кружилась, хотелось спать, и появилась новая проблема: чувствительность к запахам. Обоняние стало

необычайно острым, и Вика остро чувствовала все витающие в воздухе запахи. Особенно неприятные. Из столовой опять несло едой, и если раньше Вика чувствовала этот запах на первом этаже, то теперь он настигал ее на рабочем месте, поднявшись по вытяжке на третий этаж. Следовало бы пойти поговорить на эту тему с Линьковым, но у Вики не было сил. Хуже всего было утром в метро и потом на работе, когда к Вике пришел один из водителей “Оптимы” выяснять насчет выплаты отпускных. У Вики было ощущение, что он сегодня вместо душа полил себя из флакона освежителя воздуха для туалетов. Приторный цветочный запах, наложившийся на немытое тело и приправленный пачкой выкуренных сигарет, в сумме давал такое… Вика была готова выплатить ему отпускные из своего кармана, только бы он поскорее ушел. Наконец ей удалось спровадить его в бухгалтерию.

“Интересно, всем беременным так плохо или только мне?” – Вика набрала на поисковом портале в Интернете слово “беременность”, хотя умом понимала, что делать этого не стоит. Поиск выдал сто двадцать одну тысячу четыреста двадцать девять ссылок на сайты. Вика решила конкретизировать и задала новый поиск: “беременность 8 недель”. На одном из сайтов нашелся интерактивный календарь беременности. К своему ужасу, Вика поняла, что считала неправильно. Беременность, как ни странно, начинает отсчет не с момента зачатия, а со дня последней менструации. По таким подсчетам выходило, что у Вики не восьмая, а уже одиннадцатая неделя беременности. Авторы календаря описывали все те симптомы, которыми страдала Вика, и обещали, что после двенадцатой недели они пройдут, потому что во втором триместре у подавляющего большинства женщин наступает улучшение состояния. Вика тоже надеялась, что они пройдут, но по другой причине. Однако времени у нее оставалось совсем немного. Всего неделя. Она рассеянно продолжала листать страничкикалендаря. На снимке УЗИ был виден эмбрион десяти недель отроду. “Вес малыша 7 граммов”, “большая голова”, “начинается образование радужки, отвечающей за цвет глаз”.

“Какого цвета глаза у Чебурашкина? – стала вспоминать Вика. – Кажется, серые”.

Потом она попыталась представить себе, как можно весить семь граммов, и не смогла. “Интересно, карандаш весит семь граммов? Или он весит больше? Или, наоборот, меньше? Зачем я вообще все это читаю? Мне надо срочно идти к врачу за направлением на аборт. Я не могу ждать до десятого августа. Пойду завтра прямо с утра”.

Ближе к вечеру секретарь Дедушки объявила о внеплановом собрании. Завтра в 8.00. Приглашались все директора направлений и руководители отделов. Повестка дня объявлена не была. Явка строго обязательна. Вика позвонила секретарше Симулина, чтобы прощупать почву и понять, насколько серьезной провинностью будет завтрашнее отсутствие на собрании. Секретарша ничего нового сказать не смогла, но посоветовала все же собрание не прогуливать, потому как Дедушка, по ее словам, был настроен решительно. Вике пришлось отложить визит к врачу на завтрашний вечер.

В восемь утра восьмого августа весь руководящий состав “Оптимы” сидел в переговорке. Ждали Петра Лукича. Петр Лукич появился через минуту, за ним семенила секретарша с блокнотом в руках. Вика, выпавшая из жизни коллектива в связи с последними потрясениями на личном фронте, отметила про себя, что Дедушка заметно сдал. Болезнь и трудная ситуация в “Оптиме” отразились на его внешнем виде, и пиджак, когда-то ладно сидевший на его плотно сбитой фигуре, болтался теперь на своем хозяине, собираясь в мешковатые складки.

– У меня плохие новости, товарищи, – с места в карьер начал Петр Лукич. – Инвесторы приняли решение о прекращении финансирования нашего проекта. Со следующей недели мы начинаем процедуру банкротства компании. Я хотел проинформировать вас заранее. Прошу вас не сообщать эту новость своему персоналу до следующей недели. О дате, когда мы объявим это официально всем сотрудникам, будет сообщено дополнительно.

– А что с долгом по зарплате? – подал голос руководитель отдела логистики.

– Задолженности по зарплате будут погашены при увольнении. Возможность компенсационных выплат сейчас обсуждается с бухгалтерией, но обещать ничего не могу. Еще вопросы?

Все молчали. Вика отметила про себя, что Дедушка ни разу за свое короткое выступление не произнес ни одно из своих слов-фаворитов. Да и сама речь была как будто не его. Чужие слова, зачитанные вслух. Наверное, он выучил дома этот текст наизусть, потому что никаких шпаргалок в руках у Петра Лукича не было. Тяжелое молчание присутствующих было прервано звуком отодвигаемого стула. Петр Лукич встал, показывая, что собрание окончено.

– Вопросов нет, – констатировал он, обводя взглядом присутствующих. – На этом считаем собрание закрытым.

Вика посмотрела на часы. Тринадцать минут. Этого времени

хватило на то, чтобы лишить ее и еще триста шестьдесят человек работы. Инвесторы – это люди, которые живут в мире подсчетов. Они приходят из своего Царства Цифр к своим подданным за новой порцией чисел. Если эти числа оказываются слишком маленькими или, не дай бог, отрицательными, они принимают решение о закрытии этой колонии. Всем спасибо, все свободны…

Вернувшись на рабочее место, Вика решила, что, возможно, это и к лучшему. Сообщение о банкротстве “Оптимы” оказалось как нельзя кстати, чтобы поддержать ее в принятом решении. Теперь мысль о том, чтобы оставить ребенка, казалась нонсенсом вдвойне. Безработная беременная не может быть одинокой в таком городе, как Москва. Она просто не выживет. По КЗОТу работодатели не имели права отказывать беременной женщине в приеме на работу только потому, что она беременна. Но Вика сама работала в сфере кадров и знала, что ни один нормальный работодатель не возьмет на серьезную должность женщину в положении. Это потеря денег, что в Царстве Цифр абсолютно недопустимо. Ей откажут под благовидным предлогом. На ранних сроках есть возможность обмануть работодателя, но правда потом все равно всплывет, и тебя уволят. Так что у Вики уже нет выбора. – Выбор всегда есть, – упрямо сказал ангел Вика, прослушав весь этот внутренний диалог. – Не вовремя, конечно, производственники все это устроили. Совершенно не вовремя. Подождали бы еще неделю, честное слово. Но что делать, у каждого своя работа.

Едва досидев до конца рабочего дня, Вика отправилась к гинекологу. В поликлинике выяснилось, что ее врач сегодня работала с утра, а другие врачи принимать ее не хотели. У всех была полная запись, масса нервных женщин в коридоре и подходящий к концу рабочий день. Выходившие время от времени в коридор медсестры делали перекличку. Они в деталях допытывались о причине визита у тех, кто был не по записи. Брали только тех, кому отказать уже никак было нельзя, например при боли или кровотечении. Вике не хотелось объяснять в коридоре при всех свою ситуацию, и она решилаприйти завтра. Все равно один день уже погоды не сделает. Приблизившись к выходу, она вспомнила про УЗИ и решила заглянуть в указанный в направлении кабинет. Она не знала, направляют ли на УЗИ тех, кто решился на аборт, но решила подстраховаться.

В кабинете УЗИ принимал мужчина. Вика обрадовалась. Она не хотела слышать все эти охи-ахи, поздравления и умилительные комментарии о развитии эмбриона от очередной женщины. На

мужчину же можно было рассчитывать, он вряд ли станет пускать сопли и слюни при виде беременной пациентки. Надежды Вики частично оправдались. Врач спокойно и деловито рассказывал ей о том существе, которое поселилось у нее в животе. Размеры, формы, этап развития. Вика старалась во все это не вслушиваться. По УЗИ срок выходил одиннадцать недель, примерно такой же, как и по последним Викиным подсчетам. Прощаясь, врач протянул ей маленький квадратик бумаги:

– Возьмите.

– Что это? – Вика машинально взяла листок в руки.

– Первое фото вашего малыша. Вклеите в семейный альбом и покажете ему, когда он вырастет.

"Когда он вырастет", – обрывок этой фразы барабанной дробью отзывался в Викиной голове. "А что, если он никогда не вырастет? Почему они все такие жестокие? Почему они уверены, что я хочу оставить этого ребенка? Он даже не спросил меня, нужен ли мне этот снимок. Он что, не знает, что не все беременности кончаются родами? Где его врачебная этика? – Вика обнаружила, что все еще сжимает в руке распечатанный снимок. – Скорее выкинуть это. Немедленно. Где урна?"

Вика подошла к урне и бросила листок. Тот, совершив дугу в воздухе, перевернулся и упал рядом. Вика подняла его с пола и не удержалась – посмотрела на изображение. Понять что-либо на этом снимке было очень трудно. Фон из черных точек, область затемнения посередине и силуэт, принять который за ребенка можно было только при очень большой фантазии. Слишком большая голова и худое длинное тельце. Ни рук, ни ног различить было нельзя. Существо это показалось Вике довольно уродливым, и она, скрутив листок в шарик, решительно бросила его в урну. На этот раз попала.

– Дурочка, – сказал ангел Вика. – Потом ведь жалеть будешь. Вырастет наша маленькая девочка, а я-то уже знаю, что это девочка. Спросит тебя: "Мама, а где мой первый снимок УЗИ?" Что ты ей ответишь? Соврешь что-нибудь вроде: "А мне его не дали"?

Вечером приперлась тетушка Поли. Она собралась варить суп и обнаружила, что в доме нет ни одной морковки. У Вики в доме никогда не водились живые овощи, но она пригласила Поли зайти, сказав, что посмотрит. Причина была простой: Вике было страшно оставаться наедине со своими мыслями. Поли с ее вечными детскими историями, конечно, была не лучшим собеседником в такой ситуации, но выбора у Вики не было. Пусть уж такой собеседник, чем совсем никакого.

– Ой, Викуля, чем же ты питаешься? – запричитала Поли, успев увидеть пустые недра Викиного холодильника. – Приходи хоть к нам ужинать.

– Спасибо, Полин, да я сегодня в кафе поужинала, – соврала Вика.

– То-то я смотрю, ты поздно пришла. Яуже заходила к тебе час назад. С кавалером?

– Что с кавалером? – не поняла Вика.

– Ужинала-то с кавалером?

– Нет. С подругой.

– А-а. Ну, а кавалер-то есть?

– Нет.

– Ну ничего. Будет. Знаешь, я вот своего Толика тоже так долго ждала. Переживала, что никогда не выйду замуж, что детей будет поздно рожать. Даже хотела к гадалке идти, венец безбрачия снимать. А вот видишь, пришло время, и все наладилось. Так что не расстраивайся.

– К гадалке-то ходила? – спросила Вика.

– Не успела.

Вике мучительно хотелось спросить, делала ли Поли когда-нибудь аборты, но она понимала, что спрашивать такое у тетушки Поли нельзя.

– А как у тебя со здоровьем? Ты же тогда в обморок в аэропорту упала, – вспомнила Поли.

– Лучше.

– Видишь, это Господь тебя спас.

В дверь позвонили. На пороге стояла старшая дочка Полины.

– Мама у тебя? – строго спросила она.

– У меня. Заходи.

– Я на минутку, – сообщила девочка, входя в квартиру. – Мам, Катя плачет. У нее опять ушки болят.

– Иду, иду, – Полина поднялась со стула. – У Катюшки отит. Так жалко ее, бедную. Пойду, пора ей капли капать.

– А знаешь, какие мне мультики подарили? – спросила дочка Поли у Вики.

– Какие?

– Про Чебурашку и крокодила Гену! – торжественно произнесла девочка.

– И кто тебе больше нравится? – спросила Вика.

– Кто-кто! Чебурашка, конечно!

“И тут Чебурашка, – подумала Вика, закрыв за ними дверь. – Просто наваждение какое-то. Нет, надо звонить Корольковой. Она девушка практичная, плохого не посоветует”.

– Привет, Светик. Как дела?

– Нормально, Викуль. Сто лет тебя не слышала. Что не звонишь?

– Не хочу беспокоить молодоженов в их медовый месяц.

– Ой, да это одно название только, что медовый. Гриша все время работает, вот сегодня, не поверишь, первый вечер дома.

Вика и так поняла, что Гриша дома, потому что в его отсутствие Королькова называла его исключительно Пузиком.

– Мы из-за этого все никак не соберемся провести вечеринку по случаю свадьбы. Жених все время занят, – продолжала Королькова. – Ну а ты как? Как здоровье?

– У меня две новости, Светка. Одна плохая, другая еще хуже.

– Не пугай меня. Что стряслось?

–“Оптима” закрывается. Я через неделю буду безработной.

– Ой, Вика. Ну, это не беда. Отдохнешь немного и найдешь себе работу не хуже. С твоим опытом и в Москве ты не пропадешь. Тебеже не в Кувшиново работу искать. Давай я Гришу спрошу, может, кому-нибудь из его знакомых нужен грамотный эйчар.

– Спасибо. Я у тебя вот еще что спросить хотела.

– Ну?

– Скажи… аборт очень страшно делать?

– Ты что, залетела? – Королькова перешла на шепот.

– Ага.

– Сколько недель?

– Одиннадцать.

– Уже одиннадцать? Вот это да! И кто счастливый отец?

– Ты его не знаешь.

– Ну, хоть мужик приличный?

– Был бы приличный, я бы тебя про аборт не спрашивала.

– Да-а-а. Вика, я не могу сейчас тебе ничего рассказать. Гриша дома, может услышать. Он ничего про это не знает. Давай я тебе позвоню завтра. Ты не раскисай. Все будет хорошо.

– Я постараюсь. Позвони, когда сможешь. Ладно?

– Конечно. Пока. Держись.

На следующее утро, когда Вика входила в кабинет врача, в ее памяти всплыли строчки детского стихотворения:

Доктор смотрит на больного,
Говорит ему сурово:
“Мы тебе не дурачки,
Не нужны тебе очки”.

Этот стишок маленькая Вика Кравченко читала на утреннике в детском саду. Так странно, что она вспомнила его именно сейчас. А может быть, и не странно, потому что доктор за столом

выглядела так же, как тот доктор из стихотворения, изображенный на иллюстрации в книжке Агнии Барто. Строго и неприветливо.

– Извините, у меня запись на завтра, но вопрос срочный, не могли бы вы меня принять? Дело в том, что… – начала Вика.

– Напомните мне номер карты, – перебила врач.

Вика назвала номер, и медсестра достала ее карту из стопки лежащих на столе.

– Так, Виктория Викторовна. Посмотрим, что тут у нас пришло. – Врач листала вложенные в карту бумажки. – Диагноз подтвердился. Беременность одиннадцать недель. Ну, вы уже и сами это знаете. Анализы в норме. Что вы решили?

– Я хочу попросить направление на аборт, – сказала Вика.

Врач склонила голову, как бы кивая сама себе, мол, я знала, что так и будет.

– Я не буду вас отговаривать. Вы взрослый человек и давно уже сами в состоянии принимать решения и нести за них ответственность. Я только вынуждена вас предупредить о возможных осложнениях.

– Я знаю, что аборт может привести к бесплодию, – сказала Вика.

– Вы не все знаете, – отрезала врач. – У вас есть еще два фактора, усугубляющих ситуацию. Первое: возраст. Второе: отрицательный резус-фактор крови. Вы знаете группу крови и резус-фактор партнера?

– Нет. – Вика чувствовала себя как на экзамене, к которому не успела как следует подготовиться.

– Понятно. Слышали что-нибудь о конфликте резусов?

– Нет.

– Возьмите эту брошюру, тут все популярно описано. Прочтите это дома, прежде чем принять окончательное решение.

– Хорошо, – Вика сунула брошюру в сумку.

– Времени у вас практически нет. С понедельника начнется отсчет второго триместра беременности, в котором аборт делать уже поздно. Завтра сдадите недостающие анализы, вечером зайдете ко мне за результатами и направлением. Я запишу вас на пятницу, если вы, конечно, не передумаете. А сейчас, извините, меня ждут пациенты.

– Да-да. Конечно. До свидания. Спасибовам.

Врач ничего не ответила, и Вика поспешила покинуть кабинет.

Пятница – это послезавтра. Ей осталось страдать еще два дня. Потом все закончится. В выходные она отлежится дома, а с

понедельника начнет рассылать резюме. Надо искать новую работу. Между увольнением из “Оптимы” и началом работы на новом месте у нее наверняка выпадут свободные две-три недельки. Нужно будет куда-нибудь поехать. Отдохнуть. Лето выдалось очень тяжелым, и Вика как никогда нуждалась в отдыхе. Вика начала строить планы: куда можно махнуть в сентябре. Шиковать она не может в связи с ограниченными финансовыми средствами, а хочется поехать на море. Да хотя бы в Турцию. Море, оно и в Турции море.

В коридорах “Оптимы” было тихо-тихо. Казалось, что компанию уже закрыли, зайди в кабинет, и он окажется пуст. Вика открыла дверь своей комнаты. Обе ее сотрудницы были на местах и, более того, работали. Фролова составляла опросники к тренингу менеджеров по продажам, а Капустина говорила по телефону с одним из кандидатов на имевшиеся вакансии. Правильно, они же не знали, что все это уже не понадобится. Возможно, чувствовали, но наверняка не знали. Большое колесо под названием телекоммуникационная компания “Оптима” все еще по инерции крутило свои шестеренки. Из-за визита к врачу Вика пришла на работу на два часа позже, и ей было жаль, что ее никто не искал. Ей даже хотелось быть вызванной к Дедушке и услышать его традиционное: “Опять опаздываешь, Виктория. Ты, это, туды-сюды, пример коллективу должна подавать”. Но она знала, что при сегодняшнем положении дел в компании ее опоздания уже никого не волнуют.

– Вика, тебе звонила Светлана Королькова. Два раза. Просила перезвонить, – сообщила Капустина.

– Королькова? А что же она на мобильный не позвонила? Странно. – Вика достала из сумочки телефон и обнаружила, что он отключен. – А, понятно. – Вика набрала номер Корольковой. – Свет, привет. Ты звонила? Яутром у врача была, а мобильник включить забыла.

– Я так и поняла. Слушай, я кратко. Я почти всю ночь не спала, о тебе думала. Скажи, ты с абортом уже точно решила?

– Да.

– А что, твой мужик, он совсем нулевой вариант?

– Совсем. Свет, я на работе и не очень могу говорить на такие темы. Давай ближе к делу.

– Понимаешь, ты меня вчера спрашивала, страшно ли делать аборт. Я вот что тебе должна сказать: аборт делать не страшно. Сейчас везде делают с обезболиванием, ты ничего не почувствуешь. Потом тебе, конечно, будет хреново, не столько физически, сколько морально. Потом все забудется. Но проблема не в этом.

– А в чем?

– В последствиях, Вика. Я вот три сделала и думала, что это все ерунда, что врачи пугают последствиями. А сейчас забеременеть не могу. – Вике показалось, что Светка всхлипнула.

– Да ты только месяц замужем. У тебя еще все впереди.

– Ничего подобного. Мы с Пузиком целый год пытаемся. Врачи уже поставили диагноз: бесплодие. Все из-за моих абортов. А Гриша ничего не знает. – Светка уже недвусмысленно хлюпала носом.

– Ой, Свет. Не раскисай. Я уверена, все образуется. Сейчас это все лечится.

– Вика, я тоже так раньше думала. Думала, сейчас сделаю аборт, а потом когда-нибудь встречу Его, заведу семью и рожу двоих детей. Мальчика и девочку. А если будут сложности, то разберемся. С деньгами все можно вылечить, а за бедного я выходить не собиралась. Оказывается, нет, Вика, не все. Сейчас я расплачиваюсь за то, что совершила.

– Но у меня нет другого выхода, Свет. Ты же прекрасно знаешь мою ситуацию.

– Вика, я не хочу тебя учить. Я прекрасно могу представить себя на твоем месте. Это непростой выбор. Но он есть. Ты подумай еще. Хорошо? А если тебя больше всего волнуют финансовые проблемы, то можешь ко мне обращаться, я помогу, чем смогу.

– Спасибо, Свет, но я постараюсь справиться сама. Ты давай не грусти. Все образуется, вот увидишь. – Вика чувствовала, что сама близка к тому, чтобы расплакаться. Она произносила стандартные фразы утешения, но не верила им. И поспешила закончить разговор: – Извини, Свет, мне надо работать. Созвонимся попозже.

Этот разговор подействовал на Вику угнетающе. Она никак не предполагала, что подруга, от которой она ждала ободряющих слов, поступит с точностью до наоборот. Это все равно что говорить больному, которого кладут на операцию, что шансы выжить у него минимальны. Кому от этого лучше, если операция неизбежна?

– Э-э, нет, дорогая, не ври сама себе. Операция может быть неизбежной, а здесь решение принимаешь ты, и только ты. Просто ты делаешь выбор в пользу легкой жизни и не хочешь себе в этом признаться, – проворчал ангел Вика.

В глубине раскрытой сумки виднелась брошюра. Вика достала ее и положила на стол. “Что должна знать женщина об аборте” – гласило название. Вика хотела было выбросить буклет в мусорное ведро, но подумала, что оставлять такие улики на

рабочем месте неразумно, и сунула его обратно в сумку. Надо было срочно отвлечься от этих мыслей, надо было чем-то себя занять. Вика открыла свою записную книжку и посмотрела список дел на работе, запланированных на этот месяц. Восемнадцать пунктов, отмеченных специальными значками, обозначающими срочность и важность каждого из них. Вика любила расставлять приоритеты. Так получилось, что сейчас расставлять приоритеты было абсолютно алогично. Это все равно что расписывать меню на неделю вперед для человека, который решил сегодня вечером покончить жизнь самоубийством. Делать эти дела, собственно, тоже бессмысленно, но только так можно пережить эти два дня. Погрузиться в дела. Пусть бессмысленные, но уж какие есть. Вика решила, что раз уж на то пошло, она выберет самое бессмысленное занятие и посвятит ближайшие часы его исполнению. В списке таковым был пункт седьмой: составить оргструктуру компании со штатным расписанием до 2011 года.

В направлении на аборт стояло: 11 августа, 10.30. Вика вышла из дома в девять утра. Она старалась не думать о том, куда и зачем направляется. Она представляла, как через каких-нибудь четыре-пять часов окажется дома. Ляжет спать, а завтра утром начнет новую жизнь. На работу Вика сегодня идти не планировала, врач предупредила ее, что после наркоза возможны слабость и головокружение. Выдавая направление, врач вела себя абсолютно нейтрально и даже не спросила, прочла ли Вика данную ей брошюру. Так что врать Вике не пришлось. Осталось пережить сегодняшнее утро. Не сдаться, не удариться в слезы или истерику. Пройти этот путь, а потом вызвать такси и приехать домой. Вике так хотелось, чтобы ее кто-нибудь пожалел. Но жалеть ее было некому. Королькова и та проявила себя не с лучшей стороны. Может быть, завести себе кошку? Или собаку? Нет, с собакой надо гулять, лучше кошку. Такую толстую и пушистую. Перса. Вика будет приходить домой, а перс будет встречать ее приятным грудным мурлыканьем и тереться о Викины ноги. Вика будет рассказывать ему, что произошло с ней за день, а перс будет сидеть у нее на коленях и внимательно слушать. Отличная идея! Надо будет в самое ближайшее время съездить на птичий рынок.

Во дворе дома гуляла Полинина Моня. Она умела гулять самостоятельно. Тетушка Поли выпускала ее из квартиры, Моня выбегала на улицу и прогуливалась там в гордом одиночестве, сколько хотела. Потом она заходила в подъезд с кем-нибудь из жильцов, поднималась на свой этаж и тявканьем требовала у тетушки Поли открыть ей дверь.

Вика подошла к гуляющей Моне поближе. Она никак не могла запомнить породу этой смешной неуклюжей собачки. Мопс, кажется?

– Привет, Монька. Гуляешь? Не скучно тебе?

Обычно Моня в ответ на приветствия начинала смешно пыхтеть.

Сейчас она тоже запыхтела, приветственно помахала Вике обрубком хвоста и вдруг, как-то неестественно подпрыгнув, приземлилась всей своей внушительной тушкой на Викину ногу и вцепилась в нее зубами.

Вика закричала и попробовала вырвать свою лодыжку из Мониной пасти. Моня зубы не разжимала и рычала при этом, как голодный тигр, увидевший кусок мяса.

На шум сбежались прохожие. Минут через пять совместными усилиями Викина нога была освобождена из плена собачьих зубов, но лодыжка была прокушена до крови и очень болела. Наступать на эту ногу Вика не могла.

– Боже, какой ужас! – причитала старушка из соседнего подъезда. – Ей же теперь сорок уколов от бешенства надо будет делать.

– Да нет, – уверял другой жилец этого дома, – это домашняя собака. Она вот с этого подъезда.

– А чего же она тогда кусается, раз домашняя? – вопрошала старушка.

– А хрен ее знает.

– Вот я и говорю, сбесилась. Все равно девушке теперь уколы надо делать.

Незнакомый мужчина на “жигулях” предложил отвезти Вику в травмпункт. Нога болела так, что Вика, не раздумывая, согласилась.

В травмпункте промыли рану, вкололи какое-то лекарство и наложили швы. Когда все закончилось, часы показывали десять. Вику бил озноб.

– О, да у вас температура подскочила. Вы вся горите, – сказал врач травмпункта. – Прилягте у нас в ординаторской. Куда вы в таком состоянии поедете?

Вика хотела сказать, что не может лежать, что ей надо ехать, но вместо этого спросила:

– Это что, от бешенства?

– Нет, это скорее от стресса, – ответил врач. – По поводу бешенства пока не беспокойтесь. Раз собака домашняя, вам нужно попросить ее хозяйку отвезти животное на обследование. Если у нее найдут вирус бешенства, придется делать уколы. Но будем

надеяться, что этого не случится.

Врач вколол Вике еще одно лекарство, и она проспала в ординаторской до трех часов дня. Потом вызвала такси и поехала домой. В двери была записка: “Вика, зайди ко мне, когда приедешь. Полина”.

Тетушке Поли рассказали о неадекватном поведении Мони, и она очень переживала. Раньше с Моней такого никогда не случалось. Моня и сама переживала, она была испугана тем страшным видением, которое предстало перед ее собачьими очами этим утром. Кроме зрительных галлюцинаций Моню беспокоили еще и тактильные: она явственно помнила пинок под зад, который и заставил ее очутиться на Викиной ноге.

“Что со мной было?” – думала Моня, пролежавшая остаток дня на коврике в коридоре. Хвостик ее до сих пор дрожал.

– Ну прости, собачка. Прости. Мне жаль, что пришлось использовать тебя в качестве орудия Судьбы. Зато ты послужила благому делу. – Ангел Вика присел на корточки рядом с Мониным ковриком и погладил ее по голове.

Сентябрь

Первое сентября, когда все дети пошли в школу, а те, кто до школы не дорос, отправились в детский сад, Вика встретила в постели. Погода в этот день выдалась отвратительная, но дело было не в погоде. Вика пролежала так последние две недели, вставая только по крайней необходимости: туалет, душ, поесть. Тетушка Поли, уверенная в том, что Вика заболела по их с Моней вине, приходила к соседке несколько раз на дню. Приносила съестное и старалась развлечь Вику разного рода нелепыми разговорами. Главным козырем тетушка Поли считала то обстоятельство, что Моня все-таки не взбесилась и Вике не придется делать уколы. Однако козырь этот был выложен в самом начале Викиной болезни, и теперь тетушка Поли не знала, что делать. Она приводила к Вике своих дочек, те читали стишки и пели песенки, но помогало это мало, а один раз даже привело к противоположному эффекту. Ее Катюша читала Вике стишок Агнии Барто про зайку:

Зайка сидит в витрине,
Он в серенькой шубке из плюша.
Сделали серому зайцу
Слишком длинные уши.
В плюшевой шубке серой
Сидит он, прижавшись к раме,
Ну как тут казаться храбрым
С такими большими ушами?

Почему Вика разрыдалась, прослушав этостихотворение, Поли так и не поняла. Но больше девочек не приводила. Она считала, что Викина болезнь – от нервов. Конечно, стрессы на работе, ужасное происшествие в аэропорту и Монин укус – все вместе нанесло существенный удар по Викиной психике, и она заболела. Да и вызванный Поли врач не мог поставить никакого четкого диагноза. Выслушав сбивчивые объяснения тетушки Поли, он заявил, что у Вики нервное истощение, но в больничном на всякий случай написал: ОРВИ.

С работы Вике последнюю неделю совсем не звонили. Сотрудникам “Оптимы” объявили о роспуске компании еще в середине августа, и с тех пор все усиленно занимались собственным трудоустройством, а оставшиеся две недели до официального увольнения просто досиживали.

Несколько раз звонил Чебурашкин, но Вика не брала трубку, потому что он был последним, кого она хотела бы сейчас видеть. Она не брала трубку, даже когда звонила Королькова. В последнее время она просто отключила мобильный и совсем перестала подходить к домашнему телефону. Вика лежала под одеялом лицом к стенке, как в классической сцене из кинофильма “Москва слезам не верит”. “Ребенка не будет”, – говорит там глухим голосом Алентова, а в следующей сцене выходит с младенцем на руках из роддома. Телезрители облегченно вздыхают. Вику преследовала эта сцена. Она представляла себя на месте главной героини, а встречающими Королькову с Пузиком. Пузик будет играть роль ее мужа перед персоналом роддома. Потом они поедут в какой-нибудь ресторан праздновать это событие. “Как дочку-то назвала?” – спросит Пузик. “Чебурашка”, – ответит Вика.И заплачет. Потом будут все эти ужасные двадцать лет, которые так ловко оставили в фильме за кадром. Детский плач, работа на износ, случайные любовники, женатые мужчины. Наконец, лет в сорок пять, когда “жизнь только начинается”, она встретит какого-нибудь разведенного мастера цеха, или кем там был этот Гоша, и будет безумно счастлива. Достойный финал ее романтических грез и надежд на светлое будущее.

Из приоткрытого окна слышалась песня “Сестренка Наташка теперь первоклашка”. Эту же песню всегда ставили на первосентябрьской линейке в ее кувшиновской школе. Дежавю. Она уехала из провинции в столицу в погоне за лучшей долей и вот опять оказалась в месте старта. “Все приборы врут. Кольцевые дороги никуда не ведут”. Не имеет никакого значения, что территориально Вика находится в бутинской многоэтажке, на самом деле она никуда не уехала из той дыры, в которой родилась и провела первые семнадцать лет своей жизни. Только здесь ее ждет счет за квартиру каждый месяц, трудовая книжка с записью “уволена в связи с закрытием предприятия” и растущий как надрожжах живот. В Кувшиново про таких шепотом говорят: “Нагуляла”.

Второй триместр беременности. Вика не могла поверить, что это словосочетание имеет к ней непосредственное отношение. Она и правда стала чувствовать себя лучше, как и обещали авторы “Интерактивного календаря беременности”. Лучше физически, но не морально.

В дверь позвонили.

“Опять Поли”, – поморщилась Вика. Если бы она могла себе позволить не впускать на порог тетушку Поли, она непременно бы это сделала. Но, зная активную жизненную позицию соседки, Вика не сомневалась, что, не открой она ей хоть раз дверь, та

вызовет милицию, пожарных, МЧС и убедит их всех, что дверь надо взломать, потому что ее соседка умирает.

– Ну ты даешь, мать! – В открытой двери вместо ожидаемой тетушки Поли маячила стройная фигура Корольковой. – Я уже хотела Гришиных ЧОПовцев подключать, чтобы тебя искать. У тебя телефон отключили? – Королькова сняла туфли и порулила в комнату.

– Не знаю. Может, и отключили.

Королькова подняла телефонную трубку:

– Не ври. Все работает. Ты просто лежишь тут две недели, рефлексируешь. Не стыдно?

– Нет.

– Ты же психфак окончила. Тебя же учили, что человеческая психика после потрясения проходит фазы отрицания, агрессии и апатии. И учили, кстати, как с ними справляться и переходить на следующие ступеньки: принятие ситуации, поиск выхода. Пузик, между прочим, тебя в солидную контору рекомендовал. Они заинтересовались, а ты себя так непрофессионально ведешь.

– Спасибо. Боюсь, мне уже не понадобится, – сказала Вика.

– Что-то нашла?

– Нет. Я просто на аборт не попала. Не думаю, что друзей Пузика заинтересует киндер-сюрприз в роли директора по персоналу.

Королькова несколько секунд молчала, потом села на диван, достала из сумочки сигарету и, щелкнув зажигалкой, велела:

– Рассказывай.

Вика рассказала про Моню, травмпункт, державшийся неделю жар и пришедшие ему на смену апатию и нежелание что-либо делать.

Только в конце ее рассказа Королькова, спохватившись, затушила сигарету:

– Извини, я как-то не подумала, что тебя теперь обкуривать нельзя. – И после небольшой паузы продолжила: – Знаешь, Вика, что ни делается, все к лучшему. Тебе уже тридцатник, возможно, это последний шанс родить ребенка.

– Умная ты какая, – разозлилась Вика, – родить – дело нехитрое. Потом-то что с ним делать?

– Не скажи. У меня вот детей никогда не будет. Во всяком случае, врачи так говорят.

– Усыновите.

– Я бы усыновила, да Пузик против. Он же не подозревает о масштабе проблемы. Думает, что еще может получиться. Хочет свои гены передать.

– Лысину и маленький рост? – не удержалась Вика.

– Не угадала. Пузико и аналитический склад ума.

– А-а, вот видишь, ему есть что передавать. А нам по папиной линии чудес ждать не приходится.

– Не говори так, Вика. Я не верю, что мужчина, с которым ты пошла на интимные отношения, такое уж ничтожество. Ты, как всегда, преувеличиваешь.

– Он не ничтожество, Свет. Он просто никакой. Среднестатистический. Да еще и фамилия Чебурашкин. И уши большие.

– Вот! А ты говоришь – среднестатистический, – засмеялась Королькова.

Вика тоже улыбнулась, но буквально через секунду ее улыбка погасла, и она трагическим голосом обратилась к подруге:

– Свет, что мне делать? Может, можно где-нибудь аборт за деньги организовать?

– Ты что, с ума сошла? На пятнадцатой неделе беременности?

– А как я буду жить? Без работы, без мужа, на съемной квартире. Не в Кувшиново же мне возвращаться.

– Давай рассуждать конструктивно. Во-первых, в “Оптиме” тебе должны выплатить компенсацию.

– Ага, сейчас они мне принесут тяжеленький конвертик на блюдечке с голубой каемочкой. Размечталась!

– Хорошо. Давай так. Страховка медицинская у тебя до какого?

– До февраля, кажется.

– Хорошо. Большую часть беременности покрывает. Ты можешь начать искать работу, но такую, чтобы дала возможность спокойно ребенка родить и первые месяцы находиться с ним дома.

– Это что же за работа такая? – язвительно спросила Вика. – Подъезды мыть?

– Нет. Сейчас куча тренинго-консалтинговых фирм на рынке. Ты могла бы предложить им свой собственный тренинг. Это отличный вариант. В офис каждый день ходить не надо, сама регулируешь нагрузку, и деньги, я тебя уверяю, вполне приличные.

– Да, так они меня там и ждут. С распростертыми объятиями. Беременная тренерша без опыта соответствующей работы. Мечта работодателя.

– Вика, ты прекращай так думать. Ты же знаешь, что мысли материализуются. Объясняю: тренинг ты пишешь сама. Уверена, что ты в “Оптиме” и раньше их по сто раз проводила. Посмотри в Интернете, что предлагают на рынке. Найди свою нишу. Далее мы сочиняем тебе резюме, в котором указываем, что ты совмещала

работу в “Оптиме” с консалтингом как индивидуальный тренер. Мой ресторан, холдинг Пузика – ну и еще кого-нибудь подтянем – дают тебе рекомендации. И все, вуаля, рассылай по адресам.

– Не знаю. Может, ты и права…

– Но главное, Вика, – продолжала воодушевленная успехом Светка, – помни о ребенке. Не перегружай себя и старайся мыслить позитивно. Он же не виноват, что его мама впала в депрессию.

– Нет, он как раз и виноват, – перебила Вика.

– Нет, Вика. Он не виноват. И ты сама это поймешь, если постараешься взглянуть на вещи объективно. И кстати, я бы на твоем месте рассказала обо всем Чебурашкину. Он должен тоже принять участие в общем деле.

– “Зло должно быть наказано”, – процитировала Вика, и они обе рассмеялись.

– Пообещай мне, что, если тебе будут нужны деньги, ты обязательно ко мне обратишься, – потребовала на прощанье Королькова.

– Торжественно клянусь, – произнесла Вика.

– И еще.

– Ну?

– Крестной маленького Чебурашкина, чур, буду я! Договорились?

– Договорились. Спасибо тебе, Светка.

После ухода Корольковой Вике впервые за последние две недели полегчало. Она поймала позитивный импульс, посланный ей подругой, и постаралась взглянуть на ситуацию под другим углом. Может быть, все действительно не так уж плохо. Сколько женщин рожают детей без мужа, и ничего. Может быть, лучше так, чем всю жизнь прожить без ребенка? И на работу она сможет устроиться, права Королькова в том, что можно найти подходящий вариант. Надо только захотеть. У Вики неожиданно проснулся аппетит. “Что-то Поли сегодня запаздывает”, – с неудовольствием подумала она, заглянув в пустой холодильник.

Примерно через полчаса Вика решила, что надо выйти на улицу. В магазин. Неудобно продолжать пользоваться добротой тетушки Поли, пора, как говорится, и честь знать. Только она влезла в узкие джинсы, с удовольствием отметив, что практически не прибавила в весе да и живот все еще не виден, как в дверь позвонили.

“А вот и тетушка Поли. Наконец-то”, – обрадовалась Вика.

В дверях стояла не Поли, а Полинин муж. Он сбивчиво объяснил, что Поли забрали на “скорой” с гипертоническим

кризом и ему надо поехать к ней в больницу оценить ситуацию. Вика понимала, что он подразумевает под фразой “оценить ситуацию”. Поли наверняка пыталась избежать госпитализации, мотивируя это тем, что муж, дети, собака и хомячок без нее не выживут. Было ясно, что из больницы она будет рваться назад и еще, чего доброго, сбежит. Муж Полины просил Вику посидеть с детьми, пока он съездит в больницу. По его словам выходило, что это займет часа два-три, не больше.

Отказать Вика не могла, и через пять минут, сменив джинсы и рубашку на домашний спортивный костюм, она появилась в квартире тетушки Поли. Самым неприятным моментом было пересечение коридора, в котором, как обычно, дислоцировалась Моня. Викина нога до сих пор побаливала, а в памяти еще не стерлась картина того ужасного утра: Монины челюсти, сомкнувшиеся на Викиной ноге. Моня, увидев Вику, а точнее, уловив ее запах, жалобно заскулила и начала пятиться назад, пока не уперлась своим широким задом в стенку.

– Ты не бойся, – приободрила Вику одна из Полининых дочек, – она тебя не тронет. Мама ее тогда знаешь как ругала!

– А где наша мама? – запищала вторая, выбежав в коридор. – Когда она придет?

– Ваша мама у доктора. Придет, когда доктор ее отпустит, – объяснила Вика.

– У Айболита? – заинтересовалась младшая.

– Да, – сказала Вика, – у Айболита.

– А почему она нас с собой не взяла? – продолжала допрос младшая.

– Потому что это взрослый Айболит. К нему детей не пускают.

– Он что, их ест?

– Кого? – не поняла Вика.

– Детей, – пояснила девочка.

Через десять минут этого бессмысленного и, что самое ужасное, бесконечного диалога Вика почувствовала, что у нее начинает болеть голова.

– Хватит вопросов! – сказала она девочкам. – Теперь я буду спрашивать, а вы отвечать.

– Хорошо, – закивали они.

– Для начала напомните-ка мне, как вас зовут.

– А ты что, не знаешь? – удивилась старшая.

– По-моему, мы договорились, что я спрашиваю, а вы отвечаете.

– Меня зовут Катя, – представилась старшая.

– Я Маша, – сказала младшая.

– Сколько вам лет? – спросила Вика.

– Мне вот сколько. – Старшая подняла вверх четыре пальца правой руки.

– А мне вот. – Младшая подняла два.

– Не ври, Машка, тебе вот сколько. – Катя показала три пальца.

– Нет, – заупрямилась Маша, – это ты врешь. Мне не столько, а столько.

– Ты врушка, я все маме расскажу, – пригрозила Катя.

– Это ты врушка, – захныкала Маша.

– Хватит ссориться, а то я от вас уйду, – пригрозила Вика.

– Не уйдешь, тебя папа попросил с нами посидеть, и ты ему пообещала, а обещания нужно выполнять, – логично заключила Катя.

– Ой, я, кажется, какать хочу, – сказала Маша.

– Тащи ее скорее на горшок, – посоветовала Вике Катя, – а то она обкакается и тебе придется ее штанишки стирать.

Дальше все было как в страшном сне. Когда одна хотела есть, другая просилась пописать. Одна включала музыкальный центр и требовала танцев, другая хотела, чтобы ей почитали книжку. Пока Вика включала Кате мультик, Маша открыла клетку с Узбеком, и тот куда-то смылся.

– Давай скорей его искать, а то Моня найдет его первой и съест, – возбужденно заверещала Катя, тут же потеряв интерес к мультику.

Самое ужасное, что они не хотели и минутку поиграть сами, поочередно сестры подходили к Вике и в ультимативной форме требовали развлечений.

“Боже, как же Поли с ними справляется? Это просто ужас. Хуже, чем ходить на работу”.

– Девочки, вы меня замучили. – К концу второго часа Вика со стоном опустилась на софу. – Дайте мне отдохнуть хоть пять минут. Поиграйте сами, пожалуйста.

– Это с непривычки, – произнесла Катя, отличавшаяся поистине недетской логикой. – Хочешь, мы тебе стишки почитаем?

– Давайте, – согласилась Вика. – Только знаете что? Вот тот стишок про зайку. Его читать не надо.

– Какой? – уточнила Маша. – “Зайку бросила хозяйка”?

– Нет, – сказала Катя, – другой. Про зайку в витрине.

– А почему? – не унималась Маша. – Он что, тебе не нравится?

– Не нравится, – сказала Вика.

– А почему не нравится?

– Не нравится, и все. И хватит уже вопросов.

Только под занавес своего дежурства Вике удалось найти занятие, объединившее всех. Она обнаружила на полке с дисками курс обучения танцу живота и объявила девочкам, что сейчас будут восточные танцы. Из глубин шкафа тетушки Поли были извлечены шали с бахромой и платки с люрексом, и маленькие танцовщицы, подвязавшись платками, начали обучение под руководством Вики и телеведущей. Восторг детей был поистине поросячий, а у Вики прошла головная боль.

– Ты приходи к нам еще, – просили сестры, когда Вику сменил на посту Полинин муж. Поли согласилась остаться в больнице до завтрашнего дня. – Потанцуем. Придешь?

– Приду, – пообещала Вика.

Дома на определителе номера она обнаружила телефон Чебурашкина. Он звонил четыре раза. Он и раньше названивал, но сейчас Вике пришла в голову мысль, что Павлик может поступить как Королькова. Просто приехать к ней домой. Это пока не входило в Викины планы, и она набрала номер Чебурашкина.

– Вика, где ты? Я так волновался. Собирался завтра разыскивать тебя в твоем Бутино.

– Я дома. На больничном, но чувствую себя уже хорошо, так что нет нужды приезжать.

– Что вообще происходит? В “Оптиме” к телефону никто не подходит. У тебя дома тоже. Мобильный вне зоны доступа. Что-то случилось?

– Нет. Все нормально. “Оптиму” распустили, я немного приболела, а так все о’кей.

– Да я уж вижу. Вика, мы должны встретиться. Ты должна мне все рассказать, – потребовал Павлик.

Вике неприятно резануло слух это “должна”. Что Чебурашкин себе позволяет? С чего она ему что-то должна? При этом она все же боялась, что, если будет разговаривать с Чебурашкиным грубо, он приедет к ней домой, решив, что у нее нервный срыв в связи с увольнением. Что тогда? Не открывать ему дверь? Детский сад какой-то.

– Хорошо, – согласилась Вика. – Давай встретимся, но не сейчас. Мне надо немного прийти в себя после болезни. Я тебе позвоню.

– Вика, ты мне уже три месяца звонишь. Ты хоть заметила, что мы после Колкуново ни разу не виделись? Если ты не хочешь меня видеть, то так и скажи.

– Павел, ты ведешь себя эгоистично. Я,между прочим, три

недели не вставала с кровати, потому что меня укусила собака. Яне могла ходить, у меня был жар. Мне наложили швы на голень и делали уколы от бешенства. – Вика решила, что преувеличение в данном случае пойдет только на пользу. – А ты все “я” да “я”.

– Правда? – Из голоса Чебурашкина сразу пропал весь воинственный тон. – Что же ты мне ничего не сказала? Я бы приехал, помог.

– Ты опять якаешь? Ты не думаешь о том, что мне было так плохо, что не хотелось никого видеть? Кроме того, у тебя куча дел, я не хотела тебя отрывать.

– Извини, я больше не буду. Просто имей в виду, что я отложу любые дела, если тебе понадобится моя помощь.

“Ты мне уже один раз помог, – подумала Вика. – Помог так помог. Теперь всю жизнь это расхлебывать”.

– Павел, я тебе позвоню в ближайшие дни. Договорились?

– Да. Конечно. Звони, когда сможешь… и захочешь.

“Вот ведь какой липучий, – с досадой подумала Вика. – Такому про ребенка скажи, он до смерти не отстанет”.

“Тебе все плохо, – подумал ангел Вика. – Если бы тебя бросили, ты вряд ли была бы довольна, а когда тебе оказывают такое внимание, тебя это тоже не радует. Но ничего, ничего. Главное, что мы сохранили нашу малышку. Кризис, я вижу, миновал. Мозги встали на место. Теперь важно не сорваться и не уйти, так сказать, в депрессивный запой. Эх, Федя, Федя, как ты там без меня?” – Мысль о запое, пусть и депрессивном, тут же напомнила ангелу Вике его прежнего хранимого.

В поисках чего бы такого почитать на ночь Вика наткнулась на брошюрку “Что должна знать женщина об аборте”. Она так ни разу ее и не открыла. Вика решила, что именно сейчас будет очень кстати ознакомиться с содержанием этого буклета. Книжка, как выяснилось буквально с первой страницы, представляла собой мощное психологическое оружие в борьбе за улучшение демографической ситуации в стране. Авторы не оставляли женщинам, хоть раз в жизни решившимся на аборт, никакого шанса на продолжение рода. В ход шло все: предостережения, угрозы, страшные картинки погибающего под скальпелем эмбриона и ссылки на православные тексты. Вика находилась под впечатлением. Она впервые искренне подумала о том, что, возможно, была неправа, когда хотела избавиться от ребенка. О том, что она, в сущности, не имеет права лишать жизни маленького человечка только потому, что он сделает ее жизнь менее комфортной. И еще она подумала, что надо узнать, какой у Чебурашкина резус-фактор, и записаться наконец к гинекологу.

Раз уж все сложилось так, как сложилось.

Октябрь

Октябрь этого года ознаменовался для страны историческим решением правительства о выплате компенсации матерям, родившим второго или последующего ребенка. Обещали сумму в двести пятьдесят тысяч рублей, после того как малютке исполнится три года. Деньги можно было потратить на три цели: улучшение жилищных условий, образование ребенка или вклад на пенсионный счет матери. Средства не оправдывали цели, и все это выглядело весьма туманно. “Двести пятьдесят тысяч рублей – это примерно два квадратных метра московской жилплощади сейчас, а во что они превратятся через три года, совсем непонятно, – размышляла Вика. – Но меня, к сожалению, все это не касается. За первого ребенка не платят, потому что считается, что каждая женщина стремится завести в своей жизни хотя бы одного ребенка”.

Неделю назад Вика забрала свои вещи и документы из “Оптимы”. В огромном здании, за аренду которого было заплачено до конца года, оставались только охранник и секретарша Симулина, выдававшая таким как Вика, не пришедшим вовремя, документы.

– Я даже к телефону не подхожу, – призналась она Вике. – Иначе тут можно свихнуться. Это как сообщать всем звонящим, что человек, который им нужен, скропостижно скончался. А если еще учесть, что двум третям из них он остался что-то должен…

– А ты не боишься, что они приедут?

– Они приезжают. Охранник говорит, что в офисе никого нет, все вопросы в судебном порядке. А наших всех, кто еще должен что-то забрать, я обзвонила. Так что “чужие здесь не ходят”.

– Как Дедушка? – спросила Вика.

– Не знаю. Я его две недели назад видела. Сказал, что собирается поехать отдыхать, но, по-моему, он расстроен. По-моему, даже он не ожидал такого финала.

– Да уж… туды-сюды, – произнесла Вика.

– Ты сама-то что будешь делать?

– Пока не знаю.

Вика все никак не могла привыкнуть к своему новому положению, когда нет работы, но ожидается ребенок. Точнее, он уже есть. Ей даже казалось, что она начала чувствовать толчки маленьких ножек, хотя живот по-прежнему был практически незаметен. Вика боялась, что скоро живот появится и ее разоблачит тетушка Поли, все-таки она профессионал в таких делах. Вика не знала, что говорить Поли о Чебурашкине. Надо бы

сочинить стройную легенду, как делают разведчики и шпионы.

Поли, однако, было не до этого. После возвращения из больницы она так до конца и не восстановилась. Вика чувствовала свою вину за Полинино состояние, так как понимала, что уход за ней после укуса Мони добавил переживаний в и без того беспокойную жизнь соседки. Она предлагала Полине свою помощь, но та неизменно отказывалась. Тогда Вика попросила Полину позволить ей хотя бы иногда гулять с девочками. Девочки с восторгом поддержали эту идею, и Полина сдалась.

Теперь Вика частенько появлялась во дворе с Катей и Машей. Гулять с ними было ничуть не легче, чем развлекать их дома. Вика изучила особенности всех детских площадок, находившихся в округе. Девочки не любили гулять в одном дворе и таскали Вику от площадки к площадке. Вика с закрытыми глазами могла описать опасности установленных там детских сооружений: здесь нет ступеньки при подъеме на горку, эти качели при раскачивании опасно кренятся, а в той песочнице все время спят бездомные собаки. Она успокаивала себя тем, что эти знания ей в скором времени пригодятся.

Вика ловила себя на мысли, что и внутренне становилась другой. Критичность ума, привыкшего подмечать недостатки окружающего мира, уравновесилась несвойственными Вике ранее терпением и спокойствием. Она по-прежнему, глядя на копошащихся в песочнице детей, первым делом думала: “Боже, какие некрасивые дети. И зачем в такую теплую погоду мамаши напялили на них эти лыжные шапки!” Но потом она находила взглядом малышей, которые ей нравились и даже вызывали умиление. Вика представляла среди них маленького Чебурашкина и неожиданно испытывала от этого приятное волнение.

И к дочкам тетушки Поли она теперь относилась по-другому. Да, они не блистали внешне, но были не по годам развитыми и сообразительными девочками. Вике даже доставляло удовольствие проводить с ними время. “У меня совсем размягчились мозги, – думала Вика. – Правильно говорят, что беременная женщина лишается половины своего ума”.

Врач-гинеколог частично подтвердила Викины опасения. Она сказала, что в женском организме в период беременности происходит колоссальная гормональная перестройка, которая сказывается на всем: поведении, настроении, мыслительных способностях. Врач ругала Вику за то, что та так долго не приходила к ней на осмотр, но не смогла скрыть своей радости, узнав, что Вика не прервала беременность. К счастью, она не стала выяснять подробности, Вике совсем не хотелось рассказывать про Монино вмешательство в ее жизнь и судьбу

маленького Чебурашки.

– У меня совсем не виден живот, – беспокоилась Вика. – Это нормально?

– Вполне. Размер живота при беременности индивидуален. Часто говорят, что при таком “незаметном” животе будет девочка, а если живот выпирает, родится мальчик. Но это народные приметы, медицинских параметров определения пола ребенка по размеру живота нет, – сказала доктор.

– А когда можно узнать пол ребенка? – затаив дыхание, спросила Вика. Ей почему-то отчаянно хотелось девочку.

– Уже можно. На трехмерном УЗИ пол виден уже сейчас, но у нас в центре его не делают. Подождите еще пять-шесть недель, и тогда сможете сделать УЗИ на определение пола у нас. Или найдите, где делают трехмерное.

Вика жаждала знать, кто же родится. Мальчик или девочка? Ждать пять-шесть недель не было никаких сил, и она записалась на трехмерное УЗИ. Конечно, это были дополнительные расходы, а в ее положении стоило тратить оставшиеся средства экономнее, но имеет же, в конце концов, беременная женщина право на капризы.

Накануне похода на УЗИ позвонил Чебурашкин. Вика так и не звонила ему после их последнего телефонного разговора. Она все время собиралась это сделать, но никак не могла собраться с духом. Вика просто не знала, как с ним теперь общаться. Так же, как раньше: “Привет. Как дела? Давай сходим в кино или поужинаем в ресторане” – не получится, но сказать ему о ребенке Вика пока тоже не могла решиться. Она подняла трубку и молчала, соображая, “сказать–не сказать”.

– Але, Вика?

– Привет, Павлик. Только что собиралась тебе позвонить. Завтра в пять ты свободен? – скороговоркой произнесла Вика.

– Нет, но для тебя я освобожусь, – пообещал Павлик.

– Отлично. Встречаемся без пятнадцати пять в метро “Тимирязевская”. В центре зала.

– Куда пойдем?

– Это сюрприз.

– Ты меня заинтриговала. Намекни хотябы.

– Завтра сам все узнаешь. – Вика нервно захихикала и поспешила проститься: – Все, извини, мне неудобно сейчас разговаривать. До завтра.

“Вот и прекрасно, – подытожила Вика, положив трубку. – Так мы разрубим этот гордиев узел. Все равно я не смогу скрывать это до бесконечности. Да и Чебурашкин не такой уж дурак, с

помощью элементарных арифметических действий он рано или поздно узнает, кто отец ребенка. Не говоря уж про уши. Господи, ну почему я уверена, что у ребенка будут большие уши? Ведь шансы пятьдесят на пятьдесят. Надо настроиться на лучшее. На худой конец, если это девочка, ей всегда можно будет сделать прическу, прикрывающую эти чертовы уши".

– Нормальные у нее будут уши. Не беспокойся, – пообещал ангел Вика. Сам же он последнее время нервничал вдвойне. Охраняя безопасность Вики, которая хотя бы, слава тебе, Господи, стала вести себя более адекватно, ангел Вика переживал еще и за Федю. По стране прокатилась волна отравлений поддельным алкоголем. СМИ преподносили это чуть ли не как эпидемию огромного масштаба. Большая часть жертв и пострадавших приходилась на провинцию, но ангела Вику это утешало мало. Стоявший на автопилоте Федя мог нарваться на смертельный продукт и в столице. Ангел Вика решил, что сегодня, когда Вика уснет, он слетает к нему хотя бы на полчасика.

Около одиннадцати вечера ангел Вика очутился у Феди в квартире. Федя смотрел телевизор. Он был трезв или почти трезв. По новостям как раз передавали сюжет об отравлениях спиртным в Псковской области.

– Вот, суки, что делают, – возмущался вслух Федя. – Совсем жизни простому народу не дают. Уже и выпить спокойно нельзя.

– Ты бы не пил пока Федя, – прошептал ему ангел. – Погоди. С ребенком у нас все получилось. Я скоро освобожусь, и тогда отпразднуем.

– С ребенком, – произнес вслух Федя. Он, в отличие от Вики, всегда хорошо слышал своего ангела-хранителя. – С каким ребенком? Не понял. Тьфу ты, черт-те что в голову лезет от расстройства.

– Не пей, Федя, не пей пока, – просил ангел. – Осталось продержаться совсем немного.

– А я вот возьму и не буду пить! – согласился Федя. – Думаете, я сдохну от вашей паленой водки? Русский народ извести хотите? А хрен вам! – И Федя пригрозил кулаком кому-то в телевизоре. – Федя не дурак, он переждет. Он не алкоголик какой-нибудь, он может и не пить. Если захочет, – убеждал себя Федя, ложась в постель.

Ангел Вика заботливо поправил ему одеяло и отправился назад, в Бутино. Рассчитывать на то, что Федя стопроцентно сдержит обещание и перестанет пить, было наивно, но ангелу Вике все равно стало легче. По крайней мере, Федор осознавал, что опасность существует, и он достаточно любил себя и свою

жизнь, чтобы эту опасность полностью игнорировать. “Даже если он не будет покупать водку в киоске рядом с автобусной остановкой, это уже плюс”, – решил ангел Вика, подводя итоги дня.

– Куда мы идем? – Павлик радостно подпрыгивал рядом со степенно вышагивающей Викой.

– В медицинский центр.

– Ты заболела?

– Нет.

– Тогда что мы будем делать в медицинском центре?

– Увидишь.

Вика нервничала. Она пыталась убедить себя, что ей все равно. Что ей неважно, какая реакция будет у Чебурашкина, она просто обязана сказать ему о ребенке, и она это сделает. Сокрытие от него факта своей беременности и его, между прочим, отцовства казалось ей ребячеством. Все-таки она взрослая женщина. Ей тридцать один. А сколько ему, кстати? Он, кажется, на два года младше? Или на год? И про группу крови не забыть бы узнать. Мысли перескакивали с одного на другое, а в душе было неприятное тянущее чувство, какое появляется, когда надо сделать то, что делать категорически не хочется. Что обычно говорят в таких случаях? Я беременна, но мне от тебя ничего не надо. Это мое решение и мой ребенок. Чушь какая!

“И что бы потом ни случилось. Все вроде бы предрешено. Все это реплики главных героев. В глупом несмешном кино” – так поется в одной из любимых Викиных песен. И теперь она сама попала в это глупое несмешное кино.

Ничего не подозревающий Павлик болтал о погоде, рассказывал о своей поездке в Мадрид и о последних новостях агентства “Аванте”.

– А у тебя что с работой? Ищешь? – поинтересовался он у Вики.

– Нет.

– Решила отдохнуть немного?

– Да.

– Правильно. Поедешь куда-нибудь?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я беременна.

– В смысле?

– В прямом.

– Ты шутишь?

– Какие уж тут шутки, Павлик, – начала выходить из себя

Вика. – Ты что, не понимаешь русского языка? Не знаешь, что беременность – это физиологический процесс, который длится у женщин девять месяцев и заканчивается рождением ребенка? Как этот процесс запускается, думаю, тебе объяснять ненадо.

– Подожди. – Павлик остановился и взял Вику за рукав. – Скажи мне, куда мы идем?

– Мы идем на УЗИ, чтобы определить пол ребенка.

– Извини, но если это правда, то… Зачем ты позвала меня? Тебе нужна моя помощь?

– Мне ничего от тебя не нужно. (“Ну вот, пошли штампы из кинофильмов”, – отметила про себя Вика.) Я просто решила, что ты должен об этом знать, потому что этот ребенок есть результат нашей поездки в Колкуново. – После этой фразы Вике стало значительно легче.

– Да-а-а? – ошеломленно протянул Чебурашкин.

– Да.

– И ты все это время молчала?

– А ты думаешь, мне легко было об этом говорить? Я до последнего не знала, стоит ли оставлять этого ребенка. – Вика посмотрела на часы. – Пошли. Мне до приема осталось пятнадцать минут.

В приемной медцентра Вике и Павлу выдали бахилы и указали на диванчик:

– Вас вызовут.

Рядом сидели беременные с большими животами, некоторые были с мужьями. На журнальном столике лежали журналы. Вика открыла первый попавшийся и сделала вид, что читает.

– Кравченко, – позвали ее через несколько минут.

Павлик встал, но тут же замялся, не зная, что делать. Можно ли ему войти в кабинет вместе с Викой?

– Проходите, проходите, не стесняйтесь, – подбодрила открывшая дверь медсестра, и Вика с Павлом вошли в кабинет.

Врач оказался грузным пожилым мужчиной кавказской наружности.

– Ложитесь сюда, – показал он Вике на кушетку. – А супруг пусть сядет вот на этот стул. Кассету записывать будем?

Вика не поняла, о чем идет речь. Она еще не отошла от разговора с Чебурашкиным, к тому же ее слух неприятно резануло слово “супруг”, произнесенное врачом по отношению к Павлику. Она молчала.

– Кассету записывать будем? – повторил врач.

– Будем, будем. – Павлик взял инициативу в свои руки.

Медсестра начала задавать Вике стандартные вопросы для

заполнения карты: возраст, какая по счету беременность, сколько недель, дата последнего УЗИ и так далее. Вика отвечала, потом врач рассказал об особенностях этого УЗИ. Трехмерное исследование, сравнительно новый метод, помогает добиться объемного изображения и четкой цветной картинки, все увиденное записывается на кассету и будет по сути “первой киносъемкой вашего малыша”.

– Подрастет, покажете ему, каким он был в животе у мамы, – произнес врач с легким кавказским акцентом и деловито поинтересовался: – Вы кого хотите? Мальчика или девочку?

– Девочку, – сказала Вика и в первый раз подумала, что это желание иррационально, так как мальчик с большими ушами еще куда ни шло, а девочке это совсем не нужно.

– А папа? Наверное, мальчика? – обратился врач к Чебурашкину.

– Почему? Девочка – тоже хорошо, – неуверенно произнес Павлик.

– Ладно. Тогда начнем. – Доктор вывел изображение на экран.

Вика увидела младенца, бултыхающегося у нее в животе и как будто пытающегося увернуться от прикосновений аппарата к животу мамы. Его вид не имел ничего общего с тем нечеткой формы червячком, чей портрет она безжалостно выбросила в урну два месяца назад. Это был натуральный ребенок, просто маленький, как будто игрушечный. Он дергал руками и ногами в каком-то понятном только ему танце.

– Ну давай, дорогой, повернись к нам лицом, – уговаривал его доктор, попутно замеряя размеры головы, конечностей, грудной клетки и внутренних органов и диктуя их медсестре. – Вот смотрите, – обратился он к Вике. – Это сердце. Видите? Клапаны, перегородки – все на месте. Все в порядке. Это почки. Две, как и полагается.

Вика пыталась разглядеть уши, но ребенок постоянно вертел головой, и рассмотреть уши не было никакой возможности. К тому же она явственно чувствовала толчки у себя в животе, малыш реагировал повышенной активностью на свою первую в жизни киносъемку.

– Толкается? Это нормально. Им обычно не нравится, когда их беспокоят. – Врач как будто прочитал ее мысли. – Смотрите, вот он поворачивается. Вот сейчас видно, кто это. Вы видите половые органы?

– Нет, – сказала Вика. Она и правда ничего не видела.

– Я тоже нет, – решил подать голос Павлик.

– Правильно. У мальчика вы смогли бы четко увидеть, где

что. А так можно не сомневаться: у вас будет девочка, как вы, собственно, и хотели.

Перед выходом из центра Вика бережно положила кассету в сумку, решив, что дома еще раз посмотрит на малышку повнимательнее.

– Давай поймаем такси, – предложил Павлик.

– Зачем? Я прекрасно себя чувствую и хочу прогуляться до метро.

– Тогда поехали в центр, поужинаем. Надо же отметить такое событие.

– Давай не сегодня? Знаешь, я сейчас не в состоянии. Извини, но мне хочется побыть одной. Не обижайся, ладно?

– Хорошо. Тогда я провожу тебя до дома. Пожалуйста. Мне так будет спокойнее.

Вике пришлось согласиться. В метро и в автобусе Павлик и Вика молчали. На автобусной остановке Чебурашкин попросил Вику подождать его пять минут и куда-то удалился. Вернулся с букетом роз. Вике этот жест показался одновременно и трогательным, и пошлым.

– Ладно, Павел. Дальше я сама. Спасибо, – неожиданно заявила Вика на полпути к дому. Она не хотела, чтобы ее с букетом и с Павликом увидела, например, тетушка Поли.

– Мы же еще не дошли.

– Мы почти дошли.

– Хорошо. Я тебе завтра позвоню. Не вздумай не подходить к телефону.

– Звони.

– Ну, пока тогда?

– Пока.

– Вика?

– Что?

– Поздравляю тебя! По-моему, все будет хорошо. Не грусти.

– Спасибо.

Вика проводила взглядом направившегося в сторону остановки Павлика. Потом завернула в соседний двор и села на скамейку на детской площадке. В песочнице, как обычно, возились некрасивые дети в лыжных шапках, но Полининых Маши и Кати среди них не было. Викин телефон запищал, оповещая о поступлении нового SMS. Сообщение было от Чебурашкина: “Как назовем дочку?” Он опять объединял их в одну семью. Вике это не нравилось. Она написала в ответ: “Я еще не решила”, но, подумав, стерла эту фразу.

– Ангелина, – шепнул ей ангел Вика. – Назови ее в честь

меня.

Вика взяла телефон и написала: “Ангелина”. Нажала “отправить”. Через минуту пришел ответ: “Ангелина Павловна. Хорошее имя. Мне нравится”.

“А мне плевать, нравится тебе или нет”, – подумала Вика, но своего обычного раздражения при этом не почувствовала.

– Ангелина Павловна Чебурашкина, – произнесла она вслух. – Это просто оксюморон какой-то. Ангелина Павловна Кравченко. Это уже куда лучше.

Дома Вика еще раз посмотрела кассету. Уши пока выглядели прилично, все остальное ей тоже очень даже нравилось. Ей хотелось, чтобы девочка поскорей родилась, тогда бы она смогла взять ее на руки, посмотреть в ее глазки, услышать ее голос и почувствовать ее запах.

После того, как Вика призналась во всем Павлику, ей как будто бы стало легче дышать. Она решила, что должна сказать о своей беременности тетушке Поли и, главное, “обрадовать” своих родителей. Ложась спать, Вика решила, что тетушке Поли она расскажет наднях, а родителям как-нибудь попозже. К этому разговору надо подготовиться.

“Как же все-таки это чертовски приятно: не ставить будильник, а вставать, когда проснешься. И ведь уже почти два месяца так, а не надоедает”, – подумала Вика засыпая.

Поход на УЗИ стал переломным моментом в отношениях Вики и Павлика. Чебурашкин, казалось, ошалел от свалившегося на него как снег на голову отцовства и стал проявлять бешеную активность. Он предлагал Вике выйти за него замуж и переехать к нему, а еще лучше – снять двухкомнатную квартиру, чтобы у Ангелины с рождения была своя комната. Вика отказывалась, говоря, что не готова к такому серьезному шагу. Тогда Чебурашкин кричал, что она хочет лишить его дочери. Вика возражала, что штамп в паспорте ничего не добавит в человеческие отношения. Павлик неоднократно предлагал Вике помочь деньгами, и если прежняя Вика, не задумываясь, приняла бы такую помощь, то Вика нынешняя проявляла повышенную щепетильность и денег брать не хотела.

Вика сама до конца не понимала, что с ней происходит. С одной стороны, она чувствовала, что Ангелина – это прежде всего ее ребенок, и считала, что материальная независимость поможет ей держать Павлика не некотором расстоянии, не даст ему права сломить ее волю и объединить их всех в ячейку общества под названием семья. К этому Вика была абсолютно не готова. С

другой стороны, забота Павлика подкупала. Ей было приятно видеть, как он суетится вокруг нее и их будущего ребенка, как он искренне пытается сделать им хорошо. Вика с опаской отметила, что перестала замечать недостатки Павлика, которые раньше ей просто бросались в глаза. Даже его уши больше не казались Вике такими уж большими и “чебурашистыми”.

Чувствовала себя Вика прекрасно. Она была готова поклясться, что находится в отличной физической форме. Ее перестали преследовать головные боли, исчезла усталость, а настроение было стабильно хорошим. Врач-гинеколог, которую Вике приходилось довольно часто посещать, подтвердила, что такое состояние свидетельствует о нормально протекающей беременности. В этот период количество женских гормонов в организме женщины возрастает, что приводит к состоянию повышенного внутреннего комфорта. Анализы у Вики были в норме, хотя сдавать их теперь приходилось больше, так как у Чебурашкина, конечно же, оказался положительный резус-фактор. Теперь, сидя в очереди к врачу, Вика другими глазами смотрела на нервных, вечно спешащих женщин в деловых костюмах. Она думала, что причины их напряженности (Я опаздываю на собрание! Начальник устроит мне нагоняй! Я не успею сдать отчет вовремя, и меня лишат премии!) глупы и ничтожны, и не могла поверить, что сама недавно была такой. Ее так и подмывало подойти к такой, с усталым взглядом, каждые пять минут посматривающей на часы, и спросить: “У вас есть дети?”

Оказалось, что в спортклубе, куда раньше ходила или, точнее, не успевала ходить Вика, проводятся занятия для беременных. Аквааэробика. Вика стала регулярно их посещать. Туда приходили такие же, как она, будущие мамы. После занятий все телепузики (как называла их группу тренерша) шли в бар выпить сока или чая. Разговоры шли в основном об анализах, показателях последних УЗИ, роддомах и приданом для новорожденных. Основная масса телепузиков не работала, часть работала на дому, и только одна спешила после занятий в офис, который располагался рядом со спортклубом. Все оставшиеся смотрели ей вслед с сочувствием. Когда Вика пыталась взглянуть на их компанию по интересам со стороны, ей казалось, что она окончательно сошла с ума. Сидеть в обществе молоденьких девочек и часами обсуждать, стоит или нет покупать ребенку коляску и кроватку до его рождения, – это ли не верх безумия для зрелой, пусть и беременной, женщины? Но ей было хорошо, и она решила, что может позволить себе хотя бы раз в жизни просто плыть по течению. В том, что радость материнства будет у нее однократной, Вика практически не сомневалась, несмотря на все

усилия российского правительства, направленные на стимулирование рождаемости.

Ангел Вика наконец-то тоже смог немного расслабиться. Он, конечно, продолжал внимательно следить за всем происходящим вокруг Виктории Кравченко, но ее новое психологическое состояние значительно облегчало ему задачу. Они работали на одну цель, или, как это принято теперь говорить, были командой, а работать в команде всегда веселее.

Ноябрь

Ноябрь бил все рекорды по пасмурности. Солнце вообще перестало выходить на работу. Все страдали от депрессии, а Вика, наоборот, была в приподнятом настроении.

В середине месяца проявилась Королькова. Прямиком из парижской клиники, где она последние три недели лечилась от бесплодия. Пузик решил, что пора обратиться к западным специалистам. Особых результатов лечение пока не дало, но Королькова вернулась довольной, компенсировав, по всей видимости, неудачи в лечении хорошим шопингом. Выглядела она прекрасно, но Вика поймала себя на мысли, что жалеет подругу. Сейчас ей казалось, что вещи, бренды, деньги – вся эта мишура не идет ни в какое сравнение с состоянием беременной женщины. Вика понимала, что это звучит как бред, но она действительно так думала. Корольковой говорить об этом Вика, конечно, не стала.

– Викуль, как ты себя чувствуешь? – пропела Королькова, заходя в комнату.

– Хорошо, Свет. Как ни странно.

– Что же тут странного? Беременным полагается быть спокойными и позитивно настроенными. Как твой Чебурашкин?

– Сказала.

– Да? И что он?

– Мучает теперь заботой и вниманием.

– Так это же хорошо! Жениться не предлагал?

– Предлагал.

– И ты?

– Свет, перестань. У меня, конечно, мозги размягчились от беременности, но не до такой же степени, чтобы выходить замуж за Чебурашкина.

– Понятно. Но ты не переживай. Есть хорошая новость.

– Какая?

– Абрамович разводится.

– Я слышала. Только здесь есть одно “но”.

– Какое?

– После развода он скорее всего уже не будет таким богатым.

– Это правда. – Немного помолчав, Королькова спросила: – Как у тебя с работой?

– Пока никак.

– Э-э, Вика, да ты совсем расслабилась. Яговорила насчет тебя с Гришей. Он может устроить тебя в консалтинговую компанию на проектные работы. Эта компания его холдинг консультирует, и

ему не откажут. Но ты должна иметь на руках программу и внятное резюме с опытом работы в этой сфере. Мы же с тобой все это уже обсуждали.

– Светка, спасибо тебе огромное. Я завтра же займусь этим вопросом. Что-то я и правда совсем расслабилась.

– Договорились. А у меня есть для тебя подарок. Вот смотри, в Париже в магазине для беременных купила. – Королькова достала из сумки сверток, развернула его, и перед глазами Вики предстал лиловый брючный комплект. Выглядел он стильно, и только трапециевидная форма блузона и хитро устроенный пояс на брюках выдавали в нем "спецодежду".

– Спасибо, Светка. Такая красота! Можно примерить?

– Конечно. Носи на здоровье. И между прочим, фиолетовый очень моден в этом сезоне.

Комплект оказался Вике впору и так ей понравился, что она не смогла его снять и после ухода Корольковой, проходила в нем до самого вечера.

"Надо хоть в ресторан выбраться, – думала она вечером, вешая подарок в шкаф. – А то совсем я тут одичала. Все время дома, в халате. Выхожу только к врачу и в спортзал. Все, пусть Чебурашкин ведет меня ужинать. Завтра же".

Павлик обрадовался, что Вика согласилась выйти с ним в свет. Он заказал столик в одном из любимых Викиных ресторанов и весь вечер суетился, поминутно интересуясь тем, как Вика себя чувствует и не надо ли ей что-нибудь заказать, принести или купить. Это одновременно и раздражало, и нравилось Вике, и она все никак не могла определиться, какое из двух чувств перевешивает: раздражение или симпатия.

– Вика, у тебя очень красивый наряд, – сказал Павлик, когда Вика сняла в гардеробе плащ.

– Королькова из Парижа привезла, – похвасталась Вика и почувствовала, как симпатия перевешивает раздражение.

– Вика, а ты знаешь, что во втором триместре беременности женщины чувствуют себя лучше, чем в первом и третьем? – поинтересовался Павлик, когда они уселись за столик.

Вика чуть не поперхнулась:

– Я-то знаю, а вот откуда ты это знаешь?

– Читал. Врачи даже рекомендуют в этот период поездки и путешествия.

– Да что ты говоришь! И куда ты хочешь меня отправить?

– Хочу пригласить тебя куда-нибудь съездить.

– Да-а? Это интересно. И куда же? Нью-Йорк, Лондон, Париж, Барселона?

– Я думал, может быть, в Омск? – тихо спросил Павлик.

– Куда? В Омск? Ты что, решил познакомить меня с родителями?

– Да. Если ты не против.

В этот момент Вика почувствовала, как раздражение у нее перевешивает симпатию. Конечно, она была против. Ей только не хватало еще “знакомства с Факерами” на шестом месяце беременности. Чебурашкин совсем уже обнаглел, потерял всякое чувство меры. Вика посмотрела на Павлика, готовясь ответить язвительным отказом, но что-то в его виде смягчило ее гнев. Ей стало жалко Чебурашкина, и еще она явственно представила себе на месте Павлика маленькую Ангелину. Она вдруг подумала, что это Ангелина сейчас сидит здесь с таким вот несчастным лицом и просит ее об одолжении. “Боже, я совсем рехнулась”, – было следующей мыслью. Вика улыбнулась Павлику и сказала:

– Знаешь, я в принципе не против знакомства с твоими родителями, но боюсь, что путешествие в Омск будет утомительно даже для выносливых женщин второго триместра беременности. Кроме того, скажу тебе честно, пока я психологически не готова к такого рода знакомству. Это будет дополнительный стресс. Давай отложим до рождения Ангелины, а там посмотрим. Я даже своим родителям пока ничего не сказала.

– Хорошо. Я могу подождать. А когда ты собираешься сказать своим?

– Еще не знаю. Скоро.

В конце ужина принесли заказанные Викой десерты. Большой кусок торта и три шарика мороженого. Последнее время ей ужасно хотелось сладкого, и она перестала даже думать о диете, решив, что изнурять себя голодом в ее положении будет преступлением.

– Вика, а тебе не вредно есть столько сладкого? – заволновался Павлик.

– Нет. Наоборот, полезно. Ребенку и матери требуется много глюкозы.

– А-а. Тогда, может, еще что-нибудь заказать?

– Пока не надо.

Вика уплетала десерт, а Чебурашкин продолжал ее расспрашивать. Его интересовало все: что говорит врач, хорошо ли Вика спит, достаточно ли она гуляет на свежем воздухе, нравятся ли ей занятия в спортклубе, решила ли она, где рожать, хватает ли у нее на все денег и когда можно будет покупать приданое ребенку.

– Слушай, Чебурашкин, дай мне доесть мороженое, а то я как на допросе, – взмолилась Вика.

– Извини. Просто мы так редко видимся, и сама ты ничего не

рассказываешь. Все надо тянуть клещами, – пожаловался Павлик, и Вике опять показалось, что перед ней маленькая Ангелина.

– Хорошо. В субботу у дочки моей соседки будет день рождения. Меня пригласили. Хочешь пойти со мной?

– Конечно. А сколько лет этой дочке?

– Будет пять.

– А соседка знает о твоей беременности?

– Пока нет. Вот заодно ей и скажем.

– Я с удовольствием приду, – пообещал Павлик. – О подарке не волнуйся. Я куплю от нас двоих. Что она любит, кстати?

– Танцевать.

– Понял. Что-нибудь придумаю.

В субботу Чебурашкин заявился к Вике с двумя букетами цветов: один для нее, другой для именинницы.

– А где подарок? – поинтересовалась Вика.

– Здесь. – Павлик достал из кармана конверт.

– Ты решил деньгами? – саркастически произнесла Вика.

– Нет. Здесь абонемент на десять индивидуальных занятий танцами с детским хореографом.

– О-о! Здорово. Сам додумался или коллеги подсказали?

– Почти что сам.

– А в каком районе занятия? Я не уверена, что Полина сможет ее далеко возить. У нее еще второй ребенок есть.

– В центре. Думаешь, не сможет? – растерялся Павлик, и Вике вновь стало его жаль.

– Нормально. Она может их обеих брать на занятия, раз они индивидуальные. Или я смогу помочь, мне все равно делать особо нечего, – поспешила успокоить Павлика Вика. – А вообще ты молодец! Я уверена, что дети будут в восторге.

– Правда? – Павлик приободрился. – Ястарался. Как твои дела? Ты у врача была?

– Павлик, ну ты меня замучил уже расспросами. Нормально все у меня. И у врача ябыла, и ничего плохого он не нашел. Ты нервничаешь больше, чем я.

– Я просто тебя люблю.

Вике от этих признаний в любви каждый раз становилось дурно. Она понимала, что для того чувства, которое она испытывает к Павлику, скорее подходит слово “жалость”, чем слово “любовь”. Понимала она также, что проклятый Чебурашкин так сильно подцепил ее на крючок этой жалости, что сорваться с него не представлялось возможным. Во всяком случае, пока. Самое ужасное, что Павлик стал ассоциироваться у нее с крошкой Ангелиной. Она была уверена, что ее дочка будет похожа на папу, и сейчас его лицо трансформировалось в ее сознании в лицо

нерожденной еще Ангелины, которую она не смела, да просто и не могла отвергнуть. Вика надеялась, что с рождением ребенка это наваждение пройдет, да и время расставит все по своим местам. Надо просто ждать.

– Слушай, нам уже пора. Подожди на кухне, я переоденусь, – распорядилась Вика.

Некоторое время она колебалась: надеть Светкин костюм или что-нибудь попроще. Костюм было жалко, потому что Полинины дети могли его запросто чем-нибудь заляпать, но, с другой стороны, хотелось выглядеть красиво. Все-таки сегодня такой ответственный день. День рождения днем рождения, но Вике предстояло представить тетушке Поли, ее семейству и гостям Чебурашкина и намекнуть о своем интересном положении. В новом костюме она будет чувствовать себя увереннее. И Вика решила надеть костюм.

Тетушка Поли, открывшая им дверь, была в ужасном бархатном платье кроваво-красного цвета, и Вика тут же пожалела, что надела свою обновку. Кто тут оценит? А вот заляпать могут запросто. За спиной Поли в небольшом коридорчике наблюдалось странное оживление. Какой-то персонаж в маскарадном костюме развлекал детей. “Может быть, сегодня маскарад и надо было прийти в костюме? – мелькнуло у Вики в голове. – Но Поли же ничего такого не говорила”.

При ближайшем рассмотрении персонаж оказался мужиком в костюме Петушка. Петушок был в возрасте и, похоже, любил выпить. Хотя щеки его были намазаны румянами, нос был сизым от природы. Он кукарекал, махал воображаемыми крыльями и показывал детям фокусы. Не все из них удавались, но дети смеялись. Вике же это зрелище показалось скорее пугающим, чем забавным.

– Кто это? – спросила она тетушку Поли.

– Петушок.

– Я вижу, что не курочка. Где вы его взяли?

– В агентстве заказали. Вообще-то мы заказывали клоуна, но нам сегодня позвонили и сказали, что клоун заболел. Предложили взамен Петушка. Пришлось брать, мы детям уже пообещали, – вздохнула Поли.

– Понятно. Ты смотри, не подпускай его к спиртному. Он, по-моему, из запойных.

– Да ладно тебе, Вика. Не преувеличивай. Лучше познакомь меня со своим кавалером.

Вика так увлеклась обсуждением Петушка, что совсем забыла про Чебурашкина. Тот, сиротливо прижавшись к дверному косяку,

вежливо улыбался хозяйке.

– Это Павел. Это Полина, – наконец представила их друг другу Вика.

– Очень приятно, – сказали они практически хором.

– Ну, вы проходите в комнату. Вика, познакомь Павла с гостями, ты там всех знаешь.

Вика представила Павлика поочередно Полининому мужу, девочкам и гостям. Гости были те же, что и восьмого марта. Среднестатистические российские семейные пары с детьми. Про таких говорят: “глаз положить не на что”. Лучше выглядеть они с тех пор не стали, скорее наоборот. Не было только симпатичного Игорька и его родителей. Вика даже немного расстроилась. Она хотела его увидеть. “Зато Чебурашкин прекрасно вписывается в эту компанию, – отметила про себя Вика. – Такой же среднестатистический”.

Полинины дочки, Маша и Катя, радостно поприветствовали Вику, но тут же вернулись обратно к Петушку. Чем-то ему удалось пленить детские сердца.

– Давай подарим подарок, – шепнул Павлик Вике.

– Не сейчас, – сказала она. – Не будем же мы конкурировать с пернатыми за детское внимание. Подарим позже.

– Да, ты права. Так лучше.

Гости в основной своей массе кучковались в гостиной. Мужчины смотрели по телевизору футбольный матч, а женщины бегали из гостиной на кухню и обратно. Вика решила, что ей тоже надо проявить некую инициативу и предложить помощь по хозяйству. Она велела Павлику остаться в комнате: “Посиди, посмотри футбол. Ты любишь футбол?”, а сама направилась на кухню. Тетушка Поли не отказалась от помощи по нарезке овощей для детского салата. Вике выдали фартук и объяснили задачу. Сложность состояла в том, что салат на тарелке должен был выглядеть как смешная рожица и надо было правильно нарезать овощи: огурцы – глаза, оливки – зрачки, морковка – нос, а картофельные ломтики предстояло уложить в виде волос. Поли подсмотрела этот рецепт в каком-то женско-детском журнале и теперь призывала Вику “сделать все как на картинке”. Вика старалась, Поли помогала, и очень скоро у них начал вырисовываться образ.

– Полина, как твое здоровье? – спросила Вика, усердно строгая картофель правильной формы.

– Хорошо, спасибо. А как ты? Ищешь работу?

– Ищу, но, честно говоря, не слишком активно.

– Хочется еще отдохнуть? – засмеялась тетушка Поли.

– Да. И… – Вика решила, что сейчас удачный момент открыть

свою тайну. На кухне кроме них никого не было. – Я жду ребенка, – на выдохе произнесла Вика.

– Да я уже догадалась, – посмеиваясь, ответила тетушка Поли.

– Как? Ведь ничего же не видно!

– Это тебе так кажется, что не видно, а маму Поли не обманешь. – Поли была явно горда своими способностями сыщика.

– И давно ты догадалась?

– Месяца два назад.

– Чего молчала?

– Ждала, пока сама скажешь. Что я буду лезть с расспросами, если ты сама об этом не готова говорить?

– Логично.

– Павел – отец? – спросила Поли.

– Да.

– Он мне нравится. По-моему, он очень добрый. И глаза у него голубые.

“Такие голубые-голубые глаза, а остальное все жопа”, – вспомнилась Вике где-то услышанная фраза.

– Когда рожать? – спросила Поли.

– В марте.

– Весенний, значит, будет. Здорово. Или весенняя?

– Весенняя.

– Поздравляю! Девочки, они как-то к мамам ближе.

В наступившей после этих слов паузе отчетливо слышался стук Викиного ножа о разделочную доску.

– Полин, а это очень страшно? – наконец решилась спросить Вика.

– Рожать?

– Рожать и потом… растить, воспитывать.

– Знаешь, Вика, это нелегко, но это самое прекрасное, что может быть в жизни женщины, – ответила тетушка Поли.

И Вика ей почти поверила.

Вскоре салат был готов и торжественно водружен в центр праздничного стола. Вернувшись в гостиную, Вика обнаружила Павлика оживленно обсуждающим наиболее острые моменты прошедшего матча в мужской компании.

“О, да он и разговор умеет поддержать. Не теряется с незнакомыми людьми. Это хорошо. С другой стороны, контингент тут тоже не самый сложный. Они же не индекс Доу Джонса обсуждают, а футбольный матч”, – подумала Вика. Она так до конца и не поняла, почему взяла сегодня с собой Павлика. Чтобы не чувствовать себя одиноко среди этих семейных пар? Чтобы

показать Полине, что у нее все как у людей и у будущего ребенка есть реальный отец? Странно, кстати, что тетушка Поли не спросила, когда они собираются пожениться. Постеснялась, видимо. Или она взяла его, поддавшись странному видению и испытав жалость не к Павлу Чебурашкину, а к Ангелине? Да какая теперь разница!

Ангел Вика спокойно наблюдал за всем происходящим, успевая одновременно читать Викины мысли. Последнее время он перестал активно вмешиваться в ее жизнь, спорить с ней и нашептывать в ее милые ушки разного рода советы и наставления. В этом отпала необходимость, и ангел Вика чувствовал себя счастливым. Хотя и принято считать, что ангелы, в отличие от людей, никаких чувств не испытывают.

За столом тем временем началось веселье. Катю, а именно она и была сегодня именинницей, усадили во главе стола и начали поздравлять. Взрослые произносили тосты в честь Катерины и ее родителей, запивая их крепкими спиртными напитками, дети пили детское шампанское, и все с аппетитом поглощали наготовленные тетушкой Поли блюда. Вика спиртное не пила, но, когда очередь дошла и до нее, сказала очень красивые и трогательные слова в адрес маленькой девочки. Она действительно успела искренне привязаться к Полининым детям за последние несколько месяцев. Чебурашкин очень кстати в довершение тоста вспомнил о подарке и шумно его презентовал. Катины глаза загорелись от такой роскоши, еще бы – ееперсонально будут учить танцевать.

– А танец живота там будет? – по-деловому спросила она у Павлика.

Растерявшегося Чебурашкина спасла Вика.

– Будет все, что ты захочешь, – пообещала она. – Это же твой подарок.

Идиллию нарушил громкий плач Маши. Она не могла больше сдерживать обиду, ведь ей тоже очень хотелось уроков танца, а день рождения у нее только через полгода. Катя великодушно разрешила сестренке ходить вместе с ней.

– А где же Петушок? – поинтересовалась Вика у тетушки Поли.

– Он на кухне. Я приглашала его сесть с нами, а он отказался. Но неудобно же человека голодным оставлять, я там ему накрыла.

– И стакан налила? – поинтересовалась Вика.

– Ну, не стакан. Рюмашку. А что, не надо было?

– Нет, думаю, что с рюмашки ему ничего не сделается.

В этот момент из прихожей донеслось робкое “кукареку”,

после чего в дверном проеме появилась голова Петушка.

– Хозяйка, можно вас на минутку? – обратился он к тетушке Поли.

Вернувшаяся через несколько минут Поли наклонилась к Вике и прошептала:

– Ты была права. Просил еще налить. Представляешь?

– Полина, я же профессионал по кадрам. Я диагноз могу поставить по одному блеску в глазах. Ну и ты что? Налила?

– Мне неудобно было отказать. Все-таки праздник.

– Детский, между прочим, – заметила Вика. – Хочешь, я его спроважу?

– Не надо, – махнула рукой Поли, – пусть пьет.

Спустя два часа дети уже вовсю носились по квартире, взрослые то выходили покурить на балкон, то возвращались пропустить еще по рюмке. Уже так, без всяких тостов. Чебурашкин на фоне остальных выглядел вполне достойно: пил, но очень в меру, не курил в принципе, да и особых глупостей не говорил. Правда, успел заметить, что ковер на стене в гостиной “как у него дома в Омске”. По мнению Вики, ковры на стенках были пережитком прошлого, а этот конкретный так и вовсе был ужасен. Но да бог с ним, с ковром! Вика думала, что сказала о своей беременности всем, с кем близко общалась. Остались только родители.

После чая с тортом Вика почувствовала, что устала, и засобиралась домой. Павлик, естественно, тоже. Тетушка Поли подмигнула им на прощанье и сказала Вике: “Держись!”

Вика боялась, что Павлик теперь зависнет у нее дома, но он повел себя довольно деликатно и долго у нее не задержался. В благодарность она даже чмокнула его, уходящего, в щеку.

Петушка нашли только к вечеру, и то случайно. Все это время он спал на кухне. Под столом. Во сне он не издавал никаких звуков, так что тетушка Поли, взявшаяся протирать пол после праздника, подумала, что он умер, и от страха закричала. Но Вика об этом уже не знала. Она спала.

Ангел Вика сидел в кресле рядом с Викиной кроватью и думал, что до конца эксперимента осталось чуть больше месяца. Кажется, все получилось.

Родители позвонили сами. Звонок застал Вику врасплох. Она писала программу для тренинга. Королькова звонила через день, капала на мозги, угрожала, что Пузик может и передумать, если Вика будет такой нерасторопной. И Вика попыталась взять себя в руки. Перестала часами зависать в Интернете на сайтах о беременности и родах, отложила в сторону пачки журналов на ту

же тематику и спрятала кассету с Ангелининым УЗИ подальше, чтобы не отвлекаться. Она достала с антресолей коробку с материалами, инструкциями, методичками, программами – всем тем, что касалось сферы кадров и что накопилось у нее за долгие годы работы. Внимательно просмотрела все это бумажное богатство, выделила несколько направлений, по которым она могла бы составить неплохие тренинги, и принялась за работу. Сначала не получалось. Голова, забитая мыслями о кружевных конвертах, розовых платьицах и прочих бантиках и заколочках, которые надо будет обязательно купить Ангелине, мыслить логично отказывалась. Написать план хотя бы одного тренинга оказалось не таким уж простым делом. Надо было сформулировать цель, задачи, понять, на какую аудиторию он рассчитан. Надо было тщательно отобрать материал: чтобы было информативно, но не скучно. Этот материал предстояло выстроить в наиболее логичной последовательности. Инаконец, были необходимы детали. Много интересных деталей, примеров из собственного или чужого опыта. Именно они цепляют внимание и позволяют не только услышать, но и запомнить основные идеи программы.

Постепенно Вика втянулась, и дело пошло. Когда зазвонил телефон, она даже не хотела подходить: собьешься с мысли, потом начинай все сначала. Телефон звонил настойчиво, и Вика нехотя поднялась из-за стола.

– Наверняка Чебурашкин. И чего так трезвонить? И трубку не взять нельзя, потому что он начнет звонить на мобильный, а потом еще примчится, чего доброго. У него же повышенное чувство тревожности, – ворчала Вика, подходя к телефону.

– Алло, – немного раздраженно произнесла в трубку Вика.

– Ты почему не на работе? – с места в карьер начала Мария Ивановна.

– Я болею, – с ходу соврала Вика. – Вообще-то, здравствуй, мама.

– Что с тобой, дочка? – встревоженно спросила Мария Ивановна.

– Ничего страшного. Простудилась немного.

– Ох, напугала. Ты нам уже полтора месяца не звонишь. Мы же с папой волнуемся. Неужели так трудно взять и позвонить родителям?

– Извини, мам. Я и не заметила, что уже столько времени прошло. Время так быстро летит.

– Ну как твои дела? Рассказывай, – потребовала Мария Ивановна.

Вика лихорадочно соображала: сказать– не сказать? Или

сказать, но не сейчас. Так ничего и не решив, Вика ответила вопросом на вопрос.

– А ваши? Как со здоровьем?

– У нас все нормально. По-старому. Отец тут немного хворал. Бревен на новый сарай потаскал, и спину заломило. Радикулит у него. Сейчас уже оправился. Как ты?

– Я нормально.

– Как на работе?

– По-старому. – Вика понимала, что говорить родителям об увольнении категорически нельзя.

– У нас тут Дашутка в Москву собирается. Спрашивает, можно у тебя остановиться?

– Когда? – Вика поняла, что выбора у нее не остается. Дашутка ей была совсем ни к чему, и, в любом случае, родители должны узнать правду от нее, а не от этой малолетней дурочки.

– Да вроде недели через две. Они с подружкой хотят в Москву съездить, вроде как на экскурсию. Подружке есть где остановиться, а Дашке нет.

– А в гостинице?

– Вика, ну ты же знаешь, какие там у вас цены. А тебе что, жалко, что ли? Или ты не одна живешь? – заподозрила неладное Мария Ивановна.

– Мне не жалко, мама. Но, видишь ли, у меня появились обстоятельства…

– Какие еще обстоятельства?

– Мама, я беременна, – выпалила Вика. – У вас скоро будет внучка. Поздравляю!

– …

– Мама? Алло?

– Как беременна? От кого?

– От мужчины, мама. От кого еще беременеют?

– Боже, Витя, Витя, иди скорее сюда! – кричала Мария Ивановна на другом конце провода и уже отчетливо, в трубку, произнесла: – А как же Сережа?

– Какой Сережа? – Вика даже сначала не поняла, о ком идет речь.

– Сережа. Сын Василисы Афанасьевны.

– Мам, а при чем тут Сережа? – осторожно спросила Вика, испугавшись, что от этой новости у Марии Ивановны немного поехала крыша.

– Нет, ну он же такой приличный. На Доске почета висит. А у тебя-то кто? Он хоть жениться собирается?

– Мы еще не решили, стоит ли оформлять наши отношения, мама. Да ты не волнуйся, все будет хорошо.

– Боже, Витя, она беременна неизвестно от кого, и он жениться не собирается. – Вика слышала, как мама сообщила это упавшим голосом папе, после чего сказала: – Витя, что ты стоишь как истукан? Неси мне валидол.

– Мама, да не волнуйся ты так. Мне же не пятнадцать лет. Я могу прокормить себя и своего ребенка. Да и папа у него есть. Хочешь, я вас познакомлю? Просто я пока не готова выходить замуж, но он хочет на мне жениться.

– Хочет? А не врешь? – Голос Марии Ивановны немного окреп.

– Честное пионерское.

– Она еще шутит. Вика, это не смешно. Ятебе вот что скажу, дочка. Если он человек порядочный оказался, то ты выходи замуж, не раздумывай. А то потом передумает, и ты останешься матерью-одиночкой, а ребенок безотцовщиной расти будет. Как, ты говоришь, его зовут?

– Кого? – не поняла Вика.

– Господи, да жениха твоего! Кого же еще?

– Павел.

– А фамилия?

– Чебурашкин.

– Не пьет?

– Нет.

– А он не женат ли, часом?

– Нет, мама, не женат.

– Разведен?

– Нет, мама, он не был никогда женат.

– Сколько ему лет?

– Двадцать девять.

– Это что же, моложе тебя?

– Почти ровесники.

– Москвич?

– Из Омска.

– Значит, без квартиры?

– Снимает.

– Я так и думала. Ох, говорила тетя Нюра, что не надо тебя было в Москву пускать. Ничего там хорошего нет.

– Мама, а при чем тут вообще тетя Нюра?

Мария Ивановна проигнорировала последний вопрос и, вздохнув, сказала:

– На вот папу. Он поговорить с тобой хочет.

– Вика, дочка. Как дела? Тебя, говорят, можно поздравить. – Виктор Михайлович всегда казался Вике на порядок конструктивнее своей супруги.

– Да, папа. И вас тоже. У вас скоро будет внучка.

– А ты уже знаешь, что девочка?

– Да?

– Как назовешь?

– Ангелина.

– Хорошее имя.

– Как твоя спина, папа?

– Хорошо, Вика. Не беспокойся. Ты о себе лучше заботься. Тебе же надо больше отдыхать сейчас.

– Да у меня все нормально. Правда. Вы не волнуйтесь.

– Может, тебе передать какие продукты домашние? Дашка вот скоро в Москву собирается.

– Да ну, будете ее банками нагружать. Зачем? Здесь все можно купить.

– Ну, смотри. Может, к нам приедешь на Новый год?

– Не знаю пока, пап. В моем положении по поездам не очень удобно таскаться, а самолеты до Кувшиново не летают.

Внимательно слушавшая разговор Мария Ивановна в этом месте выхватила трубку из рук мужа и закричала:

– Срок-то какой?

– Шестой месяц.

– Прилично. Рожать когда?

– В марте.

– Как же ты будешь там одна с дитем справляться? А за квартиру-то кто платить будет, пока ты с дитем сидишь?

– Мама, ну уж справлюсь как-нибудь. И за квартиру не волнуйся: мне предлагают работу с почасовой оплатой, пока я с ребенком.

– Ну, так на нее все равно же надо будет ходить. А с ребенком-то кто? – не унималась Мария Ивановна.

– Няню найму. Мама, это же не Кувшиново. Здесь все проблемы решаемы.

– Решаемы. Я вот вижу, как ты уже их нарешала. Ты просто пока не представляешь, что такое маленький ребенок. Ты вот, когда была маленькой, орала постоянно. Я ночи не спала, днем от усталости о дверной косяк головой стукалась. А у нее все решаемо…

– Да хватит ее пилить, мать, – раздался шепот Виктора Михайловича. – Что ты как с цепи сорвалась, ей-богу. После драки кулаками не машут. Что мы, внучку не воспитаем, что ли?

– Ладно, Вика, – сдалась Мария Ивановна, – давай отдыхай там. Береги себя. И звони нам, не забывай.

– Хорошо, мам, спасибо.

– А о свадьбе-то подумай. Можем тут в Кувшиново сыграть,

тут не так дорого. У ребенкадолжен быть отец. И люди тогда болтать ничего не будут. А развестись ты всегда сможешь.

– Ладно, мама. Я подумаю. Вы там не переживайте. Все будет хорошо.

После разговора с родителями Вика поняла, что сил на продолжение работы у нее совсем нет. Она прилегла на диван и закрыла глаза, чувствуя, что, несмотря на незаконченную программу, она сегодня выполнила куда более важное дело. Список персон, которых надо было оповестить о скором появлении на свет Ангелины, был закрыт. Уф, какое облегчение! Ангел Вика думал о том, как запутана человеческая жизнь. Мария Ивановна, похоже, расстроена новостью о появлении внучки, тогда как при другом раскладе она скорее всего лишилась бы в этом году своей единственной дочери. Странные они все-таки, эти люди…

Декабрь

Наступило утро тридцать первого декабря. Вика проснулась в семь. Сама, без будильника. Она встала с кровати и подошла к окну. За окном шел снег, с которым традиционносражались смуглолицые дворники. Вика вспомнила, как ровно год назад так же смотрела на этот снег, думая, что уж в новом году ее жизнь обязательно изменится к лучшему. Жизнь и впрямь изменилась. Не так, как мечталось Вике, но то, что к лучшему, в этом Вика не сомневалась. Она вышла на кухню и включила “Наше радио”:

Вот вам веселый декабрь
Из огоньков витрин,
Из проводов и камня,
Из гололеда шин, —

пел “Високосный год”.

Вика стала подпевать, пританцовывая с чайником в руке. Сегодня предстояло сделать много дел, поэтому Вика и проснулась так рано. Три дня назад к ней приехали родители, и сегодня планировался настоящий новогодний ужин. Домашний, семейный. Родители приехали без предупреждения, словно хотели застать Вику врасплох. Папа, правда, говорил что-то о телеграмме, которую они якобы послали, но при этом слегка краснел и отводил в сторону глаза. Врать он никогда не умел. Адресом и маршрутом от вокзала их, надо понимать, снабдила Дашутка, гостившая у Вики в начале декабря. Вика открыла дверь и не поверила своим глазам, увидев на пороге Марию Ивановну, которая, не дав ей опомниться, решительно сделала шаг вперед и сразу же запричитала:

– Вика, худая-то какая, господи, – и вдруг заплакала. Сзади семенил Виктор Михайлович.

Насчет “худая” – это была полная ерунда. Вика прибавила уже семь килограммов с начала беременности, но спорить с мамой она не стала, зная, что у той свои стандарты красоты. Когда на стол была выставлена батарея банок с вареньями и соленьями, гора пирожков и килограммов пять парного мяса (“Нинка тебе передала, поросенка своего давеча зарезали”), последовал неминуемый вопрос: “А где жених-то?”

Вика терпеливо объяснила, что с Павликом они живут раздельно, но она обязательно их с ним познакомит.

– Что ж за семья такая, раздельно жить? – поджав губы,

произнесла Мария Ивановна.

Вика в ответ промолчала, решив запастись на ближайшие дни терпением. Пытаясь отвлечь родителей от темы Чебурашкина, она познакомила их с тетушкой Поли и ее семейством, сводила на прогулку по окрестностям Бутино и предлагала отвезти в центр. Но в глазах Марии Ивановны все это время читался вопрос: когда? И Вика позвонила Павлику, объяснила ситуацию и попросила приехать к ним сегодня на ужин. Чебурашкин, как она и ожидала, обрадовался и обещал приехать.

Потом был ужин с холодцом, соленьями и пирожками. Виктор Михайлович вел себя, как всегда, сдержанно, в отличие от супруги, не сводившей глаз с “жениха” и задававшей ему вопрос за вопросом. Но Павлик был изтех молодых людей, которые как будто созданы для знакомств с родителями. Возможно, в семье аристократов и интеллигентов в пятом колене ему пришлось бы сложнее, все-таки провинциальность сквозила и во внешности, и в ответах, но здесь он пришелся ко двору. Мария Ивановна была довольна и, когда Павлик ушел, отвела дочку в сторону и почему-то шепотом сказала:

– Хороший парень. Я в людях разбираюсь. Дура ты будешь, Вика, если замуж за него не пойдешь. Послушай меня хоть раз в жизни.

Вика сказала, что подумает.

Последующие три дня Викина размеренная жизнь резко увеличила темп. Мария Ивановна хлопотала по поводу новогоднего стола, вовлекая в эти хлопоты всех остальных членов семейства. Она не хотела ударить в грязь лицом перед “будущим зятем” (так она теперь называла Чебурашкина). Викины предложения посмотреть Кремль, сходить в кино или театр или хотя бы прогуляться по Тверской были отвергнуты. “Какая Тверская, если в доме не прибрано и шаром покати”, – считала Мария Ивановна, и Вике оставалось только подчиниться. Сначала они бегали по магазинам, закупая продукты по составленному мамой списку, потом убирали квартиру. Затем покупали новогодние украшения и украшали квартиру. Виктор Михайлович был послан за елкой. Купить ту, которая понравилась взыскательной супруге, ему удалось только с третьего раза. Первая была слишком маленькая, вторая недостаточно пушистая. Виктор Михайлович бегал, как заяц, меняя елку за елкой. Вике было его жалко, но и ей самой приходилось нелегко. Мария Ивановна не делала скидку даже на ее положение, объяснив, что в Кувшиново она, конечно, со всем справилась бы сама, а здесь, уж извините, без Викиной помощи ей никак не обойтись.

Сегодня, слава богу, был последний день марафона. Родители

еще спали, и Вика мечтала, чтобы сон Марии Ивановны продлился подольше, давая ей насладиться утренним чаем в спокойной, расслабленной атмосфере. Вика подумала, что ей надо собраться и постараться не забыть в этом хозяйственном ажиотаже поздравить всех, кого она планировала, с наступающим Новым годом. В списке, помимо Корольковой и тетушки Поли, значились также Петр Лукич Симулин, Фролова, Капустина и еще несколько бывших сотрудников “Оптимы”. Тех, чьи телефоны хранились в ее записной книжке. И надо было попросить Королькову передать трубку Пузику. Он сдержал свое слово и помог Вике с работой. Она уже встречалась с директором консалтингового агентства. Они мило побеседовали, обсудили их потребности и ее возможности, посмотрели вместе программы, подготовленные Викой, и назначили дату первого тренинга. Сразу после зимних каникул. Гонорар Вике предлагали неплохой, и, если работать интенсивно, выходило бы даже больше, чем зарплата в “Оптиме”. Но Вика не собиралась с головой погружаться в работу. Она посчитала, что для удовлетворения ее основных потребностей вполне хватит проводить тренинги несколько раз в месяц. К слову сказать, и потребности ее значительно сократились. Во всяком случае, платье в витрине дорогого бутика уже не вызывало восхищенного трепета и спазмов в горле: “хочу”. Зато трепет вызывали детские принадлежности и всякие младенческие штучки. На это Вика и планировала тратить основную часть своих будущих доходов. Чебурашкин, правда, уже взял с нее слово, чтопочетную миссию покупки крупного детского инвентаря он возьмет на себя. “Ладно, все как-нибудь обустроится”, – думала Вика.

– Ты уже встала? – На кухне, как черт из табакерки, возникла Мария Ивановна. – А заливное не смотрела? Застыло?

– Мама, расслабься. Сядь, позавтракай. Застыло твое заливное.

– Как у тебя все просто! То, которое в холодильнике, конечно, застыло. А на балконе? У вас же тут погреба нет, а холодильник и так уже весь заставлен. Вот беда.

– Мама, это не беда, – улыбнулась Вика. – Сядь, пожалуйста, за стол.

– Ох, как люди всю жизнь в таких квартирах живут? Да еще так высоко, – удивлялась Мария Ивановна, но на стул все же села.

– Так и живут. Тебе чай?

– Ты же знаешь, я кофе не пью. А Паша-то во сколько придет?

– Паша придет вечером, часам к девяти.

– А что так поздно-то? Сегодня же выходной, – обиделась Мария Ивановна.

– А чего ему тут раньше делать? Под ногами путаться?

– Ну, ты скажешь тоже, Вика. Путаться. Это же отец твоего ребенка… но, может, и хорошо, что он к девяти. Мы как раз все успеем закончить. Список-то где?

– Здесь твой список. Где и был. На холодильнике.

– А что ты все “твой” да “твой”? Я что, для себя стараюсь? – Мария Ивановна обиженно посмотрела на Вику и со скорбным лицом начала переливать чай из чашки в блюдце.

Ангела Вику сегодня вызывали на собрание последней группы алфавита. Как и последние пятьдесят лет, если не считать прошлого года. Пятьдесят. А ведь Федору в этом году стукнул полтинник. Юбилей. А он не то что его не поздравил – забыл об этом напрочь. Ай-яй-яй. Но ничего, скоро он к нему вернется, и тогда постарается все Федоровы лишения за этот год компенсировать. Ангел Вика немного волновался, так как пока его не вызывали на разговор о Вике в Небесную канцелярию. Он-то рассчитывал, что сегодня придут два приглашения: в первую группу алфавита и в последнюю. Но пришло только одно. Как это расценивать? Наверное, там все и скажут. Они же всегда тянут до последнего. Он был уверен, что эксперимент завершен успешно, но неизвестность все-таки держала ангела Вику в напряжении. Кто знает, как там они замеряют уровень недовольства жизнью. А вдруг ошибутся и не то намеряют? Всяко бывает.

В девять часов, когда в Викиной квартире появился Павлик, ангел Вика отправился на собрание в Небесную канцелярию.

Он был рад вновь сидеть среди знакомых лиц в группе от “У” до “Я”, но в то же время чувствовал себя здесь как студент, пришедший на зачет, после того как проболел оба семестра. В этом году он был ангелом Федором только формально, на деле же весь год он провел ангелом Викой. От этих мыслей ангелу Вике было неуютно. “А вдруг они опять напутали или вообще забыли, что я участвовал в эксперименте?” – думал он. Но делать нечего, приходилось ждать. Задавать вопросы, как известно, здесь было не принято.

Старший ангел начал свою традиционную речь. В ней подводились итоги, отмечались успехи и неудачи отдельных ангелов. Об ангеле Вике, то есть Федоре, не было сказано ни слова. Далее Старший ангел заговорил о предстоящих перспективных планах. В этот раз все было ожидаемо, без всяких там экспериментов. Речь подходила к концу, ангел Вика ерзал на кресле от нетерпения и нерешительности. Они что там, замяли это дело вообще? Придется спрашивать. Ему же надо понимать, что будет дальше. Ведь по условиям эксперимента, сегодня в 0 ч.

00 мин. он должен вернуться к Федору. А Вика? Что станет с ней? Ангел Вика решил дождаться конца собрания и подойти к Старшему ангелу в частном порядке.

– И наконец, уважаемые коллеги, разрешите мне поздравить одного из вас с успешным завершением ответственного задания. В этом году мы проводили эксперимент по изменению показателя недовольства жизнью. Один из ваших согруппников, а именно ангел Федор, был назначен в ангелы-хранители к человеку с высокой степенью недовольства жизнью. Должен сказать, что задача у него была не из легких. Но он с ней справился. Мы провели соответствующие замеры, и – внимание коллеги – уровень недовольства жизнью у его подопечной Кравченко Виктории Викторовны снизился с девяноста трех до тринадцати процентов. – Старший ангел сделал многозначительную паузу и обвел глазами зал.

В зале шептались: “Невероятно”, “Как ему это удалось?”, “Депрессия – это чума нашего времени” – и даже раздались робкие голоса: “Пусть расскажет!”.

Ангел Вика содрогнулся от мысли, что придется рассказывать о том, что они с Викой пережили за этот год. Он также прекрасно понимал, что выбранный им метод подойдет далеко не всем и часть ангелов будет разочарована. Все же хотят универсального средства, чтобы подошло и молодой девушке, и седому старцу. К счастью, Старший ангел спас положение:

– Мы очень надеемся, что этот пример вдохновит всех вас в решении проблем по искоренению грехов ваших подопечных. Ищите пути исправления людских пороков сами. Ищите и обрящете. А мы поздравляем ангела Федора и разрешаем ему вернуться к своему прежнему хранимому сегодня в ноль часов ноль-ноль минут. Виктория Кравченко же поступит в распоряжение своего прежнего ангела-хранителя, который, мы надеемся, осознал свои ошибки и сделал соответствующие выводы. Поздравляю вас с Новым годом, коллеги. Есть вопросы?

Вопросов не было.

– Собрание считается закрытым, – произнес Старший ангел.

В ответ раздались жидкие аплодисменты.

В квартире Вики застолье уже шло полным ходом.

– Ты ешь, Паша, ешь. Тебе поправляться надо, – приговаривала Мария Ивановна, подкладывая Чебурашкину все новые куски на тарелку.

– Спасибо большое, Мария Ивановна, вы очень вкусно готовите. Но я больше не могу, – пытался увильнуть Павлик. При этом он жалобно смотрел на Вику.

– С мамой спорить бесполезно, Павлик, так что ты кушай, кушай, – безжалостно отвечала Вика.

Наконец по телевизору началась речь президента, после которой раздался бой курантов. Павлик воспринял приход нового года как спасение. Он юркнул из-за стола к елке, под которой были сложены подарки, и вопросительно посмотрел на Вику: “Можно?”

Идея с подарками под елкой, конечно, тоже принадлежала Марии Ивановне. На Викин взгляд, это было несколько по-детски, но раз маме так хотелось…

Самые большие пакеты под предназначались родителям. Вика решила пойти по оправдавшему себя ретропути. Она попросила Чебурашкина купить родителям валенки. Самой ей вырваться из крепкой маминой хватки в эти дни не представлялось возможности, но Чебурашкину были даны подробные инструкции: где покупать, какие валенки и каких размеров. Он справился. Купил отличные экземпляры с резиновой подошвой и красивым гобеленовым отворотом.

– Господи, Витя, ты погляди только! – ахнула Мария Ивановна, заглянув в пакет. – В таких и ходить-то жалко.

– Ну, начинается, – строго произнесла Вика. – Вам что ни подари, все жалко.

– Спасибо, Паша, спасибо, дорогой. Дай я тебя поцелую, – растроганно пропела Мария Ивановна, и Вика поняла, что все лавры достаются Чебурашкину, так как именно он приволок сегодня этот пакет.

Одновременно с родителями развернул свой подарок и Павлик. В праздничной упаковке лежал красивый шарф. Викин подарок. Вика долго думала, что купить, и, как всегда, дотянула до последних дней. Пришлось ехать в магазин в сопровождении Марии Ивановны. Та долго ахала, увидев цену, и даже начала Вику отговаривать:

– Ты что, дочка, такие деньги за шарф. И шарф-то так себе, ничего особенного. Может, я, конечно, старая и ничего не понимаю, но у вас же рядом с домом в супермаркете на эти деньги можно целый свитер купить, если не куртку.

Но тут Вика не поддалась. Супермаркетовских свитерков у Чебурашкина и так было пруд пруди. А на его шарфы она без слез смотреть не могла. Вязаные, выцветшие и растянутые: она такими в детстве обвязывала горло, когда болела ангиной. Пусть хоть один приличный будет.

Настала очередь Вики раскрыть подарок Павлика. Она взяла в руки небольшую коробочку. “Какая-нибудь очередная бижутерия”, – успело пронестись у нее в голове. Однако в коробке

был конверт. В конверте – фотография.

– Это еще что? – спросила Вика Павлика, уставившись на изображение.

– Это мой подарок. – По торжественному тону и блеску в глазах было видно, что Чебурашкин подарком гордится.

– Что там, дочка? – Мария Ивановна нетерпеливо потянула фотографию из Викиных рук. – Это что же, машина?

На фото действительно был автомобиль. Маленький, компактный, но импортного производства. И с ромашками на кузове. Да-да, на голубом фоне были нарисованы самые настоящие большие ромашки. Вика не могла поверить своим глазам. Неужели Чебурашкин дарит ей машину? И как он узнал, что ей нравятся авто с аэрографией?

– Павел, ты что, серьезно? Это мне?

– Это вам. Тебе и Ангелине. Вам же надо будет как-то передвигаться по городу. Тем более у тебя есть права. Ромашки нравятся?

– Очень. Но это же так дорого. Я узнавала, сколько стоит аэрография, не говоря уж о самой машине.

– Но ты же не хочешь брать деньги. Приходится выкручиваться. А ромашки мне нарисовали с большой скидкой. Наш дизайнер подрабатывает в этом бизнесе и договорился о хорошей цене. Не волнуйся, на коляску и кроватку еще осталось.

Вика не знала, что сказать. Она была тронута. Год назад машина с ромашками скорее рассмешила бы ее, чем растрогала, но сейчас… Она представляла, как посадит на заднее сиденье маленькую Ангелину и они отправятся… например, в Кувшиново. К бабушке с дедушкой.

Бабушка с дедушкой тоже молчали, открыв от изумления рты.

И ангел Вика понял, что ему пора. Он тут уже не нужен, тем более что к Вике вернулся ее прежний ангел. Он почувствовал его присутствие.

– Пока, родная. Пусть у тебя все будет хорошо. – Он поцеловал в висок свою теперь уже экс-хранимую и отправился к Феде.

Четверть первого новогодней ночи в квартиру Федора позвонили. Он открыл дверь ине поверил своим глазам. Честно говоря, на какое-то мгновение Федя испугался, что у него началась белая горячка, или, как говорили люди его круга, белочка. На пороге стоял тот самый лысый, с которым он встречал прошлый новый год. В той же дубленке, с портфелем в руке, только без шапки.

– Федя? – изумленно произнес хозяин квартиры.

– Я.Ничего, что без приглашения?

– Что ты, друг! Заходи. Я рад тебя видеть. Где ты пропадал?

– Да служба, брат, служба.

Федя силился вспомнить, кем работает его прошлогодний знакомец, но вспоминалось с трудом. Кажется, в МЧС. Наверное, в горячей точке был весь год.

– Проходи на кухню, друг. Выпьем. Правда, у меня уже ничего и не осталось, – развел руками Федя.

– Это дело поправимое. – Лысый открыл свой чемоданчик, и начался пир.

– Слушай, тезка, тебя просто Бог мне послал, – через пару часов застолья со слезами умиления говорил Федя. – Если бы ты знал, какой тяжелый год был у меня…

– А что такое? – насторожился лысый.

– Ах, сплошные неприятности. То водкой отравился, то деньги украли. Два раза менты забирали, а раз упал и весь лоб себе расшиб. С работы чуть не поперли. А летом, когда деньги-то покрали, такие настали тяжелые времена, что “Лану” приходилось пить…

– Это стеклоочиститель? – ужаснулся лысый.

– Его, – подтвердил Федя. – А что? Водичкой развести, немного соли…

– Так пенится же.

– Пенится, зараза. И дорогой. Пятьдесят рубчиков. Но выгодно.

– Почему? – не понял лысый.

– Потому что водой разводишь один к одному, и получается в два раза больше, – объяснил Федя. – Не пробовал?

– Не приходилось.

– И не надо. Не дай бог! Уж если припрет, лучше настойку боярышника жахнуть. Восемь рублей, семьдесят процентов спирта. Но бутылек маленький. На опохмелку надо минимум три.

– Слушай, Федя, – поморщился собеседник, – так нельзя. Не бережешь ты себя. Здоровье-то уж не то. Тебе вот полтинник в этом году стукнул, пора уже с излишествами завязывать.

– А ты откуда знаешь?

– Что?

– Что мне полтинник?

– Да ты сам год назад говорил, – нашелся лысый.

– А-а-а. Ты прав, друг. Здоровье надо беречь. Давай за здоровье! – Федор поднял рюмку с водкой.

– За здоровье, – сказал ангел Федя. – Ты не волнуйся, в этом году все устаканится. Все пойдет на поправку. Я тебе точно

говорю.

– Верю, друг. Верю.

Когда Федя уснул, ангел Федя стал думать, что дел ему в наступившем году предстоит немало. Надо будет как-то восстанавливать здоровье Федора, подкосившееся за год пребывания на автопилоте. Уж что-что, а “Лану” Федор при нем не пил. Дожили, называется. Но ничего, как-нибудь. С Божьей помощью. Надо будет еще выкроить время, чтобы навестить Вику, посмотреть на Ангелину. Да и интересно, получится ли у них что-нибудь с Чебурашкиным? С улицы доносился звук взрываемых петард и фейерверков. Сквозь гул праздничной канонады пробивались слова песни:

Промокшие в этом снеге,
Но довольные собой,
Незамеченные никем,
Возвращаются они домой.
Они ни во что не верят
И никогда не плачут.
Бог, открывающий двери,
Ангел, приносящий удачу.

“Ангел, приносящий удачу, – повторил ангел Федя. – А ведь это про меня”. Все-таки он собой гордился.